

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

САНДЛЕР ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Тиллоева Саодат Махмадкуловна

Екатеринбург 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	10
1.1. Религиозный язык как объект изучения лингвистики	10
1.2. Основные подходы к изучению религиозного языка в коранистике	13
1.3. Проблема перевода арабских религиозных текстов на русский язык.....	18
1.4. Язык вражды: понятие и признаки.....	24
1.5. Методология и методика исследования аудиозаписей при лингвистической экспертизе.....	45
Выводы по главе I	49
ГЛАВА II. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ	53
2.1. Семантический уровень религиозного текста.....	53
2.1.1. Семантика и прагматика сур Корана	89
2.2. Фразеологический уровень	101
2.3. Лексико-грамматический уровень.....	106
2.4. Синтаксический уровень религиозного текста	116
2.5. Фонетико-фонологический уровень организации языковой системы в религиозных текстах.....	128
Выводы по главе II.....	133
ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ.....	137
3.1. Семантические особенности сложных глаголов.....	138
3.1.1. Моделированные сложные глаголы	140
3.1.2 Немоделированные сложные глаголы	153
3.1.3. Сложные глаголы с предлогами в именной части.....	156
3.1.4. Рамочные конструкции.....	158
3.2. Лексико-семантические модификации при переводе глаголов	163
Выводы по главе III.....	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	175

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	183
СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	218
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	219

ВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу языковых особенностей религиозного текста.

Актуальность исследования. Функциональный подход к языку невозможен без проникновения в основную функцию языка как орудия общения. Речевое общение предполагает использование языка для целей трансляции и приема сообщений, для обмена мыслями. Проблема соотношения языка и речи, являясь стержневой проблемой науки о языке, требует дальнейшей разработки в свете современных достижений когнитивной науки. Необходимо разработать собственно лингвистические методики для изучения роли языковых средств в познавательных процессах.

Объект данного диссертационного исследования – иноязычные религиозные тексты и их перевод на русский язык.

Предметом исследования является семантико-структурная и функциональная специфика религиозного текста, создающая трудности при переводе в процессе лингвистической экспертизы.

Цель данного диссертационного исследования – комплексное описание функционирования языковых единиц в рамках религиозного текста.

В соответствии с целью диссертационного исследования были определены следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать понятие «язык вражды» (далее – ЯВ).
2. На семантическом уровне выявить наиболее частотные стилистические средства и определить их основную функцию в религиозном тексте.
3. На фразеологическом уровне охарактеризовать основные проблемы, связанные с внутренней формой фразеологизма, а именно: а) множественность понимания внутренней формы фразеологизма; б) связь внутренней формы и мотивации фразеологического значения; в) соотношение внутренней формы фразеологизма и фразеологической картины мира.

4. Рассмотреть функционирование частей речи в религиозном тексте с позиции их прагматического потенциала; проанализировать особенности их семантики.

5. С позиции синтаксиса установить наиболее употребительные синтаксические структуры предложений. Определить специфические особенности заголовка и основного текста в аспекте прагматического функционирования.

6. Определить в структуре религиозного текста семантические группы сложных глаголов; выявить лексико-семантические трудности перевода сложных глаголов в рамках религиозного текста.

7. Выявить и охарактеризовать основные трудности при переводе религиозных текстов.

Фактическим материалом исследования послужили мусульманские аудиозаписи на фарси, дари и русском языке в сети Интернет. За единицу исследования принималась одна аудиозапись. Общий объем выборки составил 16 единиц.

Научная новизна определяется следующими факторами:

- 1) проведено исследование лингвистических основ функционирования «языка вражды» в религиозном тексте;
- 2) осуществлено комплексное рассмотрение религиозного текста на семантическом, формальном и прагматическом уровнях;
- 3) введен в научный оборот ранее не изученный языковой материал.

Научная новизна диссертационного исследования также обусловлена анализом возможностей адекватного перевода религиозных текстов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть учтены при формировании терминологического аппарата юрислингвистики и лингвоконфликтологии, в частности могут способствовать уточнению базовых понятий данных отраслей знания, а также решению ряда дискуссионных вопросов. Работа вносит определенный вклад в изучение лингвистических факторов ЯВ, демонстрируя возможность его исследования на стыке лингвистики, конфликтологии, юриспруденции и других дисциплин, что

является востребованным в настоящее время при проведении лингвистических экспертиз и других видов исследований. Результаты исследования также могут быть использованы при создании лингвистической теории перевода религиозного текста.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть применены в ходе разработки вузовских курсов лингвистического анализа текста, теории речевого воздействия, лингвopsихологии, политической лингвистики. Результаты проведенного исследования могут быть использованы также при чтении курсов «Теория и практика массовой информации», «Коранистика», «История языка», «Практика перевода».

Теоретической и методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в следующих областях:

– *юрислингвистика* (А. С. Борисова, Н. Д. Вакина, Е. И. Галяшина, А. В. Денисова, Ж. В. Кургунзёнкова, В. Д. Никишин, Н. Ю. Мамаев, М. А. Осадчий);

– *теория коммуникации СМИ* (А. Белояр, А. М. Верховский, Т. А. Воронцова, И. М. Дзялошинский, А. В. Евстафьева, Ю. Казаков, Г. Кожевникова, О. С. Коробкова, М. В. Кроз, В. В. Кузнецова, А. Панюшкина, Руженцева Н.Б., Е. Е. Соколова, Б. В. Шулумба, Ю. В. Щербина);

– *прагмалингвистика* (М. М. Бахтин, О. Н. Бахтина, И. М. Гольберг, В. В. Дементьев, Р. В. Жолудь, Н. И. Коновалова, О. А. Крылова);

– *теория и практика перевода* (И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Я.И. Рецкер, В.С. Слепович, А.В. Федоров, А.Д. Швейцер);

– *уголовное право* (Р. Р. Абдулганеев, И. А. Алехин, И. Н. Ананьев, С. В. Балахничева, В. А. Берковская, В. Галицкий, Р. Глухов, Т. Гуркина, А. А. Игнатенко, Е. Кожуховский, А. Р. Манукян, А. Ф. Мещерякова, С. Н. Фридринский);

– *коранистика* (П. А. Грязневич, К. С. Кашталева, И. Ю. Крачковский, М. О. Османов, Е. А. Резван, В. Д. Ушаков);

– *иранистика* (В. А. Лившиц, И. М. Стеблин-Каменский, Е. К. Молчанова, В. Б. Иванов, А.И. Полищук);

– *когнитивная лингвистика* (Л. В. Балашова, Е. С. Кубрякова, В. Б. Касевич, В. А. Маслова, В. Н. Телия, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал);

– *политическая лингвистика* (А. Н. Баранов, М. Ф. Нефидова, Т. В. Романова, А. П. Чудинов, Е. А. Шудегова, В. Н. Ярская);

– *стилистика СМИ* (М. Н. Володина, Т. Г. Добросклонская, Е. В. Жданова, М. Н. Кожина, М. Кормилицына, О. Сиротинина, Г. Павловский, Н. Е. Петрова);

– *теория лексического значения и полисемии* (М. А. Кронгауз, А. А. Зализняк, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева);

– *теория перевода* (Т. Г. Корнеева, Ф. А. Литвин, Э. М. Медникова, Я. И. Рецкер).

Для решения поставленных задач был использован комплекс исследовательских **методов**: индуктивный, классификационный, сравнительный методы; метод контент-анализа и интент-анализа; метод контекстного анализа, структурно-семантический метод, метод словарного анализа слова, метод контекстуального анализа и метод синонимических преобразований, метод семантического анализа лексических единиц, метод дистрибутивного анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие «язык вражды» при всем разнообразии его дефиниций имеет два обязательных компонента: негативное значение и обязательную адресацию.

2. В материалах религиозного характера в качестве техники манипулятивного воздействия используются вырванные из контекста (цитаты Священного Корана) дискурсивные метафоры. Языковые единицы более высокого порядка (соответствующие аяту, стиху) в этих целях погружаются в иной контекст и получают новую трактовку.

3. Семантический уровень религиозного текста (далее – РТ) организуется оппозицией, основанной на категории оценки. Предложенная

методика позволила выявить наиболее частотные стилистические средства в РТ: *метафору, антитезу, персонификацию, лексический повтор, сравнения.*

4. Фразеологические единицы в рамках РТ характеризуются двуплановостью семантики: изначальный образный субстрат и современное сигнификативное значение. Связующим звеном между ними является внутренняя форма фразеологизма, закрепленная в сознании современных носителей языка. В основе внутренней формы фразеологизма лежат переосмысление, иносказательная ситуация. Как следствие – у говорящего и слушающего возникает определенный образ, который они связывают с прагматикой речи, что и создает условия для осуществления коммуникации.

5. На лексико-грамматическом уровне в РТ высоким прагматическим потенциалом обладает глагол. Максимально высоким потенциалом воздействия характеризуются деструктивные глаголы в форме повелительного наклонения. Отрицательные имена существительные и прилагательные выполняют оценочно-характеризующую функцию. Прагматическим целям служат также местоимения 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа. Наиболее частотным является местоимение 2-го лица мн. числа, выступающее как средство достижения согласия, основанного на вере.

6. Синтаксический уровень религиозного текста представляет собой последовательное расположение элементов восприятия, обладающих разным иерархическим статусом. Синтаксическая иерархия обусловлена спецификой восприятия того или иного знака. В рамках РТ языковые знаки образуют целое текстовое пространство. Вербальная структура РТ состоит из двух компонентов: *заголовка* и *основного текста*. *Заголовок* выражает основную идею сообщения; ему свойственны лаконичность, эмоциональность, что способствует быстрому восприятию информации. *Основной текст* содержит доводы и аргументы, подтверждающие положения, содержащиеся в заголовке.

7. Использование семантических групп сложных глаголов (далее – СГ) определяется спецификой РТ (прагматической установкой). Трудности перевода

СГ связаны, с одной стороны, спецификой РТ, с другой – особенностями языков (фарси и дари) и свойственным им полисемантизмом.

8. Проблема перевода РТ обусловлена жанровой спецификой (рецепцией устной речи), а также наличием национально-прецедентных феноменов, идиоматичностью высказываний, многозначностью лексических единиц, различиями категориальной организации глаголов (моделированные, немоделированные, СГ с предлогами в именной части, рамочные конструкции), расхождением грамматических и синтаксических систем русского и иностранных языков. Наиболее оптимальными и адекватными способами перевода языковых средств в РТ являются выявление в языке перевода эквивалента языка оригинала, а также учет не только внутритекстовых свойств оригинала, но и внетекстовых факторов.

Достоверность результатов исследования обеспечена значительным объемом проанализированного материала.

Апробация работы. Основные идеи, положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседании кафедры профессионально-ориентированного и языкового образования Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург), а также на международных научно-практических конференциях (Екатеринбург 2022–2024 гг.).

По теме исследования опубликовано 6 статей, в том числе 4 – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертационной работы. Данное диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и нормативных правовых актов.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Религиозный язык как объект изучения лингвистики

Современная лингвистика характеризуется значительным интересом к языку религиозной сферы. Дискуссии о статусе религиозного языка, его детерминантах связаны главным образом с различными подходами в интерпретации его роли в общении человека с Богом и людей друг с другом.

В последние годы различные аспекты функционирования религиозного языка изучаются с лингвистических (А. В. Валькова, А. К. Гадомский, И. М. Гольберг, Г. В. Гриненко, А. В. Духанина, О. А. Киба), дискурсивных (В. А. Бурцев, М. Л. Касаткин, М. А. Кожина, Е. В. Плисов), когнитивных (М. Н. Бушакова, О. Д. Вишнякова, А. Ф. Гершанова, И. В. Колмагоров), лингвокультурологических (Е. Л. Барышева, О. Н. Бахтина, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомаров, Н. И. Коновалова, Ю. В. Коренева, Г. А. Макарова, Н. Р. Уразаева) и теологических (В. В. Антропова, Р. В. Жолудь, Ю. В. Романченко, А. В. Татаринев, В. В. Яговец) позиций.

В рамках историко-семасиологического подхода изучаются этимология языковых единиц, особенности их заимствования, функционирования как в переводных, так и в аутентичных текстах (М. Фуко, S. Arnet, F. H. Vaader, K. Bayer). Акцент при этом делается на исследовании семантики языка религиозной сферы с исторических и структурных позиций, а также в рамках социологии языка.

Современные лингвофилософские течения связаны с анализом и толкованием священных текстов различных мировых религий, таких как Библия и Коран. Так, в частности, В. Г. Адмони, классифицируя формы речевых высказываний, выделяет сакральные тексты – религиозные, мифологемные. Согласно автору, для любой религии характерны канонические священные тексты, однако «текстовая точность, требуемая религией, наряду с тем, что живая речь через некоторое время становится уже неадекватной языку, которым написаны религиозные тексты, вызывает у многих религий необходимость

развернутого и тщательного комментирования этих текстов, их толкования» [Адмони 1994: 67]. Ученый также обращает внимание на проблему сакрального двуязычия относительно христианства и ислама: «известная доля особой сакральности, известной дистанции от утилитарного языка представляется верующим важным признаком священного текста» [Там же: 78]. В рамках лингвофилософских направлений генезис религиозных текстов рассматривается с применением методов риторического, поэтического, герменевтического анализа.

Отдельного внимания требуют исследования, посвященные изучению религиозной формы языка в качестве функционального стиля. Функциональный стиль, в том числе религиозный, представляет собой систему жанров-текстотипов: «Функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры, т. е. речевые нормы построения определенных, достаточно широких классов текстов...» [Долинин 1978: 60].

Весьма знаменательно то, что еще Аристотель сознательно описывает жанр как внутрিলитературное явление, распознаваемое по внутрিলитературным критериям, а не по внешним обстоятельствам, связанным с этикетом и различными условиями обрядового оформления жизни. Данное описание находит отражение в современном истолковании данного термина: «Жанр как исторически сложившийся тип литературного произведения выделяется на основании принадлежности к тому или иному литературному роду, а также по преобладающему эстетическому качеству (эстетической тональности). Любой жанр есть конкретное единство формы в ее основных моментах – своеобразной композиции, образности, речи, ритма» [Литературный энциклопедический словарь 1987: 107].

В научной литературе имеется большое количество исследований, посвященных различным аспектам данного понятия (В. В. Дементьев, Л. Р. Дускаева, М. Н. Кожина, О. А. Крылова, Е. В. Крымская, М. М. Лоевская, В. А. Мишланов, Д. Д. Молодых, Е. В. Морозова, М. Б. Расторгуева, Т. В. Шмелева, Р. К. Шовкопляс).

Важным толчком для развития жанроведения стали труды М. М. Бахтина (1975–2009 гг.). Согласно М. М. Бахтину, жанру свойственны устойчивость, объективность, безличность [Бахтин 1979]. Опираясь на его теорию, Е. В. Бобырева определяет жанр как «вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей, совокупность текстовых произведений, объединенных единой целью, одинаковой или близкой тематикой, имеющих сходные композиционные формы, реализующиеся в типичной коммуникативной ситуации» [Бобырева 2007].

J. Bartminski считает, что «жанр как набор конвенций, регулирующих высказывания, охватывает способы конструирования текстов, их семиотическую организацию, интенциональное отношение адресанта к адресату и типичные употребления» [Bartminski 1998: 15].

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре. Указывая на тесную связь культуры и жанра, В. В. Дементьева отмечает, что каждая культура обладает собственным жанровым своеобразием, собственным «набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделен каждый жанр в данной культуре», а также «оценочным отношением к ним, обусловленным общей ценностной картиной мира» [Дементьев 2011: 313].

Е. С. Худякова предлагает иной метод для систематизации жанров религиозного стиля, основываясь на полевой структуре: «...система жанров церковно-религиозной коммуникативной сферы организована по полемому принципу, предполагающему стабильность речеганрового ядра и диффузность периферии. Отношения ядра и периферии жанрового поля зависят от макросоциолингвистических характеристик социальной группы, в которой эти жанры используются» [Худякова 2009: 5].

А. К. Гадомский, акцентируя внимание на связи стиля и жанра, предлагает анализировать язык религии «как систему жанров, многие из которых совпадают с жанрами светского языка или являются прародителями жанров светского языка» [Гадомский 2007].

Особое внимание привлекают исследования, основанные на коммуникативно-прагматическом подходе к анализу текста. «Текст не может не быть прагматически определенным... Поэтому при исследовании текста нет такой области, которая не могла бы в том или ином смысле рассматриваться прагматически» [Медникова 1985]. Этот метод дает возможность определить и охарактеризовать композиционные, семантические и прагматические характеристики текста, а также способы его оформления [Комарова 2012: 445] в соответствии с функциональным стилем.

В настоящее время самым востребованным направлением изучения языка религиозной сферы является его осмысление в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, учитывающей взаимодействие антропоцентрического и теоцентрического в категоризации языка. Целесообразным видится использование дискурсивного метода применительно к анализу не только внутрирелигиозного и внутриконфессионального развития, но и межрелигиозного и межконфессионального развития, также с точки зрения семантико-прагматической и онтологической организации религиозного текста [Плисов 2019].

Особый интерес в рамках нашего исследования представляют научные подходы к изучению религиозного языка в коранистике.

1.2. Основные подходы к изучению религиозного языка в коранистике

Трудно не согласиться с Э. Сепиром в том, что «реальный мир инстинктивно основывается на языковых нормах каждого конкретного этноса, расхождение языков обусловлено скрытым различием мировосприятия, а не общим миром под разными стереотипами» [Сепир 1993]. Здесь необходимо подчеркнуть, что одной из ключевых специфик коранического языка является то, что в нем зафиксирован язык оседлых племен Аравийского полуострова VII в. В данном языке нашло отражение состояние аравийского общества того периода. Он описывал «реальный мир», каким его представлял себе человек, живший тогда

и находившийся в центре важнейших изменений, которым было охвачено арабийское общество [Резван 2001].

Средневековыми грамматистами Коран рассматривался не только как объект исследования, но также как нормативный текст, который включал в себя всю палитру сохранившихся грамматических правил, которым необходимо было дать правильную трактовку. Первые труды средневековых авторов, посвященных изучению языка Корана, затрагивали проблемы, связанные с развитием лексической и грамматической систем арабского языка. Исследования таких ученых, как Абу Джафара ан-Наххса, Абу Амра ибн ал-Аммал Басри, Абу ал-Асвада ад-Дуама, Аль-Фарра свидетельствуют о длительном периоде сложения лексической и грамматической систем языка Корана.

Современный уровень понимания проблемы позволяет увидеть в Коране «отражение таких интегрирующих устных форм, как форма сакрального языка, форма поэтического языка (койне), форма обиходно-бытового койне межплеменного общения» [Белова 1986].

Здесь нельзя не согласиться с Е. А. Резваном, который писал: «Язык Корана уникален и необходимо видеть границу его разумного сравнения с современным ему языковым материалом. Коран с его языковыми особенностями (широта и гибкость лексических единиц, увещательный стиль, синтаксис) – стереотипен и выразителен. Он имеет особый смысловой код, который тесно связан не только с ситуативным, но и широким социальным и культурным контекстом» [Резван 2001: 51].

Несомненный интерес представляет исследование Р. Мартина. Автором при анализе коранического текста были выявлены «тематические маркеры», вызывавшие у аудитории Мухаммеда ассоциации, сопровождавшие содержание проповедей символическим смыслом. Данные ассоциации не были связаны с кораническим текстом, но относились к его (Мухаммеду) мирозданию [Martin 1982].

По справедливому замечанию Э. Аурбах: «Любой сакральный текст изначально требует интерпретации». Религиозный текст в своем первоначальном

виде «неполон» без дополнительных разъяснений [Auerbach 1967]. Данная концепция была приложена к кораническому тексту благодаря Дж. Уонсборо [Wansbrough 1977].

Классиками в изучении коранической лексики признаны Я. Барт, С. Френкель, Х. Гримм, А Сиддики. Они акцентировали внимание на семантических и синтаксических изменениях лексических единиц Корана. Собранный в данных исследованиях огромный лингвистический материал служил прекрасной основой для работы в таком направлении.

Развитие коранических исследований в XX в. осуществлялось благодаря научным изысканиям В. В. Бартольда, В. Беляев, П. Грязневич, И. Ю. Крачковского, К. С. Кашталевой, И. Н. Винникова, В. Д. Ушакова, М-Р. О. Османов, В.М. Порохова Г.С. Саблуков.

Особый интерес представляет работа К. С. Кашталевой «Терминология Корана в новом освещении» [Кашталева 1928: 7–12]. Согласно К. С. Кашталевой, «язык Корана, являясь сам по себе особым видом источника, нуждается в самостоятельном изучении» [Там же: 10]. Предложенный ею подход, основанный на диахронном анализе коранических терминов, позволяет, «с одной стороны... проникнуть при помощи исследования текста в сущность скрытого за ним понятия и, проследив жизнь его в тексте, определить эволюцию этого понятия. С другой стороны, фиксируя определенную фазу развития того или иного понятия, терминология может служить одной из наиболее надежных отправных точек для критики коранического текста» [Eadem 1927: 53].

К. С. Кашталева, применив метод контекстуального анализа, установила связь между историческим развитием семантических особенностей терминов Корана и изменениями, связанными с мединским периодом жизнедеятельности пророка Мухаммеда [Кашталева 1927: 117].

Идеи К. С. Кашталевой получили дальнейшее развитие в трудах Т. Изуцу [1966], П. А. Грязневича [1984]. Заслуга Т. Изуца заключается в том, что им впервые были исследованы не только семантика, синтактика определенных терминов, а целые тематические разделы: «Бог и человек», «Вера, знание,

истина», связанные с религиозной этикой, изложенной в Священном Писании [Изуц 1966]. П. С. Грязневич подчеркивал необходимость использования метода контекстуального апплицирования в изучении коранических текстов. Данный метод, согласно автору, с позиции структурно-семантического подхода не только позволяет описывать функционирование языковых единиц в кораническом тексте, но и способствует моделированию фрагмента языковой картины мира (начальная история ислама) [Грязневич 1984].

Перспективным направлением изучения коранических текстов является метод сопоставительного анализа языковых единиц Корана с языковым материалом мединского периода и семитским словарным фондом. Метод структурно-диахронного анализа терминологии коранического текста позволяет установить, каким образом реальная проповедническая деятельность Мухаммада и его представления о его назначении нашли отражение в терминологической системе Корана [Резван 2001].

Большой вклад внес И. Ю. Крачковский в теорию и практику реализации контекстового анализа терминов в кораническом тексте [1945].

Изучение языка Корана может дать информацию не только о его религиозной составляющей, но также о лексико-грамматических средствах классического арабского языка, племенных диалектах, существовавших на территории Аравийского полуострова в VI–VII вв. Исследование языкового контента позволяет получить данные об условиях формирования коранического текста, в частности о целевой аудитории проповеди, ее эмоциональной составляющей, а также о хронологической составляющей конкретных аятов [Резван 2001].

Современная лингвистика свидетельствует, что «значимость какого-либо явления в жизни человеческого общества может проявляться в степени повторяемости обозначающего это явление слова или группы слов» [Блумфилд 2010].

Немало исследований посвящено сопоставлению терминологии Корана с языковым материалом доисламской аравийской эпиграфики (Л. И. Лавров,

М. Неймат, З. Ш. Закарияев, М. А. Мусаев). Вместе с тем некоторые исследователи высказывают сомнения относительно не только интерпретации материалов доисламской эпиграфики, но и самого подхода. Так, в частности, Н. Jauss отмечает: «Любая историческая реконструкция релятивна и произвольна. Современный ученый никогда не сможет понять мировоззрение человека, жившего в VI–VII вв.» [Jauss 1970]. Следовательно, вызывает сомнение вероятность исследования лексических единиц коранического текста, чтобы выявить историко-культурный характер [Резван 2001].

В то же время использование современных теоретико-методологических подходов к изучению Священных Писаний показывает, что реализованные в языке различные символы, ритуалы, знаковые системы, зафиксированные самыми разными источниками, формируют объективные, независимые от оценочных суждений связи. Данные связи могут быть вскрыты ученым, прикоснувшимся к «коллективному бессознательному», заставить прошлое «проговориться» [Резван 2001]. Здесь уместно процитировать М. Бахтина: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без своих вопросов нельзя понять ничего другого и чужого. При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин 1979: 355].

В рамках исследования материалов религиозного характера, содержащих «язык вражды», зачастую возникает необходимость сопоставления смыслового содержания продукта речевой деятельности, представленного на исследование, со смысловым содержанием Священного Корана, к которым отсылает указанный речевой продукт путем цитирования. Это связано с использованием некоторыми авторами искаженных или вырванных из контекста цитат из Священного Корана. Целями такого манипулятивного воздействия могут быть как оправдание собственных радикальных убеждений, призывы к осуществлению экстремистской

деятельности, так и обоснование враждебности к определенной конфессиональной группе.

1.3. Проблема перевода арабских религиозных текстов на русский язык

Религиозный текст многими современными учеными рассматривается как особая разновидность организационной коммуникации. Согласно Е.С. Марницыной, религиозный текст является смыслообразующей и смысловоспроизводящей деятельностью, которая иногда ограничена совокупностью исторических и социокультурных правил и принципов [Марницына 2018: 132]. Целью данной деятельности, с точки зрения Д.А. Аникина, является создание, трансляция, изменение свода нравственных принципов, восприятия, которое соответствует определенной религиозной системе [Аникин 2016: 17]. В.И. Карасик, исходя из специфических особенностей религиозного текста, пафосность выдвигает на первое место. Она, согласно автору, способна не только оказывать определенное влияние, но и давление на коммуниканта религиозной идеи, с целью убеждения [Карасик 2000: 40].

Манипулятивное воздействие является самым эффективным видом влияния на массового адресата. На лексическом уровне «манипуляция» в религиозном тексте реализуется при помощи эмоционально окрашенной лексики. Как отмечает Н.Б. Мечковская, религиозный текст представляет собой комплекс языковых форм и коммуникативных действий. «Сакральность сопровождается возвышенными, эмоционально окрашенными религиозными терминами» [Мечковская 2016: 40]. Религиозный дискурс, согласно автору, также отличается наглядностью и изобразительностью. Об этом свидетельствует насыщенность сакральных текстов тропами и фигурами речи. Метафора, аллегория, сравнение, описания противопоставление являются мощнейшими средствами воздействия на человеческие эмоции. В любой религии используются метафорические и аллегорические формы выражения жизни и смерти, добра и зла. Каждая религия

предполагает связь между «духовным» и «мирским», следовательно, невозможно представить религиозный текст без метафорических или аллегорических приемов. Многие переводчики сталкиваются с разными трудностями при переводе религиозных текстов. Переводчик должен не только максимально дословно передать смысловую сторону сакрального текста, но и сохранить всю его эмоциональность и выразительность. По справедливому замечанию В.Г. Гак, необходимо использовать языковые средства выразительности, чтобы вызвать у читателя живой интерес. «Чтобы сохранить и соответствующим образом изменить смысл, заложенный в исходном художественном образе, переводчику нужно быть мастером слова, художником, он должен уметь «преобразиться» в автора текста» [Гак 2018].

Одним из важных аспектов в переводоведении является проблема адекватного перевода. Актуализация в лексической системе разных языков, в частности в русском, единиц религиозной исламской лексики, а также активность текстов религиозной тематики, ставят перед переводчиками новые задачи: стремление к адекватному переводу сакральных текстов в русле требования времени.

Согласно точке зрения А.В. Смирнова, адекватный перевод – это «... язык + механизм порождения связной речи» [Смирнов 2009: 374], А.В. Федоров рассматривает адекватный перевод не только как «исчерпывающая передача смысла оригинала, но и сохранение функционально-стилистических особенностей» [Федоров 1985: 127]. Адекватный перевод подразумевает помимо «преодоления лингвистической «чужеродности» двух культур, преодоление экстралингвистической инаковости, под которой подразумевается знание культур переводимого текста, а также социокультурной и коммуникативной ситуаций» [Финкельберг 2010: 195].

Проблема перевода священного Корана, хадисов пророка Мухаммеда с арабского языка на русский, связана с вопросами постулатов веры, а также выбора адекватного религиозного термина, отсутствием эквивалентов того или иного

религиозного термина в русском языке. Здесь уместно процитировать В.В. Наумкина: «... перевод религиозных исламских текстов должен соответствовать истинному смыслу, особенно когда речь идет о самой сокровенной сути религиозного учения» [Наумкин, 2007].

В соответствии с мусульманским вероучением *тавхид* является единственной наукой единобожия, изучающей догматы веры, которые опираются на доводы разума и шариатский текст. Каждый мусульманин должен знать эту науку и понимать ее [Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

Следует заметить, что тексты священного Корана состоят из ясных стихов или аятов, которые имеют не только прямой смысл, но и аллегорическое значение.

Ясные аяты выступают основой для понимания иносказательных аятов, метафорического смысла, а также вынесения решения шариата. Подтверждение этому находим в Коране: “ هُوَ الَّذِي أَنْزَلَ عَلَيْكَ الْكِتَابَ مِنْهُ آيَاتٌ مُحْكَمَاتٌ هُنَّ أُمُّ الْكِتَابِ وَأُخَرُ مُتَشَابِهَاتٌ فَأَمَّا الَّذِينَ فِي قُلُوبِهِمْ زَيْغٌ فَيَتَّبِعُونَ مَا تَشَابَهَ مِنْهُ ابْتِغَاءَ الْفِتْنَةِ وَابْتِغَاءَ تَأْوِيلِهِ وَمَا يَعْلَمُ تَأْوِيلَهُ إِلَّا اللَّهُ وَالرَّاسِخُونَ فِيهِ فَلَمَّا ذُكِّرُوا بِهِ لَا يَتَذَكَّرُ إِلَّا أُولُو الْأَلْبَابِ ” *Он — Тот, Кто ниспослал тебе Писание. Среди его аятов [есть] твёрдые [по смыслу, однозначные] — они мать (суть) Писания — и [есть] другие, схожие [по смыслу, многозначные]. Что же до тех, у которых в сердце уклонение [от истины], — следуют они тому, что схоже [по смыслу] из него (Писания), желая [посеять] смуту и желая истолковать его [неверно]. И [никто] не знает толкования его, кроме Аллаха и крепких в знании, [которые] говорят: «Уверовали мы в него. Всё [это ниспослано] от Господа нашего». И не поминает [назидание никто], кроме обладающих разумом [Аль-Куран алькарим 2014: 3:7].*

По утверждению Абу Исхак аш-Шатаби большая часть Корана состоит из ясных аятов (мухкам) – то, во что верят и руководствуются, например, слова:

وَلَمْ يَكُنْ لَهُ كُفُوًا أَحَدٌ – *и не было [никогда] равного Ему никого!*» [Аль-Куран алькарим 2014: 3:7], а неясные (муташабех) – то, что запрещено, отодвинуто назад, аяты, которые можно понять при сравнении с другими аятами [Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

Согласно абсолютному большинству мусульманских ученых, начиная с первых столетий, если в Коране и хадисах пророка Мухаммеда содержатся тексты, противоречащие совершенству Господа и качествам Пророка, данные священные тексты должны остаться без комментариев, разъяснений, то есть Создатель не должен быть наделен качествами и именами, которыми Он описал Себя или, которыми Его описал Пророк [Абдуль-Кадир Иса Дийаб 1997; Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

Исходя из вышеизложенного, согласно П.А. Магомедовой и М.П. Гаджиеву в переводах священного Корана (Э.Р. Кулиева 2019, Г.С. Саблукова 1991, И.Ю. Крачковского 2021, М.-Н.О. Османова 2021) на русский язык содержатся грубейшие канонические ошибки. В данных переводах Творца наделяют человеческими качествами. На основе анализа перевода пятого аята суры Таха священного Корана, авторы отмечают, что «данный аят переводится следующим образом: “الرَّحْمَنُ عَلَى الْعَرْشِ اسْتَوَى” – «Милостивый утвердился на Троне или вознесся на него» [Магомедова, Гаджиев 2022: 180]. Арабское слово اسْتَوَى – *истава* имеет более пятидесяти значений, однако переводчики используют только синонимы *вознестись, утвердиться, сидеть*. Буквальный перевод данного аята придает Создателю местоположение, что противоречит не только чистым аятам Корана, но и взглядам мусульманских ученых-богословов, логике мусульман [Магомедова, Гаджиев 2022: 182].

В семантическом пространстве священного Корана определяющим моментом являются не денотативные значения слов, а интерпретация тех значений, которые подразумеваются, но остаются имплицитными [Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

По справедливому замечанию А.В. Полосина, адекватный перевод Корана возможен только на основе авторитетных тафсиров – (толкование Корана и сунны), так как содержат концептуальный язык оригинала [Полосин 2007].

Проблемы перевода встречаются также и в других религиозных текстах, трактатах и т.д. В частности, начинающие переводчики, чтобы выразить свое отношение к ученым-богословам часто арабскую фразу عند العلماء переводят *около*

ученых-богословов. Как утверждает Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти, уместнее было бы перевести данную фразу *согласно мнению ученых-богословов*, избегая при переводе наречие «возле», поскольку оно в русском языке в основном используется для выражения пространственных отношений [Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

Встречаются также мусульманские богословы, утверждающие, что к Всевышнему нельзя обращаться «*милосердный*», так как *милосердие* свойственно только человеку, но не Творцу [Джалалуддин Абдуррахман ас-Суюти 2000].

Проблеме перевода Священного Корана посвящены также исследования [У. Шарипова, А.Л. Барковского, А.М. Хазанова, Р.И. Беккина, Н.И. Киррей и др.].

«Специфика текста Корана проявляется главным образом в размытости принадлежности лексических единиц тому или иному участнику коммуникации, например, между Мухаммедом и другими участниками (пророками) или оппонентами». Цепь взаимосвязанных стихов содержит фразы *он (она) сказал (а)* без указания определенного лица, что усложняет чтение [Шарипов 2009: 156].

Яркий пример вышеизложенному следующие аяты:

يَا أَيُّهَا النَّبِيُّ إِنَّا أَحَلَّلْنَا لَكَ أَزْوَاجَكَ اللَّاتِي آتَيْتَ أُجُورَهُنَّ وَمَا مَلَكَتْ يَمِينُكَ مِمَّا أَفَاءَ اللَّهُ عَلَيْكَ وَبَنَاتِ عَمَّكَ وَبَنَاتِ عَمَّاتِكَ وَبَنَاتِ خَالَكَ وَبَنَاتِ خَالَاتِكَ اللَّاتِي هَاجَرْنَ مَعَكَ وَامْرَأَةً مُؤْمِنَةً إِن وَهَبْتَ نَفْسَهَا لِلنَّبِيِّ إِنْ أَرَادَ النَّبِيُّ أَنْ يَسْتَنْكِحَهَا خَالِصَةً لَّكَ مِنْ دُونِ الْمُؤْمِنِينَ قَدْ عَلِمْنَا مَا فَرَضْنَا عَلَيْهِمْ فِي أَزْوَاجِهِمْ وَمَا مَلَكَتْ أَيْمَانُهُمْ لِكَيْلَا يَكُونَ عَلَيْكَ حَرَجٌ وَكَانَ اللَّهُ غَفُورًا رَحِيمًا [Аль-Куран алькарим 2014: 33:50]. –

О Пророк! Воистину, дозволили Мы тебе [брат в] жены тех [женщин], которым уплатил ты вознаграждение невольниц твоих, дарованных тебе Аллахом, дочерей дядьев твоих со стороны отца, дочерей теток твоих со стороны отца, дочерей дядьев твоих со стороны матери, дочерей теток твоих со стороны матери, которые переселились (в Медину) вместе с тобой, а также женщину верующую, коли [бескорыстно посвятит она себя Пророку [и] если захочет Пророк жениться на ней, не выплачивая ей вознаграждения [брачного]. [Последнее] дозволено только тебе, но не другим верующим. Знаем Мы то, что предписали Мы им (т. е. остальным верующим) относительно жен их и невольниц, исключение сделано лишь для тебя, чтобы не чувствовал ты неудобства. А ведь прощающий Аллах, всемилосердный.

تُرْجِي مَنْ تَشَاءُ مِنْهُنَّ وَتُؤْوِي إِلَيْكَ مَنْ تَشَاءُ وَمَنْ ابْتَغَيْتَ مِمَّنْ عَزَلْتَ فَلَا جُنَاحَ عَلَيْكَ ذَلِكَ أَدْنَىٰ أَنْ تَقَرَّ
 أَعْيُنُهُنَّ وَلَا يَحْزَنَّ وَيَرْضَيْنَ بِمَا آتَيْنَهُنَّ كُلُّهُنَّ وَاللَّهُ يَعْلَمُ مَا فِي قُلُوبِكُمْ وَكَانَ اللَّهُ عَلِيمًا حَلِيمًا [Аль-Куран
 алькарим 2014: 33:51]. –

Можешь ты отложить [посещение ночное] жен [своих] и принять ту [жену], которую пожелаешь. А если захочешь вдруг (приблизить к себе) какую либо из тех [жен], кого отстранил ты, то не грешно это для тебя. Только возрадуются глаза их от этого. Пусть не печалятся они, и пусть все они радуются тому, что даруешь ты им. Ведомо Аллаху то, что в сердцах ваших, ибо всеведущий Он и кроткий [Османов 1999: 437].

У. Шарипов свой перевод Корана рассматривает как одну из ступенек на пути дальнейшего развития коранистики в России, допуская, что, вероятно, он уступает в чем-то тем исследованиям, которые были им использованы для сопоставительного анализа, и справедливо отмечая, что решение такой весьма емкой и сложной задачи требует дальнейшей аналитической и переводческой работы многих исследователей и, может быть, не одного поколения.

Значительный интерес представляет диссертационное исследование Аля дина Фарахат Хасана, посвященное анализу четырех переводов Священного Корана (И.Ю. Крачковского, Г.С. Саблукова, В. Пороховой, М.- Н.О Османова). Подчеркивая значимость каждого перевода, автор отмечает: «Несмотря на все попытки, сделанные переводчиками, оригинал остается бесподобным в своем совершенстве» [Аля дин Фархат Хасан 1996]. Музыкальность аятов, многоплановость стихов, многоликость лексических единиц, сокраментальность невозможно передать на любой другой язык. Следует заметить, что любой перевод Корана каким бы он ни был, это вовсе не оригинал, а всего лишь попытка передать смысл оригинала. «Перевод может быть близок оригиналу, но он никогда не станет им» [Аля дин Фархат Хасан 1996: 203].

Таким образом, можно утверждать, что проблема адекватного перевода не только Корана, но и других религиозных текстов с арабского языка на другие остается актуальной и в настоящее время.

1.4. Язык вражды: понятие и признаки

Проблема религиозного (исламского) экстремизма в настоящее время представляет одну из серьезных угроз безопасности мировых держав и их населения. Религиозный экстремизм влечет за собой не только политические, экономические, нравственные, а самое главное – человеческие потери.

Зачастую экстремисты (радикальные исламисты) выступают под флагом веры, прикрываясь религией в разжигании ненависти, нетерпимости и апологии насилия. Ислам как вероучение не содержит ничего, что могло бы трактоваться как оправдание нетерпимости и насилия. В исламе на протяжении многих веков существовали поразительные проявления свободомыслия и толерантности [Эмануилов 2016]. Священный Коран содержит положения, имеющие общегуманистическую направленность и ориентирующие человека на моральные ценности, принципы, придающие смысл его жизни и определяющие его поведение. Коран не призывает к убийству невинных людей и не одобряет его. Однако в исламе немало интерпретаторов, использующих принципы шариата для оправдания нетерпимости и насилия. Религиозные «наставники», играя на потребности людей в религиозном наставлении, преподносят искаженные и крайне субъективные толкования Корана.

Мы солидарны с позицией ученых (А. В. Воропаева, С. М. Кочои, Р. И. Мороз, Л. В. Сердюк), рассматривающих терроризм как крайнюю форму экстремизма, и будем использовать понятия «тексты экстремистско-террористической направленности» и «экстремистские тексты» как равнозначные.

Прежде чем попытаться раскрыть смысл понятия «религиозный экстремизм», необходимо обратиться к термину «экстремизм».

Большой толковый словарь русского языка определяет слово *экстремизм* как «extremus – крайний. Применение насилия к части общества по мотивам расовой, национальной, религиозной или социальной ненависти или вражды, а также идеологически мотивированные высказывания, пропагандирующие или

оправдывающие социальное насилие, призывающие к агрессивным действиям против какой-л. части общества» [Большой толковый словарь русского языка].

В Большом актуальном политическом словаре слово *экстремизм* определяется как «от лат. *extremus* – крайний – приверженность к крайним мерам в политике, совокупность идей, намерений, оправдывающих при принятии решений крайние меры» [Большой актуальный политический словарь].

Толковый словарь демократического новояза комментирует экстремизм как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике). Экстремизм, в дословном понимании, есть не что иное, как крайнее проявление чего-либо – действий, высказываний, взглядов и т. п.» [Толковый словарь демократического новояза].

В энциклопедическом словаре находим следующее определение: «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них. Экстремизм национальный, приверженность к крайним взглядам и методам в теории и практике межнациональных отношений» [Большой энциклопедический словарь].

В соответствии со словарем-справочником «Политическая наука» «лат. *extremus* крайний – приверженность крайностям в политике. Чаще всего *экстремизм* проявляется в отрицании существующих политических норм, ценностей, процедур, основополагающих принципов организации политических систем, стремлении к подрыву политической стабильности и низвержению существующей власти» [Политическая наука].

Согласно иллюстрированному энциклопедическому словарю под экстремизмом понимается «приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам и действиям». Экстремизм – характерная черта радикальных партий, групп, движений с различными социально-политическими ориентациями (анархизм, фашизм, коммунизм, шовинизм, религиозный фундаментализм и др.). В

политической жизни экстремизм находит выражение в насильственных действиях, направленных на дестабилизацию и разрушение сложившихся общественных структур и институтов (организация беспорядков, террористической акции и т. п.) [Иллюстрированный энциклопедический словарь].

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, Советском энциклопедическом словаре, Большой советской энциклопедии термин *экстремизм* определяется как «приверженность к крайним взглядам и мерам».

Приведенные в словарях определения раскрывают сущность *экстремизма* как идеологию, предписывающую принудительное навязывание ее принципов, основанных на нетерпимости к иной точке зрения, отличной от диктуемой этой идеологией, и оправдывающую подавление идеологических противников.

Проблема определения и классификации видов экстремизма в мировой исследовательской практике остается не до конца решенной. Среди политологов, психологов, социологов, представителей юриспруденции ведутся споры по этому поводу.

Первое международное определение термина «экстремизм», которое стало основой для разработки мер по противодействию этому явлению, содержится в Шанхайской конвенции. Конвенция дает международно-правовое определение экстремизма: «Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [Шанхайская конвенция 2003].

Общее понятие экстремизма раскрывается в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Экстремистская деятельность рассматривается, в частности, как деятельность, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и

нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т. д. [СЗ РФ. 2002 № 30. Ст. 3031].

Представленные дефиниции, как видим, не дают четкого определения понятия «экстремизм».

Единого концептуального подхода к определению экстремизма в научной юридической науке не существует. С нашей точки зрения, это обусловлено следующими факторами: а) сложно-многостороннее понимание экстремизма; б) различные методологические подходы ученых к трактовке данного термина; в) неоднозначность изложения юридической сути.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной различным аспектам религиозного экстремизма (Р. Р. Абдулганеев, И. А. Алехин, И. Н. Ананьев, М. Ю. Аушева, В. А. Бурковская, М. Ю. Вертий, Е. О. Гаврилов, В. Галицкий, Р. Глухов, Е. С. Кожуховский, О. Ю. Колосова, В. Кулаков, А. Р. Манукян, М. Р. Москаленко, Т. В. Мустафина, Н. В. Пономарева, А. В. Сергеев, А. Со, П. Е. Суслонов, Д. М. Тарасова, С. Н. Фридринский, С. И. Чудинов, Л. М. Шураева), показал, что единого подхода к термину «религиозный экстремизм» нет.

Существует огромное количество определений термина «религиозный экстремизм» в научных монографиях, статьях и др. (М. Ю. Аушева, М. Ю. Вертий, Е. О. Гаврилов, А. К. Гадомский, В. Галицкий, Р. Глухов, О. Ю. Колосова). Поиск четкого определения данного феномена имеет прагматическое, прикладное значение для самых разных сфер – от международных отношений до уголовного права.

В конфликтологической литературе *религиозный экстремизм* обычно рассматривается как нетерпимость к ценностным ориентирам других субъектов.

Религиозный (исламский) экстремизм представляет собой идеологию религиозных и религиозно-политических движений, провозглашающих приверженность к исходным принципам (жить в соответствии с самыми жесткими требованиями шариата), выдвигающих требования «возвращения к истокам»; политическая идеология, характеризующаяся мировоззренческим и вооруженным противостоянием мира «истинного ислама» миру «кяфилов» и миру «неистинной веры» внутри ислама [Эмануилов 2016].

В целом в экстремистском стиле присутствуют стремление исказить реальность; использование фальшивой логики рассуждений; стремление взаимодействовать, исходя из своих личных интересов, под предлогом общественного благополучия.

Прежде чем дать определение понятию *«словесный религиозный экстремизм»*, рассмотрим *словесный экстремизм* и его характерные особенности.

Как было указано выше, в ФЗ № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» дано четкое определение действий, квалифицирующихся как экстремистские. Для нашего исследования важны следующие критерии:

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения, финансирование, организация,

подготовка и осуществление вышеуказанных деяний, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

Некоторые вышеперечисленные действия, такие как пропаганда, публичный призыв, обладают признаками вербального экстремизма, т. е. репрезентируются при помощи различных языковых средств и, следовательно, могут выступать объектом лингвистических исследований.

Следовательно, особой формой экстремизма является *словесный (вербальный) экстремизм*.

В настоящее время на базе цифровых платформ создаются и развиваются новые сообщества, культуры и субкультуры. Социальные сети, блоги, форумы, видеохостинги, чаты перестроили традиции общения и их восприятие, трансформировались механизмы и условия реализации свободы самовыражения личности, в том числе свободы слова. Язык и стиль общения изменились под воздействием новых стандартов, а понятие свободы слово приобрело новое значение. Вместе с тем цифровые платформы активно используются в качестве инструмента разжигания ненависти и вражды между людьми, манипуляции сознанием, нанесения оскорблений, распространения угроз.

Актуальность исследования феномена агрессии / экстремизма в современном мире не нуждается в особом обосновании. Многие специалисты исследуют это явление, однако большинство из них обращаются в основном к политико-правовым и социально-экономическим факторам, хотя причины экстремистских проявлений коренятся также в лингвокультурологической и коммуникативной среде.

Общеизвестно, что речь обладает мощным воздействующим потенциалом. Функция воздействия заключается в способности человека посредством речи побуждать других к определенным, порой противоправным, действиям.

В рамках правового поля *словесный религиозный экстремизм* рассматривается как речевое правонарушение – совершение индивидом словесных действий, а именно: оскорбление религиозных чувств верующих,

возбуждение ненависти и вражды между представителями разных конфессий, призыв к осуществлению экстремистско-террористической деятельности.

С позиции лингвистики словесным религиозным экстремизмом являются речевые / текстовые высказывания в адрес какой-либо конфессиональной группы, характеризующиеся враждебностью и агрессивностью.

При анализе термина «*словесный (вербальный) экстремизм*» в области гуманитарных наук нельзя не упомянуть концепцию *языка ненависти*. В международных правовых документах, материалах международных организаций и решениях международных судов не встречаются термины «*словесный экстремизм*» и «*экстремистские речевые действия*». Вместо этого используется выражение «*hate speech*» – «*язык вражды*».

Проблема *языка вражды* является темой многих междисциплинарных исследований, так как в истоках его появления и употребления лежит совокупность социальных, политических, культурных, психологических и многих других проблем, с которыми сталкивается общество. Лингвистика изучает лишь проявления *языка вражды* в речи, однако при всестороннем изучении данного явления нельзя упускать из внимания причины его появления и то, почему он так активно используется на сегодняшний день.

Различия в культурных ценностях, принадлежность к разным социальным группам, а также языковые барьеры в коммуникации (которые возникают как в силу принадлежности к разным национальностям, так и в силу различного социального положения) приводят к разграничению общества на две группы: «мы» и «они» – и к активизации внутригруппового фаворитизма, выступающего в качестве защитного механизма. В рамках данного феномена традиции, обычаи и другие культурные ценности «своей» группы воспринимаются естественными, правильными, а также универсальными для всех. [Хроменков 2016: 22].

Очень часто *язык вражды* употребляется представителями государственной власти, тогда речь идет уже о «властном дискурсе вражды», в рамках которого с помощью языковых средств создается образ общего врага, который служит

средством консолидации населения страны. При этом образ врага зачастую призван отвлечь население от внутрисполитических бытовых проблем, которые порождают напряженность в обществе и актуализируют использование *языка вражды*: от роста цен, снижения заработной платы, дефицита товаров, безработицы, недоступности социальных благ, неблагоприятных природно-климатических условий и др. [Хроменков 2016: 23]. Таким образом, изучение экстралингвистических аспектов очень важно для понимания функций *языка вражды* и последующей идентификации содержащих его конструкций.

При этом исследователи отмечают, что даже в случаях применения исключительно вербальной агрессии, у ее жертв появлялись проблемы с академической успеваемостью, а также с физическим и психическим здоровьем в целом. У лиц, регулярно являющихся объектами *языка вражды*, также может вырабатываться негативная модель поведения, приводящая к курению, злоупотреблению наркотическими веществами и даже попыткам самоубийства [Щербина 2012: 88]. Так, например, риск совершения суицида выше в группах иммигрантов, по отношению к которым употребляются этнофолизмы [Шхумишхова 2018: 346]. В отличие от объектов *языка вражды*, сторонние наблюдатели чаще подвергаются его воздействию, в результате чего становятся менее чувствительными к нему и, следовательно, воспринимают его как менее оскорбительный и более приемлемый. Это может привести к тому, что они не осознают, как *язык вражды* влияет на их собственное отношение и поведение, например, на их невербальные сигналы или используемые в речи дискриминирующие конструкции, а также как он формирует их установки, например, радикальные политические взгляды. Более того, влияние *языка вражды* на общество может выходить за пределы дискриминации: люди (особенно молодежь), подверженные воздействию *языка вражды*, считают другие ненормативные виды поведения более приемлемыми с социальной и моральной точки зрения, а также достойными подражания [Щербинина 2012: 89].

Большинство научной литературы на тему *языка вражды* оставляет без внимания или лишь вскользь затрагивает такую важную тему, как функции «языка вражды». Тем не менее, в работах авторов, пишущих на данную тему, встречаются различные подходы к выделению функций данного явления. А. В. Гладилин в своей статье «Язык вражды как коммуникация» придерживается позиции Р. Якобсона, в рамках которой выделяются референтивная, экспрессивная (эмотивная), конативная, фатическая и металингвистическая функции *языка вражды* [Язык вражды в русскоязычном Интернете 2003: 7].

Целью референтивной функции *языка вражды* является делегитимизация, которая проявляется в виде категоризации какой-либо группы (называемой аутгруппой) в экстремально негативные социальные категории и отказа данной группе в праве считаться человеческой [Арапова 2011: 170]. Делегитимизация включает в себя различные процессы: дегуманизацию (проявляется в уподоблении представителей аутгрупп животным или потусторонним существам), негативную характеристику (представителям группы приписываются определенные черты, оценивающиеся обществом как негативные или неприемлемые), а также отвержение (члены аутгруппы обвиняются в нарушении общепринятых социальных норм, совершении правонарушений и т. д., что ведет к требованиям исключить, изгнать или депортировать нарушителей) [Карпенко 2003: 18]. Как отмечает А. В. Гладилин, в качестве компактных коммуникативных юнитов в данном случае выступают слова-этнофолизмы, которые выступают в качестве мощнейшего средства категоризации и разделяют общество на «мы» и «они» и при этом способны сконцентрировать в себе все негативные убеждения, ассоциирующиеся с какой-либо группой [Язык вражды в русскоязычном Интернете 2003: 21]. Экспрессивная функция *языка вражды* направлена на выражение отрицательных эмоций, презрения или враждебности адресанта по отношению к объекту *языка вражды*.

Конативная функция состоит в вызове у объекта *языка вражды* фрустрации или гнева или в нанесении ему психологической травмы с помощью отрицания ее человеческого статуса. Также данная функция может быть направлена на провокацию объекта к совершению деструктивных действий [Там же, 24]. Наконец, целью металингвистической функции *языка вражды* «является сокрытие «кода языка вражды», т. к. большинство авторов высказываний, содержащих *язык вражды*, осознает, что он является неприемлемым и иногда даже незаконным. Существует несколько стратегий маскировки «языка вражды»: бифуркация (проводится граница между приемлемой субгруппой аутгруппы и ее неприемлемыми членами), концессия (признается, что негативное выражение об аутгруппе касается и части ингруппы) [Янко 2001: 13] и эвфемизация [Там же, 25–27]. Авторы статьи «Язык унижения и ненависти: функции, последствия и реапроприация» выделяют пять основных социальных функций *языка вражды*: 1) Закрепление предрассудков, направленных против представителей меньшинств; 2) Поддержание существующей межгрупповой иерархии, т. к. язык вражды неразрывно связан с социальной иерархией; 3) Легитимизация насилия и социальной изоляции путем дегуманизации аутгруппы или представления их как угрозы для ингруппы; 4) Установление и поддержание «социально приемлемых» норм и регулирование ролевого поведения при внутригрупповой коммуникации; 5) Сплочение представителей ингруппы, для которых *язык вражды* является частью коллективного нарратива и используется в качестве знака товарищества и общей принадлежности к группе [Щербина 2012: 84–87].

Сами социальные категории имеют уникальную природу, потому что они являются абстрактными, изменчивыми и имеют достаточно размытые границы, и поэтому выделить какие-либо признаки, позволяющие поместить человека в какую-либо категорию, может быть достаточно сложно [Boromisza-Nabashi 2013: 115]. Одними из ключевых функций социальной категоризации являются экономия когнитивных ресурсов и упрощение сложного мира, а их реализация происходит за счет активации социальных стереотипов [Camarota 2023: 92], заложенных под влиянием социума и культуры, в которой формируется человек, –

отсюда взаимосвязь между социальными, психологическими и культурологическими факторами. Для процесса социальной категоризации характерно противопоставление своей социальной группы (ингруппы) и чужой группы (аутгруппы), в результате которого лица склонны проявлять благосклонность по отношению к членам своей группы, а по отношению членов чужой группы — предубеждения. Согласно исследованиям психологов, также существует тенденция видеть членов аутгруппы более похожими друг на друга, чем они есть на самом деле. В итоге это приводит к появлению эффекта «однородности чужой группы», в рамках которого члены аутгрупп кажутся людям более похожими друг на друга, чем члены ингруппы [Там же, 92]. Подобные когнитивные упрощения могут быть опасны, так как предубеждения и негативные стереотипы зачастую приводят к межгрупповым конфликтам, в том числе и социально-политическим, а язык вражды является важнейшей формой проявления основанных на стереотипах конфликтов [Там же, 96]. При этом *язык вражды* всегда направлен на определенную социальную группу, а в его основе лежит универсальная семиотическая оппозиция «свой — чужой», или «мы — они». В данном аспекте интерес представляет исследование В. Mullen. «Дискриминируемые группы отличаются в зависимости от страны, в которой материалы были созданы, и социально-политической и культурной обстановки в этих странах: в американских новостных порталах дискриминируются в основном мигранты из Мексики, а в британских — албанцы, но при этом тема нелегальной миграции занимает важное место в дискурсе обеих стран» [Mullen 2004].

А. В. Гладилин отмечает, что *язык вражды* является наиболее ярко выраженным видом основанной на предубеждениях коммуникации, запрещенным гражданским или уголовным правом. Однако лица зачастую сталкиваются с имплицитным видом такой коммуникации, который по типологии А. М. Верховского и Европейского университета можно классифицировать как «мягкую» форму *языка вражды*. Подобный мягкий *язык вражды* может быть как вербальным, так и невербальным. Невербально предубеждение часто демонстрируется через выражение лица, позу, показную симпатию. Вербальная

коммуникация также может имплицитно выражать предубеждения и не быть открыто дискриминационными [Язык вражды в русскоязычном Интернете 2003:12].

Таким образом, можно сделать вывод, что социально-политические, культурные, психологические и коммуникативные особенности *языка вражды* тесно между собой связаны, а поэтому один аспект невозможно рассматривать отдельно от другого. Так, социальные, политические, культурные и психологические причины как правило лежат в истоках употребления *языка вражды* в рамках коммуникативного акта. Более того, социальная категоризация, возникающая в контексте взаимодействия всех вышеперечисленных факторов, приводит к активизации определенных речевых моделей, посредством которых *язык вражды* актуализируется.

В связи с тем, что *язык вражды* может представлять угрозу для жизни и благосостояния людей, его необходимо регулировать, а для этого нужно наличие юридической базы. В настоящий момент документы, посвященные вопросам недопустимости разжигания розни (в том числе и в средствах массовой информации), существуют как на уровне международного права, так и в рамках правового поля отдельных государств. Прежде всего представляется целесообразным рассмотреть международные правовые документы, так как многие из них подписаны и ратифицированы большинством государств в мире и, соответственно, представляют собой ту базу, на основе которой строится посвященное *языку вражды* законодательство государств. Прежде всего, стоит упомянуть принятую Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщую декларацию прав человека 1948 года. Несмотря на то, что данная декларация посвящена в основном правам и свободам и не затрагивает ограничений, в ней можно усмотреть предпосылки для появления впоследствии других документов, запрещающих и регулирующих дискриминацию и в т. ч. *язык вражды*. Ключевой для данной работы является седьмая статья декларации, провозглашающая право каждого человека на «равную защиту от какой бы то ни было дискриминации,

нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».¹

Еще одним документом, некоторые статьи которого посвящены *языку вражды*, является Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. Так, пункты 1 и 2 статьи 19 данного пакта фиксируют право людей на то, чтобы «беспрепятственно придерживаться своих мнений», также право на свободное выражение своего мнения, включающее в себя свободу на распространение разного рода идей и информации письменно, устно, а также посредством любых других способов. Тем не менее, пункт 3 той же статьи устанавливает случаи, в которых данные права могут быть ограничены, если это является необходимым и установлено законом, в т. ч. это может произойти для того, чтобы обеспечить уважение «прав и репутации других лиц», а также для «охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». Двадцатая статья пакта гласит, что законом должно быть запрещено любое «выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти», которое является подстрекательством к дискриминации, вражде или же насилию.²

Более пристальное внимание необходимости регулирования «языка вражды» уделяется в Рекомендации №R (97) 20 комитета министров совета Европы государствам-членам по вопросам «разжигания ненависти» от 1997 года. В данном документе появляется формулировка о необходимости борьбы с именно дискриминационными высказываниями, которые могут усилить напряженность

---

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

² Anti-terrorism, Crime and Security Act 2001 // legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/contents> (accessed: 05.04.2023).

между людьми, имеющими «различные расовые, этнические, национальные, религиозные или социальные корни». Приложение к Рекомендации приводит трактовку термина «разжигание ненависти» (под ним понимаются «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости», данное понятие также включает в себя нетерпимость, проявляющуюся в виде «агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями»).

Во всех случаях в документах присутствуют оговорки и уточнения, что содержащие запреты статьи могут не применяться или применяться лишь ограниченно на усмотрение государства. Помимо этого, международные организации не имеют механизма контроля и принуждения для того, чтобы следить за выполнением положений договора, поэтому все вышеуказанные соглашения представляют собой скорее рекомендации для государств, нежели чем правовые нормы. На данном этапе следует рассмотреть законы, направленные против *языка вражды*, в рамках отдельно взятых государств. Интересно отметить то, что в США в настоящее время не существует законов, как-либо ограничивающих или запрещающих использование *языка вражды*. В американском законодательстве нет юридического определения термина «язык вражды», а сама риторика ненависти защищена Первой поправкой Билля о правах. Первая поправка требует от правительства строго защищать активные дебаты по представляющим общественный интерес вопросам даже в том случае, если подобные дискуссии перерастают в неприятные, оскорбительные или полные ненависти высказывания, которые вызывают у других людей чувство горя, гнева или страха. В связи с этим суды США постановили, что любые

---

³ Рекомендация Комитета министров Совета Европы о вопросах разжигания ненависти № R(97)20 от 30 октября 1997 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/90199634> (дата обращения: 03.04.2023).

законы, накладывающие ограничение на использование *языка вражды*, вступят в противоречие с защитой свободы выражения мнений, гарантированной в рамках Первой поправки. В соответствии с действующей судебной практикой, *язык вражды* в США может быть криминализован только в том случае, если он непосредственно подстрекает к неминуемому совершению преступной деятельности или состоит из конкретных угроз применения насилия, направленных против человека или группы людей [Hate Lingo 2018: 42].

Этический аспект функционирования *языка вражды* играет не меньшую роль, чем аспект правовой. Помимо законодательных актов и международных правовых документов, *язык вражды* регулируется еще и профессиональными этическими стандартами, а также так называемыми речевыми кодами. Профессионально-этические стандарты регулируют деятельность журналистов и существуют как на международном, так и на государственном уровнях

Подобные этические стандарты используются для регулирования журналистской деятельности и внутри отдельно взятых государств. Например, во многих странах журналистские этические кодексы используются с 1923 года [Mullen 2004] и принимаются в рамках не только профессиональных организаций журналистов, но и информационных и новостных агентств.

Речевые коды также применяются для регулирования и запрета использования *языка вражды*. Они представляют собой правила, накладывающие какие-либо ограничения на речь за пределами строгих юридических ограничений свободы слова. Речевые коды зачастую устанавливаются в рамках учебных заведений, рабочих мест и частных организаций и часто применяются для противодействия языку вражды и иным неприемлемым формам социального дискурса. Наиболее ярким примером установления и использования определенных речевых кодов на сегодняшний день, пожалуй, являются Правила сообществ, или Политика сообществ, в социальных сетях.

Таким образом, недочеты, присутствующие в международных правовых документах и законодательных актах отдельных стран, во многом компенсируются за счет использования в медиасреде таких инструментов регулирования *языка вражды*, как профессиональные этические кодексы и речевые коды. Детализация и большое количество примеров того, что представляет собой запрещенный *язык вражды*, многократно упрощает и ускоряет модерацию контента, а также делает возможной его модерацию при помощи компьютерных систем, что в современном мире, с учетом объемов ежеминутно публикуемой в СМИ информации, является невероятно важной функцией.

Далее более подробно рассмотрим существующие дифференциации *языка вражды*.

Согласно А. Weber, «*язык вражды* охватывает следующие ситуации: расовую ненависть; религиозную ненависть и ненависть, основанную на нетерпимости» [Weber 2007].

Данная концепция в определенной степени противоречит подходам, отраженным в других изданиях Совета Европы, в которых, наряду с вышеперечисленными, приводятся ситуации возбуждения ненависти в отношении женщин, лиц нетрадиционной сексуальной ориентации и других социальных групп.

По мнению Т. МакГонагла, целью правового противодействия «языку вражды» является превенция умаления иных прав и возникновения определенного вреда. «В первую очередь, “язык вражды” может “вмешиваться” в другие права человека или действующие общественные ценности: достоинство, равенство и недискриминацию, активное участие в общественной жизни (включая дискуссионные площадки), свободу самовыражения, свободу ассоциаций, религию и т. д. Во-вторых, должна быть принята во внимание превенция определенного вреда, причиняемого индивидам (“жертвам”): психологический вред, вред чувству собственного достоинства индивида, препятствование самореализации личности, страх и т. д.» [McGonagle 2013].

Сравним наиболее известные научные определения *языка вражды*.

А. В. Денисова определяет *язык вражды* как «обобщенное обозначение языковых средств выражения резко отрицательного отношения “оппонентов” носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей. Это явление может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, межнациональной вражды и нетерпимости, гомофобии, а также сексизма» [Денисова 2011].

По мнению В. И. Жельвис, *язык вражды* – «вербальные средства, призванные выразить пренебрежение или ненависть, а также запугать или призвать к насилию по отношению к людям на основании их расовой, национальной или классовой принадлежности, религии, пола, сексуальной ориентации, физических недостатков, внешности, акцента, малограмотности, политических взглядов, моральных предпочтений, рода занятий, умственных способностей и т. п.» [Жельвис 2010].

В. В. Кузнецова и Е. Е. Соколова определяют *язык вражды* как «лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [Кузнецова, Соколова 2004].

М. А. Федотов приводит следующую дефиницию *языка вражды*: «все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование, или оправдание расовой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации или враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями» [Федотов 2002].

Язык вражды – «особый способ языкового конструирования моделей и практик социального неравенства» [Верховский 2002: 25].

Ю. Казаков дает следующее определение *языка вражды*: «легко дешифруемый негативный сигнал высокой внятности и интенсивности,

публичное свидетельство об объявлении “другого” “чужим” или даже “чуждым”, “враждебным”, заведомо неравным себе по достоинствам. *Язык вражды* – это оформленный языковыми средствами и размещенный в сфере массовой информации знак дискриминирующего размежевания: отказа в доверии по причине нахождения объекта вражды, основного адресата сигнала именно в “чуждой” общности, поражения его на этом основании в правах, в том числе моральных, отказа как самому объекту вражды, так и его миру, в том числе внутреннему, в праве законно представлять человеческую общность» [Казаков 2002: 115].

Из сопоставления определений видно: чаще всего о *языке вражды* говорят применительно к высказываниям, разжигающим межнациональную или религиозную рознь, и связывают ее с экстремизмом.

Иногда *язык вражды* отождествляется с *речевой агрессией* в СМИ. «Более или менее точным эквивалентом этого чересчур метафорического понятия является термин “*речевая агрессия*”» [Дзялошинский 2006: 56]. Речевая агрессия – это специфическая форма речевого поведения, мотивированная агрессивным состоянием говорящего [Там же].

Между этими понятиями ставится знак равенства. Такое определение сужает сферу применения термина до теле-радио-интернет коммуникаций и печатных источников. Однако в реальности *язык вражды* распространен гораздо шире. Он проникает как в официальные, профессиональные, так и в повседневно бытовые практики. *Язык вражды* незаметно становится универсальным языком современной коммуникации, стремительно поднимается с уровня бытового общения на уровень социального взаимодействия.

При этом *язык вражды* может быть ненамеренным (например, журналистская небрежность в отборе речевых средств) и намеренным (целенаправленные призывы к вражде любого рода).

По интенсивности проявления в политической и религиозной сферах *язык вражды* может быть жестким, средним и мягким [Панюшкин 2007].

Жесткими формами *hate speech* следует считать:

– призывы к насилию и дискриминации (*Турки в 1915 году резали армян и правильно делали*) [Там же];

– призывы не допустить закрепления какой-либо национальной или религиозной группы в том или ином населенном пункте (*Нечего строить мечеть в православном городе!*) [Там же].

Средним проявлением *hate speech* языка вражды являются:

– высказывания, которые подвергают сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации (*Холокоста не было!*);

– приписывание исторических преступлений той или иной этнической или религиозной группе (*Мусульмане всегда насаждали ислам огнем и мечом*);

– утверждения о криминальности той или иной этнической группы (*Цыгане – воры*);

– обвинения той или иной этнической группы в попытке захвата власти и негативном влиянии на общество или государство (*Евреи захватили всю нефть и банки*);

– отрицание гражданства (*Нечего чеченцам приезжать к нам в Россию!*) [Там же].

Мягкими формами *hate speech* специалисты считают:

– утверждения о неполноценности той или иной этнической или религиозной группы (*Казахи тупые*);

– утверждения о моральных недостатках той или иной группы (*Евреи жадные*) [Там же].

Приведенная классификация в отдельных моментах представляется полемической, однако дает общее представление о градации психологического воздействия и контекстах употребления враждебных высказываний [Щербинина 2012: 177].

Помимо очевидной аморальности (этический аспект), опасность *языка вражды* заключается в том, что, «проникший в публичную сферу, он не ищет реального врага – он его активно придумывает, творит из насущного окружения самим наименованием. Язык вражды эффективен, поскольку является общим для

управляющих и для управляемых. Все попытки заменить его отторгаются. Из этой ситуации господства языка ненависти нет первого шага, кроме речевого самоограничения» [Павловский 2010].

Кроме того, «перевод hate speech на уровень СМИ означает фиксацию, закрепление эмоционально-негативного обыденного состояния социума. *Язык вражды* в СМИ смещает нормативно-допускаемые границы не только произносимого, но и дозволенного на уровень социального действия» [Мальковская 2008: 161].

Другая опасность *языка вражды* обусловлена размыванием критериев его объективной оценки в условиях глобализации современного общества. Сопrotивляясь глобализму, этнические и религиозные группы активно защищают собственные идентичности, нередко прибегая к прямой агрессии. В результате случаи экстремизма или дискриминации оцениваются обыденным сознанием как попытки «отстаивания независимости», «защиты национального достоинства», «укрепления традиций» и т. п.

В современной социокультурной ситуации все громче звучат голоса тех, кто считает *язык вражды* если не позитивным, то во многом оправданным – охранительным – действием, проявлением оборонительного инстинкта. Сторонники такой позиции упрекают оппонентов в тенденциозности и ангажированности и опираются на идею о том, что настороженность и даже враждебность по отношению к чужому и инородному – вполне естественное и закономерное человеческое свойство [Щербинина 2012].

Под эту идею подводятся научные основания. Например, сложно спорить с утверждением, что «язык, кроме самой простой функции бытового общения, позволяет расставлять ориентиры, где соплеменник, а где пришелец, кочевник. Иначе говоря, язык помогает эффективно работать системе инстинктивного (первородного) опознавания “свой-чужой”» [Белояр 2003].

Наконец, опасность *языка вражды* заключается в его эвфемистичности, в данном случае понимаемой как затемнение исходных смыслов, размывание понятий. *Язык вражды* не только агрессивен, но и манипулятивен: при помощи

него очень легко скрыть истинные намерения и выдать одно за другое. Так, например, «исключение и устранение конкурентов как “врагов” преподносится в языке насилия как путь к “очищению” и “выздоровлению нации”» [Мальковская 2008].

Те же сторонники русофильства определяют язык вражды как «проявление здоровой защитной реакции любой нации на притеснение со стороны представителей иных наций, религий и культур» [Павловский 2010]. Однако, будучи явно субъективным и тенденциозным, такое определение может не только извинить, но и оправдать целый ряд высказываний откровенно агрессивного характера в адрес любых национальных и религиозных меньшинств [Щербинина 2012].

Понятие «язык вражды» по сути, является русскоязычным вариантом *вербального экстремизма* и не имеет особых отличий [Громова 2015: 148]. Согласно А. А. Смирнову, «под понятие словесного экстремизма подпадает целый пучок совершенно неоднородных высказываний. Неоднородность имеется и в объектах «вражды» (от рас и национальностей до неопределенных групп людей, объединенных неопределенным понятием «социальная группа»), и в авторских высказываниях (от политических деятелей до анонимных посетителей блогов и форумов), и в общественной оценке криминальности этих деяний» [Смирнов 2021].

Как отмечает А. А. Смирнов, *словесный экстремизм* «не имеет четко выраженных собственных признаков и регулярно смешивается с другими юридическими понятиями. С одной стороны, это понятия чести, достоинства и деловой репутации, отличающиеся тем, что они имеют конкретного носителя – человека или организацию, которого(-ую) можно опозорить, оскорбить или оклеветать (в форме сообщения заведомо ложной негативной информации). С другой стороны, это составы подстрекательства и организации преступления, а также мотивы более тяжких преступлений» [Смирнов 2021].

Словесный (вербальный) экстремизм – манипулирование сознанием индивида в культурно-языковом аспекте; покушение на стереотипы и традиции.

Сегодня основным средством проявления словесного (вербального) экстремизма является Интернет.

Таким образом, «язык вражды» многогранен, неоднозначен и требует осмысления как в лингвистической и юридической теории, так и в психолого-педагогической практике. Следовательно, выявление и описание элементов *языка вражды* должно определяться правовыми свойствами данного феномена.

1.5. Методология и методика исследования аудиозаписей при лингвистической экспертизе

Анализ аудиозаписей при лингвистической экспертизе – сложная задача, которая требует привлечения специалистов из разных отраслей науки. При идентификации лиц по звукозаписи эксперты обращаются к данным таких наук как: медицина, логика, психология, лингвистика, физиология, права и т.д.

При проведении звуковой экспертизы большое значение имеют исследования в рамках экспериментальной фонетики. Большинство методов, которые применяются в данной сфере, используются многими экспертами [Каганов 2005: 22-24].

Ученые, внесшие огромный вклад в развитие экспериментальной фонетики: А. А. Пирогов, В. Н. Сорокин, И. Максимов, В. П. Морозов, С. А. Гельфанд, Г.И. Бубнова, П.П. Ветров, К.И. Долотин, Н.В. Дурова, Е.С. Ильюшина, В.А. Нуриев, Т.В. Такташова, А.М. Шахнарович, А.Ш. Каганов, И.М. Румянцева, К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева и др.

Основной задачей специалиста-эксперта в рамках лингвистической экспертизы звучащей речи является идентификация лица по устной речи. В обязанности эксперта также входит выявление акцента у говорящего (употребление диалектизмов, жаргонов и др.); определение роли спикера; установление эмоционально-психического состояния, признаков побуждения к

осуществлению экстремистской деятельности, установление признаков унижения человеческого достоинства лица (группы лиц) в связи с его религиозной принадлежностью, выявление оправдания, призывов и т.д. [Никишин 2020: 150].

При анализе звукозаписей используются следующие методы: инструментальный и лингвистический (фонетический, синтаксический, семантический, психолингвистический) [Ю.Г. Горшков, В.Р. Женилов, Г.И. Бубнова, П.П. Ветров, К.И. Долотин, Н.В. Дурова, Е.С. Ильюшина, В.А. Нуриев, Т.В. Такташова, А.М. Шахнарович]; субъективный и объективный [С.Н. Плотникова, Г.С. Рамишвили, Г.Б. Чикоидзе]; аудитивный (умение правильно воспринимать и различать звуки); электроакустические методы (анализ физического параметра звукового сигнала посредством разных технических средств); кибернетические (автоматизация процесса выделения анализируемых признаков) [А.Ш. Каганов, С.Л. Коваль, П.В. Малая, Е.А. Прощина].

Следующим важным аспектом при проведении экспертизы звучащей речи является изучение спектрограмм. Спектрограмма позволяет эксперту не только установить речевой портрет говорящего, но и человека, совершившего преступление [Плотникова 2008].

Следует заметить, что методика распознавания речи на разных языках включает следующие аспекты: сопоставление статистик основного тона голоса, экспертное сравнение звуков, структурно-мелодический, слуховой, а также лингвистический и психологический виды исследования [Рамишвили 1991].

Как было указано выше, анализ звучащей речи требует привлечения таких методов как: инструментальный, слуховой и лингвистический. При слуховом анализе голоса для идентификации говорящего ключевую роль играют тембр, манера речи, наличие дефектов, а также проявления биологических и социально-психологических особенностей (пол, возраст, темперамент и др.). Лингвистический анализ идентификации предполагает выявление особенностей элементов речи на всех уровнях языка (фонетико-просодическом, морфолого-

лексическом, семантико-прагматическом и дискурсном) [Каганов 2005: 167]. В рамках инструментального анализа важными признаками являются мелодические и спектральные речевые особенности [Процукович 2012: 30-31].

Лингвистический анализ также включает сравнение параметров репрезентации мелодических контуров звучащей речи (интонационная модель, используемая говорящим, средняя частота основного тона, место изменения частоты основного тона и скорость его изменения) [Коваль 2006, Смирнова 2007].

Важной процедурой при анализе звучащей речи является деление текста на синтагмы, так как интонационная модель определяется именно в границах выделенных единиц. Отсутствие в лингвистике четких, объективных и формализованных критериев для определения границ синтагмы означает, что распознавание синтагм в речи часто опирается на интуицию исследователей. Это указывает на сложный и неоднозначный характер интонационной структуры речи. Поиск формальных критериев является важной задачей для автоматической обработки речи (например, в системах распознавания и синтеза речи), а также для более глубокого понимания когнитивных процессов, связанных с пониманием речи. Впервые Л.В. Щерба предложил определение синтагмы как семантико-синтаксической единицы, обладающей фонетической цельнооформленностью [Щерба 2008: 95]. Следовательно, синтагма – это не просто набор слов, а смысловое целое, которое выделяется в речи благодаря определенной фонетической организации.

Следует заметить, что происходит значительное изменение частоты основного тона (высоты голоса) в пределах синтагмы. Обычно мелодика сначала повышается, а потом понижается. Этот паттерн является одним из ключевых признаков синтагмы. Интонационный центр является носителем синтагматического, фразового или логического ударения, т.е. выделяет наиболее важную часть синтагмы с точки зрения смысла. Мелодический рисунок синтагмы меняется в зависимости от интонации (вопросительная, повествовательная, восклицательная и т.д.) [Брантов 2004: 16-17].

Необходимо учитывать роль пауз в качестве сегментирующих элементов в речевом потоке. Как правило, паузы в речи соответствуют границам синтагм, т.е. они физически разделяют смысловые и интонационные блоки. Это указывает на то, что паузы – не просто «молчание» в речи, а важный фонетический маркер, который помогает слушателю структурировать воспринимаемую информацию. Согласно Н.Б. Вольской, паузы обусловлены не только физиологическими ограничениями, такими как необходимость вдоха и выдоха во время речи, то есть частота, и длительность пауз могут зависеть от дыхательного ритма говорящего, но и влиянием оперативной памяти – паузы также зависят от когнитивной нагрузки на говорящего [Вольская 2007: 16-17]. Объем оперативной памяти, который может удерживать и обрабатывать информацию, влияет на количество и длительность пауз. Экспериментальные данные подтверждают гипотезу о том, что паузы являются важным элементом речевой коммуникации [Там же, 17]. Следует заметить, что не все границы синтагм сопровождаются паузами, существуют и другие, не менее важные, фонетические маркеры границ синтагм (например, интонация). При делении текста на синтагмы необходимо учитывать и выделительные паузы, которые предшествуют фокусной единице в синтагме. Следовательно, пауза может использоваться не только для разделения блоков информации, но и выделения наиболее важной части высказывания. Таким образом, паузы могут выполнять разные функции в зависимости от контекста и намерений говорящего.

Как известно, синтагма обладает фонетической цельностью, что проявляется в особом распределении ударений. Слова, предшествующие последнему в синтагме, имеют обычное словесное ударение, характеризующее каждое слово в отдельности. Последнее слово в синтагме получает усиленное ударение, которое называют синтагматическим. Данное усиление является важным маркером границ и цельности синтагмы [Бондарко 2004]. Синтагматическое ударение рассматривается как фонетический маркер, который сигнализирует об окончании синтагмы и выделяет ее как цельную единицу.

Однако, по утверждению Б.К. Мурзалиной, в реальной речи наблюдаются случаи, когда в пределах синтагмы появляется особое выделение, не ограничивающееся только последним словом. Место и характер данного выделения тесно связаны с информационной структурой высказывания. Следовательно, ударение может служить для выделения нового или важного элемента информации. Следующая специфика ударения – динамичность (способность смещаться в зависимости от коммуникативных целей). Б.К. Мурзалина утверждает, что перемещение центра интонационной конструкции (ИК) определяется смысловыми отношениями между высказываниями в контексте (говорящий использует ударение для подчеркивания связей и акцентов в процессе коммуникации) [Мурзалина 2004: 151]. Возможность перемещения интонационного центра особенно ярко проявляется в случаях, когда отсутствуют лексико-грамматические показатели выделения слова. В подобных случаях ударение становится основным средством выделения важной информации. В зарубежной лингвистике дополнительное выделение называется «акцентом» или «фокусом», при этом говорят о смещении главного ударения. В работах российских ученых используются термины «логическое ударение», «акцентная выделенность» [Филясова 2008: 249].

Таким образом, исследование звучащей речи требует комплексного подхода. Инструментальный, слуховой, лингвистический виды анализа в многообразии своих конкретизаций находятся в отношениях взаимодополнения и составляют единый методологический фундамент идентификации личности по голосу и звучащей речи.

Выводы по главе I

В рамках настоящего исследования *религиозный язык* рассматривается как совокупность языковых средств, с помощью которых выражаются религиозное мышление, религиозные отношения и религиозная практика.

При анализе семантики религиозного текста, сур Корана в частности, необходимо учитывать многозначность терминов, которая предполагает многоуровневость смыслов и значений, а также сложный характер взаимосвязи между данными уровнями. Сурам Корана свойственны сложная система правил, определяющая взаимосвязь между значениями сложного выражения и значением простых, входящих в состав сложного выражения.

Анализ фактического материала показал, что Коран содержит не только смысловой код, связанный с ситуативным и социально-культурным контекстом, но и «тематические маркеры», дополняющие содержание проповеди символическими значениями, лежащими вне текста Корана, что необходимо учитывать при анализе религиозных текстов экстремистско-террористической направленности.

Исследование текстов религиозного характера требует сопоставления смыслового содержания данных материалов со смысловым содержанием сур Корана, к которым отсылают указанные речевые продукты посредством цитирования. Это обусловлено использованием авторами аудиозаписей вырванных из контекста и искаженных цитат Священного Корана с целью оправдания собственных радикальных убеждений, призыва к осуществлению экстремистской деятельности и обоснования ненависти к определенной конфессиональной группе.

В рамках правового поля *словесный религиозный экстремизм* рассматривается как речевое правонарушение – совершение индивидом словесных действий, а именно: оскорбление религиозных чувств верующих, возбуждение ненависти и вражды между представителями разных конфессий, призыв к осуществлению экстремистско-террористической деятельности.

С точки зрения лингвистики свойства *словесного религиозного экстремизма* реализуются в текстах разной жанрово-стилистической направленности.

Понятие «*словесный (вербальный) экстремизм*» в гуманитарных науках связано с термином *язык вражды*.

В рамках настоящего исследования «язык вражды» рассматривается как лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей.

Можно констатировать, что «язык вражды» многогранен, неоднозначен и требует осмысления как в лингвистической и юридической теории, так и в психолого-педагогической практике. Выявление и описание элементов *языка вражды* должно определяться правовыми свойствами данного феномена.

В круг задач лингвистической экспертизы звучащей речи входит следующее: идентификация и диагностика лиц по устной; установление дословного содержания устного текста; толкование используемых в речи диалектизмов, жаргонизмов и т. д.; установление эмоционально-психологического состояния говорящего; выявление смыслов, выраженных в звучащей речи, анализ смыслов с точки зрения установления направленности текста на достижение определенных целей воздействия на коммуниканта; выявление признаков экстремистских материалов.

Речь является вариативной на всех уровнях, что делает идентификацию сложной задачей. Анализ звучащей речи требует использования различных методов анализа: инструментального, слухового и лингвистического. Каждый вид анализа дает свою уникальную информацию об особенностях речи. Идентификационные признаки могут быть выявлены на разных уровнях: от акустических характеристик до лингвистических особенностей. Идентификационные признаки в рамках слухового анализа: тембр речи; манера речи (скорость, ритм, особенности интонации); дефекты и патологии (шепелявость, картавость, заикание и т.д.); биологические и социально-психологические характеристики. В рамках слухового анализа можно также выявить базовые биологические (пол, возраст) и социально-психологические характеристики говорящего. Идентификационные признаки в рамках лингвистического анализа: фонетический уровень (особенности произношения

отдельных фонем и аллофонов); просодический уровень (особенности интонации, ритма, темпа речи); морфологический уровень (особенности выбора и использования морфологических форм); лексический уровень (специфика словарного запаса, частота употребления определенных слов); грамматический уровень (особенности синтаксических конструкций, построение предложений); семантический уровень (специфичность использования значений слов и выражений); прагматический уровень (особенности использования речи в коммуникативных ситуациях); дискурсный уровень (особенности организации связного текста, характерные для конкретного говорящего). Лингвистический анализ направлен на выявление индивидуальных особенностей реализации и использования элементов языка на каждом уровне. В рамках инструментального анализа речевых сигналов проводится исследование статистических мелодических (изменение основного тона голоса (высоты) и спектральных (распределение энергии по частотам, то есть форманты и другие спектральные особенности) речевых характеристик.

Исследование звучащей речи требует комплексного подхода. Инструментальный, слуховой, лингвистический виды анализа в многообразии своих конкретизаций находятся в отношениях взаимодополнения и составляют единый методологический фундамент идентификации личности по голосу и звучащей речи.

ГЛАВА II. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ

2.1. Семантический уровень религиозного текста

Анализ семантического уровня религиозного текста позволил выявить следующие стилистические приемы, связанные с созданием экспрессивности: *метафору, антитезу, метонимию, лексические повторы, персонификацию, сравнения*. Когнитивная метафора является в РТ одним из самых доступных и эффективных орудий манипулирования. Активно используется также *военная метафора* для экспрессивной характеристики идеологических конфликтов. О продуктивности «военной» когнитивной модели свидетельствует тот факт, что в РТ многие лексические единицы, этимологически и семантически связанные с пространственной и конкретной лексикой (деструкция, физическое воздействие на объект), употребляются в переносном значении, мотивированные военными компонентами первичного лексико-семантического варианта. Широко представлена в РТ метафоризация номинаций, отрицательно характеризующих лиц другого этноса и другого (не мусульманского) вероисповедания, а также отступников от догматов ислама, согласно авторам РТ: *яхуд – еврей; муширик – политеист, носоро – христианин, мачус – огнепоклонник; зороастриец, муртад – изгнанный, отверженный, куффор – инаковерующий*. Авторы РТ используют данные метафоры, чтобы представить действия «врагов» как захватнические, а метафоры *битвы*, напротив, описывают действия «своих», готовых к решительным поступкам, чтобы избавить мир от «тирании», «разврата» и вернуть мусульман к истокам Ислама. Не менее активно функционируют в РТ *зооморфные метафоры* – зооморфные метафоры с положительной коннотацией, характеризующие «своих» (*шерони Хилофати Исломи – львы «Исламского Халифата»⁴*); – зооморфные метафоры с отрицательной коннотацией, репрезентирующие образ «врага» (*саг – собака; хашара – насекомое*). В РТ были выявлены также другие стилистические средства, позволяющие наиболее

---

⁴ «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность, которой запрещена на территории Российской Федерации.

эффективно оказывать на слушающих необходимое воздействие. Например, в следующих фрагментах использованы пары контрастных, противопоставленных по разным основаниям слов: *куффор, муширкин, муртаддин, хаворич, рофизиҳо – муҷоҳидин, сарбозони Давлати Исломи, мусалмонон* (противопоставление существительных с отрицательной коннотацией – положительной коннотации), *ҳашар кардан – напаст, шаҳодат насиб шуд – принять мученичество (стать шахидом)* (противопоставление глаголов «*ҳашар кардан – напаст, шаҳодат насиб шуд – принять мученичество*»). На семантическом уровне также был выявлен суггестивный прием, усиливающий воздействующий эффект – *религиозная тенденциозность*, подкрепленная цитатами из Корана, что придает аудиозаписям особую значимость. Большая часть лексических единиц и выражений в аудиозаписях являются элементами исламских речевых произведений. О специфике текстов свидетельствуют использование особых речевых формул мусульманской риторики, насыщенность текста религиозной лексикой.

Далее более подробно рассмотрим стилистические приемы, выявленные на семантическом уровне религиозного текста.

Под семантическим единством РТ понимается основная идея, которую автор намеревается донести до своей целевой аудитории, чтобы впоследствии убедить адресата в ее исключительной правильности и побудить к определенным действиям. Как правило, базовой организационной чертой семантического уровня РТ является оппозиция, проявляющаяся в негативном контексте. Например, противопоставления «свои – чужие», «мы – они», «хорошие – плохие». Впоследствии эти содержательные характеристики сливаются воедино и образуют общий оценочный образ «идеал – враг». В современной отечественной и зарубежной лингвистической парадигме данные противопоставления изучаются с позиций различных теоретических и методологических подходов.

Идентичность любого общества строится на двух основаниях. Первое основание составляют смыслы, или ценности, вокруг которых общество объединяется, второе – образ «другого», по отношению к которому оно самоопределяется. Согласно Б. Поршневу, «только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиться ... Обособиться от “них” в качестве “мы”» [Поршнев 1979: 82]. Бинарная оппозиция «мы – они» есть «субъективная сторона всякой реально существующей общности людей» [Поршнев 1979: 109].

Отношения между «мы» и «они» неизбежно носят характер взаимного отрицания, так как только путем отрицания «их» формируется «наше». «Они», «чужие» – это абсолютное зло, это от «них» все плохое, включая саму смерть – и наоборот: приятное – это соответствующее «нашему», неприятное – «чужому». «Нам» лучше отселиться от «них», вообще держаться от «них» подальше [Шипилов 2008: 13].

На важную идентифицирующую роль образа «врага» указывал, в частности, Г. Маркузе: «Свободные институты состязаются с авторитарными, стремясь превратить образ врага в могучую силу внутри системы. Эта смертоносная сила стимулирует рост и инициативу <...> посредством превращения общества в целом в обороняющееся общество. Ибо враг существует постоянно <...> Он равно угрожает нам как во время войны, так и в мирное время <...> он таким образом встраивается в Систему как связующая ее сила» [Маркузе 2009: 133].

По справедливому замечанию Б. Ф. Поршнева, основной причиной возникновения образа «врага» являются не реальные особенности или действия /поступки данной группы, а наличие определенных негативных факторов, ответственность за которые можно возложить на данную группу. Иными словами, «они» конкретизируются посредством тех бед и угроз, которых опасается общность «мы» [Поршнев 1979: 84]. Отсюда возможность целенаправленного формирования образа «врага».

Авторы мусульманских аудиозаписей используют широкий диапазон стилистических приемов на лексическом, семантическом и синтаксическом уровнях, чтобы создать отрицательные и положительные образы. В ходе анализа

фактического материала было установлено, что самым распространенным стилистическим приемом на лексическом уровне выступают: *антитеза, метафора, метонимия, персонификация, сравнение, лексический повтор*.

Метафора, сравнение и персонификация активно используются в качестве приемов создания образа *врага*.

В последние годы специфическая концептуализация метафоры, принципы ее формирования становятся предметом пристального внимания ученых-лингвистов. Это можно объяснить тем, что метафоре свойственна принципиальная многоаспектность, разные функции, а также диффузностью значений многозначных слов [Балашова 2014: 17].

Еще в «Поэтике» и «Риторике» Аристотель подчеркивает такие достоинства метафоры, как ясность, приятность и прелесть новизны. Автор предлагает следующий взгляд на метафору: «перенос лексической единицы с измененным значением из рода в вид /из вида в род» [Аристотель 1998: 669–672].

Ранние этапы развития философской мысли характеризуются использованием метафорических конструкций как особых форм репрезентации философских смыслов (ср.: метафора есть «употребление названия одного объекта вместо другого объекта на основании их определенного сходства» [Москвин 2012: 104]). Несмотря на свою тысячелетнюю историю, процессы метафоризации остаются актуальными и в настоящее время.

Образность способна формировать не только денотативное значение, но и эмоционально-оценочное в процессе метафоризации лексической единицы. Основой прагматической системы языкового высказывания является эмоционально-экспрессивная оценочность.

Метафора играет важную роль при создании разных образов. А.П. Горбунов рассматривает метафору как типичную категорию образных средств [Горбунов 1974]. Согласно многим лингвистам, метафора является емким, наглядным средством определенной характеристики явления, лица, действия, а также эмоционально-экспрессивной оценки. В семантическую структуру слова входят такие компоненты как: денотативный и коннотативный, последний включает

также эмоционально-оценочный и функционально-стилевой и образный компоненты. С точки зрения О.В. Загорской, образная составляющая является обобщенным, чувственно-наглядным образом объекта, называемый знаком [Загорская 1983: 17].

Значимо, что семантическая структура слова представляет собой не простой набор элементов, а определенным образом упорядоченную систему. Так, в частности, образный компонент, лежащий в основе образного переосмысления, при сравнении способен породить эмоциональный компонент. Как утверждает А. Б. Аникина: «Речевое воздействие на чувства людей требует преобразовывать эмоции в восприятия, а абстрактное – в конкретное. Именно в этом и заключается основная цель словесных образов. Будучи эмоционально действенными, выразительными, словесные образы часто имеют личную авторскую оценку явлений /событий» [Аникина 1974: 11].

С позиции современной лингвистики механизмы метафоризации и теории референции тесно взаимосвязаны. М. Блэк рассматривает метафору как «стеклянный фильтр, способный вычленять определенные особенности явлений, событий, игнорируя все другие» [Блэк 1990]. Согласно Н. Д. Арутюновой, «Метафора способна улавливать и создавать сходства между различными классами объектов и разными индивидами», что очень важно в практическом и теоретическом мышлении [Арутюнова 1999]. А. Ричардсон рассматривает метафору как «удачную уловку, основанную на гибкости слова». Она является дополнительным механизмом языка, а не его основной формой [Ричардсон 1990].

В самом общем виде когнитивный принцип метафоры представляет собой «способ осмысления сущности некоторого типа (относящейся к области-мишени) в терминах понятий, относящихся к сущностям другого, более простого, базового типа (относящимся к области-источнику)» [Кобозева 2001]. Следовательно, принципиально значимой признается семантическая двуплановость метафоры, обуславливающая целостность лексико-семантической единицы, которая может быть определена как «сложный когнитивный феномен, представленный на уровне языковых форм словом, словосочетанием, фрагментом текста, а иногда и целым

текстом, семантика которого сформировалась как результат осмысления сущности одной понятийной области через другую понятийную область: в ее категориях и свойственной ей понятиях» [Баранов 2011: 71].

Данному феномену, не только лингвистическому, но и когнитивному, посвящено большое количество работ [Теория метафоры 1990].

Согласно когнитивной теории метафоры, в результате метафорического переноса происходит проецирование понятийной области источника на область цели. В результате такого проецирования коммуникативно высвечиваются, или профилируются, те или иные области цели [Баранов 2011: 74].

Анализ языкового материала показал, что именно когнитивная метафора становится в РТ одним из самых доступных и эффективных орудий манипулирования. Ведь именно метафора обладает серьезным прагматическим потенциалом: она позволяет создавать некие программы, выстраивает необходимый инициатору образ мира, образ «своего – чужого» [Ворошилова 2013: 67].

Современные исследователи отмечают, что «именно в сфере языка лежат главные возможности манипулирования сознанием» [Кара-Мурза 2004: 74], и именно «используя метафору, человек имеет возможность представить какое-то сложное понятие как относительно простое, новое – как хорошо известное, абстрактное – как конкретное» [Чудинов 2003: 44].

При определении когнитивной метафоры мы исходим из ее широкого толкования, ставшего традиционным в современной когнитивной лингвистике, в соответствии с которым метафора рассматривается как «любой способ косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1999].

Когнитивная метафора в РТ в первую очередь выполняет моделирующую функцию: она «позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами» [Чудинов 2001: 50].

Идеальной моделью мира, согласно авторам РТ, является Исламский Халифат⁵: *Ин Хилофати Исломӣ ва шарӣати иллоҳи аст, ки мо барои бар пои дубораи он дар ҷаҳони исломӣ шаб ва рӯзро яке мекунем, ва барои расидан ба ин ҳадафи ниҳой муқаддас ҳозир ба қурбонӣ молҳо ва ҷонҳои худ ҳастем. Ва ҳеҷ чизе монеъи роҳамон шуда наметавонад. Иншааллоҳ.*

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. [Это Исламский Халифат и божественный закон – шариат. Чтобы вновь возродить его во всем исламском мире, мы стараемся день и ночь и для достижения этой высшей цели, мы готовы пожертвовать не только своим имуществом, но и своими жизнями. Ничто не может стать препятствием на нашем пути, если Аллах пожелает, ИншаАллах].

Согласно авторам РТ, не каждый достоин Халифат:

Ба кадом тоифа мардум Аллоҳ таъоло Хилофатро насиб мекунад? Ба касоне қаблан Хилофат дода шуда буд, касоне ки ақидаи тавҳид доштанд. Ба муширикони Аллоҳ субҳанаҳу ва таъоло Хилофатро насиб намекунад. Ба касоне қаблан Хилофат дода шуда буд, касоне ки ақидаи тавҳид доштанд. Ба муширикони Аллоҳ субҳанаҳу ва таъоло Хилофатро насиб намекунад. Ба касоне қаблан Хилофат дода шуда буд, касоне ки тазкияи худро мекунанд ва сифатҳои шоиста ва некро бар худ меоранд ва сифатҳои зишт ва бадро аз худ дур мекунанд. Ба касоне қаблан Хилофат насиб шуда буд, касоне ки аз бидъатҳо худдорӣ мекунанд, яъне ба бидъатҳои Аллоҳ таъоло Хилофатро насиб намекунад. Ба касоне қаблан Хилофат насиб шуда буд, касоне ки ҷиҳод фисабиллаллоҳ мекунанд ва на ин ки фисабилитогут. Таваҷҷӯҳ: бо шароитҳои фавқ Аллоҳ таъоло бар мардумои омил Хилофатро насиб мекунад, ки ин шартҳо танҳо бар муҷоҳидини Хилофати Исломӣ мавҷуд мебошад ва бақия гурӯҳҳо ва танзиму ҷамоатҳо аз ин шароитҳо дур мебошанд. [URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. [Каким людям Аллах дарует Халифат? Халифат был дарован тем, кто имел

⁵ Провозглашение халифата не было признано ни одной страной мира, а 126 ведущих исламских ученых – богословов написали лидеру «Исламского государства» открытое письмо, в котором с догматической точки зрения опровергают джихадистскую идеологию этой организации и правомерность создания халифата. Открытое письмо исламских ученых главарю ИГИЛ, признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=16253>

веру в тавхид – единобожие. Идолопоклонникам Всевышний не дает Халифат (мушрики не достойны его). Кто достоин Халифат? Тот, кто *очищает свою душу, имеет благие и чистые намерения, борется с порочностью и злостью*. Кто заслуживает Халифат? *Тот, кто отвергает ересь, отстаивает истину, то есть Всевышний «не дает» Халифат еретикам. Халифат заслуживает тот, кто совершает джихад на пути Аллаха и не заинтересован в собственной выгоде*.
 Помните: Всевышний «дарует» Халифат людям, которые соответствуют определенным требованиям. Только моджахеды Исламского Халифата отвечают всем требованиям. Другие «группировки», «организации» далеки от всех требований Исламского Халифата (не отвечают требованиям)].

Активно используется *военная метафора*, а именно метафора войны, священной войны с неверными: *Ва уламо иттифоқ доранд, ки дар амоли нафлӣ чизе болотар аз **ҷиҳод** нест ва **ҷиҳод** аз ҳаҷ афзалтар буда ва аз рӯза ва намозҳои нафлӣ аҷраш бештар ва болотар аст*.

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл.
 [Старейшины (ученые) едины в одном: в жизни нет ничего выше **джихад**, **джихад** предпочтительнее (важнее) хаджа, молитв и постов].

*Ва ҳар шахсе ки гуноҳонаш зиёд аст, бузургтарин илоҷаш ин аст, ки **ҷиҳод** кунад. Зеро Аллоҳ таъоло гуноҳонаширо мебахшад ҳамин тавр ки дар китобаши мефармояд. Имрӯз ман алайҳи муширикони, куффору муртаддин **ҷиҳод** ва қитол дар роҳи Аллоҳ субҳанаҳу ва таъоло мекунам, пас чаро бар ман номҳои террорист, даҳшатгар ва гайраро мегузори? Дар роҳи Аллоҳ субҳанаҳу ва таъоло **қитол** ва **ҷиҳод** кунед, то фитна хатм шавад ва ҳамагӣ дин холис аз они Аллоҳ таъоло гардад. Имрӯзҳо шумо оё фитна ва куфри бештареро аз ин демукросӣ ва ҷумҳурияи мебинед? Дар ҷойи дигар Аллоҳи мутаол мефармояд: Мафҳум: касоне ки ба Аллоҳ имон оварданд ва дар роҳи Аллоҳ субҳанаҳу ва таъоло **қитол** ва **ҷиҳод** карданд, ҳамоно дар назди Аллоҳи мутаол дараҷоти баландеро дороанд. Ва ҷой ва маскани хешро ба хотири Аллоҳ тарк карданд ва молу нафси хешро барои дини Аллоҳ қурбон карданд, инҳо растагор ва комёбгаштагонанд. **Ҷиҳод** танҳо ҳамаҷиҳод **куффор** карда намешавад, балки **ҷиҳод** бо ҳар муртад, муширик,*

куффор, мунофиқ ва ҳар касе ки намехоҳад дар тамоми замини Аллоҳ шаръи Аллоҳ нофиз ва таҳким шавад, карда мешавад.

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *досл.* [Для каждого человека, совершившего много грехов, единственный выход – это совершить джихад, потому что Всевышний простит ему грехи, как сказано в Его книге. Тогда почему, сегодня, когда я совершаю джихад и убиваю идолопоклонников, неверных и вероотступников, вы называете меня (вешаете ярлыки) террористом, наводящем ужас и страх? На пути Аллаха убивайте, совершайте джихад и сражайтесь до тех пор, пока зло не будет искоренено и религия полностью не будет «принадлежать» Аллаху (Всевышнему). Разве вы не видите, что так называемое «общество свободы и демократии» – это общество коррупции и неверия? Как говорит Всевышний: «Те, кто уверовали в Аллаха, совершали джихад и убивали на пути Аллаха, тем выше они становились в «очах Всевышнего». И они покинули свои дома и имущество ради Аллаха, пожертвовав своим богатством и жизнями ради Аллаха. Они – правдивые и праведные. Джихад направлен не только против неверных, но также против каждого вероотступника, идолопоклонника, неверующего, лицемера, любого, кто не хочет, чтобы на земле Аллаха был «установлен» божественный закон].

Военная модель конфронтации может иметь не только близкие и отчужденные отношения, фиксировать идеологические или другие установки, но также предполагает фиксацию активности отстаивания личной позиции, чтобы реализовать политические, идеологические и другие установки. Несмотря на то, что «горизонтальные» («друг» – «враг») и «вертикальные» («победитель» – «побежденный») взаимосвязаны, вертикаль власти выступает главной, так как главной целью противоборства является уничтожение или подчинение своим установкам оппонентов посредством решительных мер [Балашова 2014: 321]. Анализ фактического материала показал, что большая часть метафор, которые образованы в рамках военной модели, репрезентируют именно противостояние «свои» – «чужие». «Своих» и «чужих» авторы РТ делят на группы. Например:

Свои: *Тоифаи якум ин муҷоҳидини Хилофати Исломи⁶ мебошанд ва ин тоифа мардум комёб ҳастанд. Тоифаи дуюм муъминон мебошанд. Қобили зикр аст, ки танҳо муъминон комёб ва наҷотёфта мебошанд. Муъминони ҳақиқӣ мебошанд. Касонеанд, ки дар ин вақт бо тамоми куффору муртаддин ва тавогиту фиръавниҳо эълони бароат ва душманӣ карданд ва ҳамроҳашон пайваста ҷиҳод мекунанд* [Там же] – *досл.* [Первая группа – это моджахеды Исламского Халифата, и эта группа является самой «желанной», успешной. Вторая группа – это истинно верующие, именно они обретут спасение. Истинно верующие – это те, кто борется с богохульством, муртадами, неверными и совершают джихад].

Дар як тараф шаҳид шудани муҷоҳидин, дар дигар тараф захмӣ шудани муҷоҳид ва дар дигар тараф зиндонҳои торик бар муҷоҳидин боз ҳам сабр ва истиқомат кардани муҷоҳидин алҳамдулиллоҳ. – досл. [С одной стороны, мученичество моджахедов (они стали шахидами), с другой – ранения моджахедов, «темные тюрьмы» против моджахедов. Несмотря на все это, они (свои) проявляют стойкость и терпение, Слава Аллаху!]

Образ врага: *Тоифаи аввал кофирон мебошанд. Яҳуд, насоро, муширкин, маҷус ва ғайра... 2) Тоифаи дуюм мардумоне мебошанд, ки баъд аз Ислому овардан дар роҳи куфр равон шуда ҳастанд. Ин тоифаро дар Ислому муртаддин гуфта шудааст. Ин тоифа мардум аввал мусалмон буда, баъдан ё аз куффор мутаассир шуда ва ё ҳам дар бадали пул ва моли андаке имони худро мефурӯшанд (яъне аз ҳаловат ва маззаи имон маҳрум мешаванд)* [Там же]. – *досл.* [Первая категория – это неверующие: евреи, христиане, многобожники, волхвы и т. д. 2) Вторая категория – это люди, вставшие на путь неверия после ислама. Их в исламе называют отступниками. Эти люди были мусульманами, но затем попали под влияние неверных, либо продали свою веру в обмен на деньги и богатство (они лишены божественной милости (веры)].

Ядро «военного» метафорического поля усиливается прежде всего за счет того, что его члены как традиционные, так и новые определяют оппозиции: «горизонтальную» и «вертикальную». С другой стороны, такие виды переносных

⁶ Признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации

употреблений слов описывают практически любые виды конфликтных ситуаций во всем их многообразии [Кудрин 2010; Шудегова 2002].

В частности, не менее активно в РТ военная лексика используется для экспрессивной характеристики идеологических конфликтов. Например:

Огоҳ бошед, эй касоне ки таҳти раҳбарии иморат (Ин ҳар ду гурӯҳ муртаддин ҳастанд. Дӯстони куффор ва душманони мӯъминонанд. Ҳамроҳи кофирон нарм ва ҳамроҳи мӯъминон сахтгир мебошанд. Ҳар ду гурӯҳ ба воситаи Амрико ва гайра кишварҳои тоғутӣ ҳимоят мешаванд. Ва дорои хабосатҳои бешумор мебошанд) ҷанг мекунад! Эй касоне ки дар сафи иморат ҷанг мекунад! Огоҳ бошед, шумо дар сафе ҷанг мекунад, ки муҳолифи Қуръон ва суннат роҳравон аст. Эй касоне ки дар сафи иморат ҷанг мекунад! Огоҳ бошед, шумо дар сафе ҷанг мекунад, ки ба гайри қонуни фиристодаи Аллоҳ таъоло бо қонунҳои кишварҳои тоғутӣ ва худсохта Ҷайсала мекунад. Эй касоне ки дар сафи иморат ҷанг мекунад! Огоҳ бошед, шумо дар сафе ҷанг мекунад, ки онҳо ҳамроҳи куффор сулҳ мекунад ва ҳамроҳи мӯъминон ҷанг мекунад. Дар Қуръони Карим оятҳои бешуморе мавҷуд аст ва тамоми Қуръони Карим аз оятҳои зебои тавҳид ва ҷиход пур мебошад. Барои мӯъминон як оят ҳам басанда аст, агар мекунад [Там же]. – досл. [Знайте, о те, кто воюет под руководством неверных (они – отступники. Они друзья неверующих и враги верующих. Они мягки с неверующими и строги с верующими. Их поддерживает Америка и другие страны-тираны. И многое они скрывают!) О те, кто сражается в рядах неверных (на стороне Эмирата)! Знайте, вы сражаетесь за тех, кто против Священного Корана и Сунны. Знайте, вы сражаетесь с теми, кто против законов Шариата, кто поддерживает тиранию. Знайте, вы сражаетесь с теми, кто защищает неверных и сражается с истинными мусульманами (верующими). В Священном Коране бесчисленное множество аятов. Священный Коран полон аятов о Таухиде и джихаде. Для истинного мусульманина достаточно одного аята].

О продуктивности «военной» когнитивной модели свидетельствует тот факт, что в РТ многие лексические единицы, этимологически и семантически связанные с пространственной и конкретной лексикой (деструкция, физическое

воздействие на объект), употребляются в переносном значении, мотивированные военными компонентами первичного лексико-семантического варианта. Например:

*Чанд моҳ қабл бар болои соҳоти тамкини Хилофат Амрико, Русия, Чин, Эрон, Покистон ва ғайра тавогит **хучум карданд**. Ки бо ҳозирон нафар асокири худ бар болои соҳаи тамкини Хилофат **ҳамла карданд**. Ва аз тариқи роҳҳои заминӣ ҳазорон нафар иморатиҳои муширикро дохили маърака карданд. Аз боло Амрико **бомбаборон мекард** ва заминӣ ин муртаддину муширикин пеш мешуданд, то нури Аллохро (тавҳид) хатм кунанд. Ҳоло мо мегӯем, чи қисм мухталиф тавогит меоянд бар мо бомбаборон мекунанд ва **соҳаи тамкини моро аз байн мебаранд**, боз шумо мегӯед соҳаи Амрико аст? Оё шумо гоҳе фикр кардаед? [Там же] – досл. [Несколько месяцев назад государства-тираны – Америка, Россия, Китай, Иран, Пакистан напали на Халифат. Тысячная армия напала на Халифат с земли и воздуха, чтобы «погасить божественный свет – Тавхид». Мы говорим: «Почти весь мир ополчился против нас». После всего этого, вы утверждаете, что Халифат («дело рук») создан Америкой? Вы хоть иногда думаете?].*

*Эй мӯъминон барои байъат бо Хилофат худро омода намоед! Эй мӯъминон! Роҳҳои лозим барои таҳқиқ ин Куръон ва суннат, дуо ва истихора мебошад. Дигар роҳ барои таҳқиқ ин нигоҳ доштани тааллуқот бо муҷоҳидини Хилофати Исломи ва рафтан ба соҳаи тамкини Хилофат мебошад. Ғарази мо ин аст, ки хеле зуд иншооллоҳ воқас меоем. То он фурсат кулли баҳонаятро хатм кун! Зеҳн ва фикрҳои худро пок кун ва худро барои **қурбони омода соз** [Там же]. – досл. [О, истинные мусульмане, приготовьтесь к присяге на верность Халифату! О, истинные мусульмане! Единственный путь к истине – это **Коран** и **Сунна**, а также сохранить связь с моджахедами Исламского Халифата и заняться обеспечением безопасности Халифата. Мы надеемся, что скоро вернемся, даст Бог. А пока очистите свой разум и мысли, и приготовьтесь, чтобы принести себя в жертву].*

Арабское слово *Сунна*, ставшее обозначением биографии Мухаммада и исламского святого предания, имеет следующие значения: «سُنَّةٌ»

мн. سُنَنٌ

1) обычай; практика; 2) предание; *سُنَّةُ الرَّسُولِ* или *سُنَّةُ* или *السُّنَّةُ النَّبَوِيَّةُ* сунна (совокупность хадисов о высказываниях и делах пророка Мухаммада с.г.в. *سُنَّةُ* аهل суниты); 3) закон; *سُنَّةُ الطَّبِيعَةِ* закон природы» [Большой арабско-русский словарь 2008]. Другими словами, *Сунна* – это *путь, пример, образец*. Сунна содержит хадисы, рассказывающие о деяниях и высказываниях Пророка Мухаммеда. В Сунне утверждены религиозно-этические нормы мусульман, отражающие не только обычаи и правила арабских городских общин, в ней также содержатся правила мусульманской доктрины [Мечковская 1998: 166]. Данная доктрина является второй основой (первая – Коран) мусульманского права. Фраза *соблюдать Сунну* – значит последовать Пророку Мухаммеду, вести правильный образ жизни. Устойчивое выражение *Во имя книги Аллаха и Сунны его Пророка* является начинательной молитвой мусульман.

Широко представлена в РТ метафоризация номинаций, отрицательно характеризующих лиц другого этноса и другого (не мусульманского) вероисповедания, а также отступников от догматов ислама, согласно авторам РТ:

Яхуд – банӣ- Исроил, халқи яхудӣ, ки забонашон ба гуруҳи забонҳои сомӣ таалуқ дорад ва аз ҷиҳати баромад ва баъзе хислатҳои миллӣ, хусусан аз ҷиҳати умумияти динӣ ягонагӣ доранд [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 640]. – *еврей, иудей*.

Мушрикин – он кӣ ба ягонагии худо бовар надорад; он кӣ ба будани худоёни бисёр эътиқод дорад, бутпараст [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 788] – *политеист*.

فَإِذَا انْسَلَخَ الْأَشْهُرُ الْحُرْمُ فَاقْتُلُوا الْمُشْرِكِينَ حَيْثُ وَجَدْتُمُوهُمْ وَخُذُوهُمْ وَأَحْصُرُوهُمْ وَأَقْعُدُوا لَهُمْ كُلَّ مَرْصَدٍ فَإِذَا انْسَلَخَ الْأَشْهُرُ الْحُرْمُ فَاقْتُلُوا الْمُشْرِكِينَ حَيْثُ وَجَدْتُمُوهُمْ وَخُذُوهُمْ وَأَحْصُرُوهُمْ وَأَقْعُدُوا لَهُمْ كُلَّ مَرْصَدٍ فَإِنْ تَابُوا وَأَقَامُوا الصَّلَاةَ وَآتَوُا الزَّكَاةَ فَخَلُّوا سَبِيلَهُمْ إِنَّ اللَّهَ غَفُورٌ رَحِيمٌ [Коран. Сура 9. Аят 5. 1999: 200]. – *Когда же пройдут месяцы запретные, где бы ни застали вы многобожников, захватывайте их в плен, осаждайте [в крепостях] и устраивайте засады против них, где только можете. Если же раскаются они,*

станут совершать **салат** и раздавать **закат**, то пусть идут дорогой своей, ибо прощающий Аллах, всемилосердный.

Насоро – мн. от насрони – *христианин*.

Мацус – офтобпараст, оташпараст, габр, зардуштӣ [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 681] – *огнепоклонник; зороастриец*.

Муртад – аз дин баргашта [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 681].

В таджикско-русском словаре: **муртад**(д) – 1. *изгнанный, отверженный; проклятый*; 2. *отступничество, изменник; ренегат* [ТРС 2006: 370].

Куффор – 1. *касе, ки дини исломро инкор мекунад; худношинос, бедин*; 2. *худнотарс; бераҳм, сахтдил* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 567] – *тот, кто отрицает ислам; безбожник; 2. бессердечный, жестокий*.

В таджикско-русском словаре: **кофир** – *рел.* 1. *инаковерующий; немусульманин*; 2. *неверный, нечестивый*; 3. *безбожник, богохульник, вероотступник*; 4. *пер. жестокий, бездушный человек* [Таджикско-русский словарь 2006: 284].

Относя неверного – **кяфира** – к числу «*нечистот*», Шариат выдвигает концепцию о том, кого можно считать *неверным*. Вопрос этот крайне важен, так как в литературе термин «**кяфир**» трактуется часто неправильно. Согласно Шариату **кяфиром** считается *قل بابها الكفرون . لا اعبد ما تعبدون. و لا أنتم عبدون ما أعبد. و لا انا عابد ما عبدتم.* – «тот, кто отрицает Бога или дает ему соучастника (ширк), не считает Мухаммада посланником и пророком или же отрицает обряды Ислама» [Коран. Сура 109. 1999: 616].

Христиане и иудеи по Корану и Шариату не являются «неверными». Многие толковые и энциклопедические словари трактуют слово **кафир** – *неверный*. Согласно Г.М. Керимова, такое утверждение является правильным. Однако, продолжает автор, нельзя утверждать, что **кафир** – *немусульманин*. Христиане и иудеи – немусульмане. Согласно Шариату, считать их неверными было бы неправильно. Такие понятия как: безбожие, абсолютное неверие, атеизм в современном их понимании, что в Коране или в первоначальном исламе отсутствуют. Эти термины появились с момента арабских завоеваний, а также в

результате знакомства мусульман с философией Индии, Древней Греции, Персии. Согласно Корану, язычество не является религией, исходя из этого, мусульмане считают язычников «неверными». Авраам, Моисей и Иисус признавали единого Бога (являются ханифами). Следовательно, их нельзя считать неверными. Отнесение христиан и иудеев к неверным связано с правовыми нормами и проблемами войны и мира в исламе. «Почему же среди некоторых мусульман бытует представление, будто христиане и иудеи также являются кяфирами? Здесь нужно отметить следующее. Если в мирное время, на основе Корана и канонического Ислама, христиане и евреи, проживающие в мусульманских странах, находятся под защитой закона и имеют право свободного отправления религиозных обрядов, именуясь последователями единого Бога и “людьми Священного Писания”, то в том случае, когда народы этих вероисповеданий ведут войну с мусульманами в целях искоренения Ислама и захвата мусульманской территории, мусульманское право приравнивает их к неверным – кяфирам и допускает их истребление» [Керимов 2009: 139].

Таким образом, в РТ языковые единицы высокого порядка (суры и аяты Корана) погружаются в иной контекст и получают новую трактовку.

Например:

Мо ба ин мусалмонон (ба ном) гуфтанием, пеш аз гап задан таҳқиқ кун ва аз ҳақиқат худро бохабар соз! Ин Хилофат сохтаи ҳеч кишваре нест ва агар бошад, барои мо субутро пеш кунед [Там же]. – *досл.* [Мы хотим сказать этим мусульманам (так называемым), прежде чем, что-либо утверждать, вы должны разобраться в сути дела! Этот Халифат не создан какой-либо страной, а если так, то предъявите нам доказательство].

Важно отметить, что *метафора сильного воина – шерони Аллох – львы Аллаха, воины Халифат* оказалась наиболее продуктивной в РТ и используется авторами для прагматического воздействия на слушателей. Данные метафоры выполняют в анализируемых текстах прагматическую (манипулятивную) функцию. Например:

Имрӯз шерони Хилофати Исломи дарҳои зиндони Нангарҳор (вилояти дар Афғонистон) ро шикастанд ва мӯъминиро бо фазли Аллоҳ аzza ва ҷалла озод карданд. Муҷоҳидини Хилофати Исломи лашқари имом Маҳди мебошанд ва аз ҳар навъ таассуб қавмӣ, ватанӣ ва забонӣ барианд [Там же]. – досл. [Сегодня **львы Исламского Халифата**, взломав двери тюрьмы Нангархар (провинция в Афганистане), и по милости Аллаха освободили истинных мусульман. Моджахеды Исламского Халифата являются армией Имама Махди и свободны от любых «этнических», национальных и языковых предрассудков].

Активно употребляются метафоры *порабощения, оккупации*. Авторы РТ используют данные метафоры, чтобы представить действия **«врагов»** как захватнические, а метафоры *битвы*, напротив, описывают действия **«своих»**, готовых к решительным поступкам, чтобы избавить мир от «тирании», «разврата» и вернуть мусульман к истокам Ислама. Данные метафоры выполняют инструментальную функцию – помогают домысливать реципиенту нераскрытую информацию и создавать собственную картину происходящего.

Метафора «порабощения»: *Оё бародарон ва хоҳарони шумо дар Фаластин, Русия, Тоҷикистон, Бирма, Чин, Афғонистон, Ироқ, Сурия ва ғайра... аз ҷанголи ин мулҳидину золимон озод шудаанд? Ҷавоб бигӯед! Ҷумҳурият ва демукросӣ чунин низоми куфрии аст, ки дар он бар мискинон, ғарибон ва бечорагон ҷое вуҷуд надорад* [Там же]. – досл. [Свободны ли ваши братья и сестры в Палестине, России, Таджикистане, Бирме, Китае, Афганистане, Ираке, Сирии и т. д. от тирании этих угнетателей (еретиков)? Ответ! Демократическое государство – это общество неверных, с «кошунственной» системой, где нет места обездоленным (нищим), мигрантам и беспомощным (нуждающимся)].

Бар ту чандин бор куффор ҳамла кард, локин ту худро соқит ва хомӯи гирифти ё дар хоб ҳасти? Ман туро бедор мекунам, хафа нашави [Там же]. – досл. [Сколько раз на тебя нападали неверные? Но ты продолжаешь сохранять спокойствие или все «дремлешь»? Я «разбужу» тебя, не переживай (будь уверен)].

Агар як муҷоҳиди Хилофатро зиндонӣ кунед, бар ивазаш зиндонӣ кардан не, балки бо ҳазорҳо забҳ мо интиқом хоҳем гирифт бо изни Аллоҳ. Агар шумон бар муҷоҳидин маҷбурият ва дарду ранҷро овардед, пас маҷбурият ва дарду ғаме ки муҷоҳидин бар шумо меоранд, хеле сахт аст бо изни Аллоҳ [Там же]. – досл. [За каждого моджахеда Халифата, взятого в плен, мы отомстим тысячами убийств, дай Бог. Если вы причините боль и страдания моджахедам, то боль и страдания, которые причинят моджахеды, будут страшнее, с позволения Аллаха].

*Аллоҳ таъоло мефармояд: Мафҳум: касе ки аз зикри ман гофил шавад, зиндагӣ барояш танг ва сахт хоҳад шуд. Дар ҷойи дигар мефармояд: Мафҳум: аз **ӯ золимтаре ки аст**, ки аз масоҷидҳои Аллоҳ таъоло мардумонро боз медоранд [Там же]. – досл. [Аллах говорит: «Тот, кто не выполняет мои требования, тому уготована тяжелая жизнь». Также говорит Аллах: «Нет страшнее того, кто запрещает мусульманам посещать мечеть Аллаха»].*

Дар Хилофати Исломи қатл, рибо, зино, ихтилоф, дуздӣ, маводҳои нашъадор мукаммал побандӣ аст. Хулоса ин ки бар ҳар қисм мункарот побандӣ мавҷуд аст. Ҷумҳурият ва демукросӣ чунин низоми куфрии аст, ки дар он мӯъминон таҳти зулм ва шиканҷа қарор мегиранд, зиндони карда мешаванд ва шаҳид карда мешаванд, локин куффор, муртаддин, муширкини хабис ва ғайра душманони Аллоҳ азза ва ҷалла озад ва маҳфуз мемонанд. Ҷумҳурият ва демукросӣ чунин низоми куфрии аст, ки занҳоро барои кор аз хона берун оварда мешаванд. Занҳоро ба номи озоди ба бозорҳо роҳнамуд мешаванд. Ҳукуматдорӣ ва роҳбарӣ ба занҳо дода мешавад, ки ин амал саросар хилофи шариасти Илоҳӣ мебошад [Там же]. – досл. [В Исламском Халифате полностью запрещены убийства, прелюбодеяние, воровство и наркотики. Однако в демократических странах верующих притесняют и пытаются, сажают в тюрьмы и мучают, а богохульники, отступники, многобожники и т. д., враги Всевышнего Аллаха, остаются на свободе и под защитой. Демократия – «кощунственная» система, заставляющая женщин работать во имя свободы. Женщины правят, руководят, что полностью противоречит Божьему закону]. Ҷумҳурият ва демукросӣ чунин низоми куфрии аст, ки ҳокимият ва роҳбарӣ назди муртад, муширик, мардумони

фосиқу фоқир ва ғайра мардумони ноаҳл мебошанд. Мисоли саги шайтон ва аҳлу аёли зинкору наҷас ва палиди Тоҷикистон [Там же]. – [Демократическое общество – это общество «отступников», «многобожников», общество разврата, распутства и т. д. Яркий пример тому «адские» псы, прелюбодеи, «грязные» женщины и мужчины Таджикистана].

Прагматическую функцию выполняют в анализируемых аудиозаписях метафоры «ада» и «рая». Данная функция «является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия» [Чудинов 2001: 48].

Язык образа является одним из сильных механизмов воздействия на сознание человека. Гюстов Лебон был первым, кто обратил внимание на важность образов, которые создаются для манипуляции сознанием. «Толпа способна воспринимать только образы». При этом «могущество слов находится в тесной связи с вызываемыми ими образами и совершенно не зависит от их реального смысла» [Лебон 2017: 224]. Психологи объясняют эффективность такой манипуляции тем, что человек, подчиняясь толпе, теряет свое личностное сознание, оно (сознание) нивелируется до уровня детского сознания, которое характеризуется «эмоциональной отзывчивостью на обращенное к нему образное слова» [Кара-Мурза 2004].

Важным способом успешной манипуляции сознанием является правильное использование ассоциативного мышления и метафор. «Создание метафор – главная задача идеологии. Поэтически выраженная мысль всегда играла огромную роль в соединении людей и программировании их поведения, становилась поистине материальной силой. Метафоры, включая ассоциативное мышление, дают огромную экономию интеллектуальных усилий. Именно здесь-то и скрыта ловушка, которую ставят манипуляторы сознанием» [Игнатенко 1999].

Проблема отношения к смерти и понимания потустороннего мира – составная часть более общей проблемы ментальностей, социально-психологических установок, способов восприятия мира. Ментальность выражает повседневный облик коллективного сознания, не вполне отрефлексированного и

не систематизированного посредством целенаправленных усилий теоретиков и мыслителей. Идеи на уровне ментальностей – это не порожденные индивидуальным сознанием завершенные в себе духовные конструкции, а восприятие такого рода идей определенной социальной средой, восприятие, которое их бессознательно и бесконтрольно видоизменяет [Арьес 1992].

Сфера ментальностей столь же сложно связана и с материальной жизнью общества, с производством, бытом. Преломление определяющих условий исторического процесса в общественной психологии, подчас сильно преображенное и даже до неузнаваемости искаженное, и культурные и религиозные традиции и стереотипы играют в ее формировании и функционировании огромную роль [Давидович 1989].

Среди всех метафорических конструкций культуры, которые имеют отношение к судебной тематике, важное место занимает метафора Высшего суда. На основе данного метафорического концепта сформировались метафоры Рая, Ада, Чистилища, Воды и Огня, Божественного возмездия и воздаяния, тесным образом связанные с судебной тематикой. Данные метафоры, представляя собой семиотическое пространство традиционной культуры, являются ее мифологемами. В этих метафорах отражаются принципы функционирования и генерирующие смыслы культуры традиционного типа.

Метафорика сознания, в том числе метафорический концепт Высшего суда, отражает существующие в традиционном обществе представления о справедливости, которые строились на идее божественного воздаяния.

В Коране приводятся более чем два десятка сур о *Рая* и *Аде*.

Например:

وبشر الذين ءامنوا و عملوا الصالحات أن لهم جنات تجري من تحتها الأنهار كما رزقوا منها من ثمرة رزقا
لوا هذا الذي رزقنا من قبل و أنتم به مشتبهوا [Коран. Сура 2. Аят 25 1999: 16]. – [Обрадуй [о, Мухаммад,] тех, кто уверовал в [Бога Единого] и творил дела добрые, ведь уготованы им сады райские, где чистые ручьи текут. Каждый раз, когда подают там обитателям плоды для пропитания, говорят они: «Это то же самое, что даровано нам было в пищу в (жизни) прежней». На самом же деле (лишь внешне)

походит (на земную) пища райская, но гораздо вкуснее она. И в садах тех будут представлены им супруги пречистые. И будут пребывать они (то есть уверовавшие) там вечно].

Однако авторы РТ интерпретируют суры Корана таким образом, чтобы оправдать ненависть к «врагам»:

Пас касе ки номаи аъмолаш ба дасти росташ дода шавад, ба зуди ҳисоби осоне барои ӯ мешавад ва хушҳол ба аҳл ва хонаводааш бозмегардад. Ва аммо касе ки номаи аъмолаш ба пушти сараш дода шавад ба зуди фарёд мезанад, эй вой бар ман ки ҳалок шудам! Ва дар шӯълаҳои сӯзони оташ месӯзад [Там же]. – *досл.* [Тогда тот, кто получит письмо о своих деяниях (поступках) в правую руку, он счастливым вернется к своей семье. Но тот, кому письмо будет вручено «через голову» окажется в аду. Будет кричать: «Горе мне, погибшему!» И он будет гореть в пламене огня]. *Аммо ҷаҳаннам дар астан аст, ки Аллоҳи мутаол онро барои кофирони ситамкор омода сохта ва дар он азоби ҳалоккунанда ва шадид аст, ки ҳаргиз дар тасаввури ҳеч башаре нагунҷидааст* – *досл.* [Но в аду Всевышний уготовил «место» для неверных и угнетателей, где они будут подвергаться таким мукам, что человечество даже не может себе представить]. *Мо барои золимон оташе омода кардем ки саронардааш ононро аз ҳар сӯ иҳота кардааст ва агар тақозои об кунанд, обе барои онон меоваранд ки ҳамчун оҳани гудохта сураҷоро бирён мекунад. Чи бад нӯшиданӣ ва чи бад ҷойгоҳе аст* [Там же]. – *досл.* [Мы уготовили для угнетателей «огонь», пламя которого будет окружать их со всех сторон, и если они захотят выпить воды, она будет словно раскаленное железо. Страшнее места для них нет]. *Ва он ду бихишт ва дӯзах акнун вучуд дорад ва ҳечгоҳ фони нашуда ва аз байн нахоҳад рафт. Аллоҳ таъоло мефармояд.* – *досл.* [Рай и ад теперь существуют и не уйдут в небытие и никогда не исчезнут. Аллах Всемогущий говорит...].

По справедливому замечанию С. Кара-Мурзы: «Одним из главных “материалов”, с которым орудует манипулятор, являются социальные стереотипы, представляющие из себя “готовые штампы мышления”, но штампы эстетически привлекательные. Благодаря им происходит необходимое сокращение восприятия

и иных информационных и идеологических процессов в сознании. Обычно стереотипы включают в себя эмоциональное отношение человека к каким-то объектам и явлениям. Их полезность для человека в том и заключается, чтобы воспринимать и оценивать быстро, не думая, манипулятор может применять их как “фильтры”, через которые его жертвы видят действительность. Особенно важно использование стереотипов в “захвате аудитории”. “Захват” – одна из главных операций в манипуляции сознанием» [Кара-Мурза 2004: 345]. Манипуляторы подстраиваются под стереотипы своей аудитории, отложенные в сознании реципиентов. Их задача – завоевать доверие. Они как бы издают клич: «Мы с тобой одной крови – ты и я», <...> а затем удерживает внимание аудитории и «присоединяет» ее – делает сторонником своих установок (создает ощущение принадлежности к одному и тому же «мы»). Манипуляторы пользуются готовыми стереотипами, используя прием «подмены стереотипа», не прибегают к стереотипам прямо [Кара-Мурза 2004: 456].

Не менее активно функционируют в РТ *зооморфные метафоры*.

В лингвистической науке зооморфная метафора понимается как зооним, который используется как номинация для метафорической характеристики кого- (чего) либо [Голованова 2000; Гура 1997; Журавлев 1994; Ильясов 1981; Рыжкина 1980; Свешникова 1995]. В некоторых случаях понятия «зооморфизмы» и «зоонимы» используются недифференцированно [Огдонова 2000]. Последнее утверждение вызывает возражение у ряда ученых, «поскольку зоонимы выступают в качестве первичных наименований животных и частей их тела, зооморфизмы же – это вторичные образные, метафорические обозначения, обладающие ярко выраженным коннотативным потенциалом, употребляемые не столько в номинативной, сколько в экспрессивно-оценочной, характеризующей функции» [Гридина, Коновалова 2020: 31].

Семантическая структура зоометафоры включает следующие компоненты: а) денотативный; б) коннотативный; в) ассоциативный аналог. Денотативная сема отражает связь понятия и знака, коннотативный компонент содержит семы эмоции, оценки, образности, а также интенсивности проявления свойства.

Ассоциативный компонент возникает в сознании человека как основа сравнения. С одной стороны, этот компонент представляет собой интуитивно найденный компонент, с другой стороны, его можно рассматривать как один из языковых средств реализации мысленного образа. Этим обусловлен тот факт, что нет однозначной интерпретации значение образного переноса [Гридина, Коновалова 2020: 31].

По справедливому замечанию Г. Н. Складневской, «метафорический перенос *животное – человек* играет в языке роль одного из самых сильных экспрессивных средств, такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию и обладают яркой пейоративной окраской» [Складневская 1993: 90].

В рамках оппозиции «свой – чужой» данные метафоры мы раздели на две подгруппы:

- зооморфные метафоры с положительной коннотацией, характеризующие «своих» (*шерони Хилофати Исломи – львы «Исламского Халифата»⁷*);
- зооморфные метафоры с отрицательной коннотацией, репрезентирующие образ «врага» (*саг – собака; хашара – насекомое*).

Здесь следует отметить одно важное свойство метафоры: «образ, выбираемый в качестве основания для сравнения, опирается на национальные ориентиры восприятия и оценки действительности» [Гридина, Коновалова 2020: 23]. Например, образы *льва* и *слона* в персидском (таджикском) сознании ассоциируются с сильным, отважным, храбрым человеком. В толковых словарях персидского (таджикского) языка находим следующее определение:

Шер – 2. *метаф.* а) далер, шучоъ, қахрамон – б) далер, нотарс, паҳлавон, қахрамон – отважный, смелый, храбрый, бесстрашный, доблестный; храбрец, герой;

Шери нар – *метаф.* далер, нотарс – храбрец; отважный, удалой;

Шери оташинмиҳлаб – *метаф.* офтоб – солнце;

---

⁷ «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность, которой запрещена на территории Российской Федерации.

Шери нӯлодхой – метаф. аспи пурзӯр – крепкая, сильная лошадь [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 580].

В персидско-русском словаре شیر

شیر [шир]

1) лев;

ماده شیر – львица;

شیر و خورشید – лев и солнце (эмблема государственного герба Ирана);

شیر و خورشید سرخ – Красный Лев и Солнце (организация Красного Креста в Иране);

نشان شیر و خورشید – кокарда с изображением льва и солнца;

شیری یا روباه؟ – погов. лев ты или лисица? (соотв. со щитом ты или на щите? победил или побежден?);

2) метаф. герой, храбрец;

شیر خدا – «Лев божий» (почетное прозвище Али, первого шиитского имама);

شیر شدن – разг. расхрабриться, осмелеть;

شیر کردن – разг. а) ободрять; б) подстрекать, побуждать;

شیر آبی – аллигатор; кайман;

شیر برفی – а) снежная баба; б) нечто внешне страшное, но неопасное;

شیر دریایی – акула

شیردل (львиное сердце) – *отважный, храбрый* [Персидско-русский словарь].

Фил (пил) – метаф. паҳлавон – храбрец – богатырь:

Аз ин ду хунарманд *пили жиён*,

Бибояд бибандад мардӣ миён [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 60].

Приведем примеры:

Имрӯз шерони Хилофати Исломи⁸ дарҳои зиндони Нангарҳор (вилояте дар Афғонистон) ро шикастанд ва муъминиро бо фазли Аллоҳ азза ва ҷалла озод

⁸ «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность, которой запрещена на территории Российской Федерации.

карданд [Там же]. – [Львы Исламского Халифата освободили истинных мусульман из афганских тюрем].

Дар вақти иқомаи ҳудуд бар ӯ шафқату дилраҳм монанд нашавад ва дар ҳангоми қатъ кардани аъзо ва задани гардан ё ба салиб (дор) кашида шудани муфсид фил арз хунсардии лозимро дошта бошад ва натарсад [Там же]. – [Во время выполнения задания к нему (врагу) не следует проявлять милосердие и сострадание, а он (слон – «свой») должен обладать «необходимым» хладнокровием и не бояться, когда отрежут конечности или шею (голову) продажному или когда повесят его («врага»)].

Как было указано выше, в РТ для характеристики «*врага*» используется преимущественно зооморфизм *собака* – *سگ*

سگ – *собака* в персидском (таджикском) сознании имеет общеоценочную отрицательную характеристическую функцию по отношению к человеку. В исламе очень важно знать такие понятия как: «чистое» / «нечистое». Эти термины связаны с запретами и порицаниями. Понятия «чистое» и «нечистое» оказывают сильное влияние на быт и сознание мусульман. Иудеи и христиане многими мусульманами сравниваются с язычниками. Согласно утверждениям французского востоковеда А. Массе: «некоторые мусульмане стараются избегать общения, даже прикосновения с иудеями и христианами. Иногда разбивают посуду, к которой касались христиане или иудеи [Массе 1982: 139].

В Коране находим:

«О вы, которые уверовали! Ведь [пребывают] многобожники в скверне. И пусть, начиная с года этого, не входят они в мечеть Запретную. Если же боитесь вы бедности, то, пожелай Всевышний, и Он обеспечит вас богатством по щедрости Своей. Воистину, всеведущий Он, наимудрейший» [Коран. Сура 9. Аят 28 1999: 204].

Понятия «чистое» и «нечистое» у мусульман может выражаться как разные табу и запреты, например: нельзя есть свинину или пить алкоголь. Понятие «нечистое» имеет не только физический смысл, но и духовный. Объяснения данным запретам отсутствуют как в Коране, так и в Шариате, исходя из того, все,

что запрещается Богом, является очевидным. Тем не менее, практика показывает, что в данных табу и запретах ничего отрицательного нет. Следовательно, ислам соединил понятие «чистое» с позиции религии [Керимов 2009: 149].

Следовательно, сознание мусульман формируется таким образом, что если свинина и алкоголь являются «нечистыми», то и те, кто их употребляет, становятся «нечистыми». Очень сложно понять психологию мусульманина, если не знать учения «чистого» и «нечистого». «Ислам не только выдвигает концепцию чистого и нечистого, но и разрабатывает способы очищения. Не все, конечно, что касается шариатских понятий чистого и нечистого, как и способов очищения, заключает в религиозную оболочку то, что задолго до его появления считалось в народе чистым и нечистым. Ислам свел в одно, соединил представления о материальной чистоте и гигиене с религиозным понятием чистого и нечистого (угодного и негодного Аллаху). Так, к числу *нечистого* причислены им как животные отходы, так и неверующий человек, по Шариату к нечистому (*наджасати*) относятся: *моча; кал; сперма; мертвечина, труп; кровь; собака; свинья; кяфир; вино; пиво и другие хмельные напитки; пот нечистых животных; пот животных, которые питаются нечистотами*» [Керимов 2009: 150].

В толковом словаре персидского (таджикского) языка слова *собака* – *سگ* имеет следующее значение:

Сагдил – *метаф.* сахтдил, берахм, озордиҳанда – жестокосердный; жестокий, бессердечный, безжалостный; притеснитель; мучитель [Фарҳанги забони тоқикӣ 1969: 172].

В персидско-русском словаре находим:

سگ حق شناس به از آدم ناسپاس – *погов.* благодарная собака лучше, чем неблагодарный человек;

سگ زرد برادر شغال است – *посл.* желтая собака – брат шакала (соотв. два сапога – пара; хрен редьки не слаще);

سگ صاحبشرا نمیشناخت – *погов.* собака не узнавала своего хозяина (т. е. была давка и суматоха);

سگ لاید (نالید) کاروان گذرد – *посл.* собака лает, караван идет;

سگ آبی – а) бобр; б) выдра;

سگ حسن دله – *разг.* а) человек, сующий нос не в свои дела; б) бездельник, шатун;

سگ دریایی – а) тюлень; б) вид акулы;

سگ روسیاه – *уст.* **грешник; вероотступник, святотатец;**

سگ نازی آباد – *разг.* **назойливый нахал;**

سگ هرزه مرض – *разг.* **грубиян, нахал;**

با سگ بجوال رفتن – а) селиться в одном доме со злыми людьми; б) спорить с болтуном, пустословом;

سگ کجا خانه کجا؟ – *погов.* это совсем разные вещи (*букв.* где собака и где дом?);

او *سگ کیست که...? – *разг.* да кто он такой, чтобы...? [Персидско-русский словарь].

Таким образом, авторы РТ характеризуют **«врагов»** как «отвратительные, нечистые существа», призывая к их полному истреблению: *Во-вторых, мы не намерены преследовать этих собак – демократии, искать их адреса, у нас нет на это времени. Дай Бог, как будет возможность. Тогда мы не пощадим никого – все собаки и щенки (маленькие дети) будут убиты. Мы постараемся, чтобы кровь этих отвратительных тварей не коснулась нашей одежды. Как говорил Пророк (мир ему и благословение Аллаха): «Мы принесем вас в жертву». Вы поймете это (убедитесь в этом), когда мы приедем в Таджикистан.*

Данный фрагмент необходимо анализировать в контексте событий гражданской войны в Таджикистане (1992—1997), которая шла между сторонниками светского и исламистского пути развития республики⁹, которых называли «вовчики» (ваххабиты) и «юрчики» (сторонники светской власти), запрета деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана в 2015

⁹ Тошмухаммадов М. Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление. — Саппоро: Университет Хоккайдо, 2004. — 26 с.

году¹⁰, судебного преследования ее членов¹¹ и политики ужесточения деятельности исламских религиозных организаций и функционирования религиозных институтов¹². Автор данного фрагмента отрицательно настроен по отношению к тем, кто поддерживает демократию в Таджикистане, называя их «собаками демократии». Проводит параллели между язычниками Мекки – политическими противниками пророка Мухаммада и – своими политическими противниками – тех, кто поддерживает демократию в Таджикистане, приводя фразу Пророка Мухаммада (который является примером для подражания для всех мусульман) *«мы убьем Вас»*. *«Вы это почувствуете на себя, когда мы приедем в Таджикистан»*. Исходя из сказанного, данный фрагмент текста имеет признаки оправдания с помощью религиозной аргументации убийств по мотивам политической ненависти.

Образ «*ҳашара*» – *насекомое*, характеризующий «*врагов*», также наделен семантикой агрессии и опасности. Слово *ҳашара* /*ҳашарат* в таджикском (персидском) сознании ассоциируется главным образом с саранчой. В Коране также находим: *لتسحرنا بهافما نحن لك نومنين الطوفان و احباراد و الضفادع و الدم ءايت مفصكت فاستكبروا وكانوا قوا ما تجرمين* – *«И ниспослали Мы потоп на них, саранчу, вшей – знамения различные. И все же упорствовали они [в неверии своем] и оставались грешниками высокомерными»* [Коран 1999. Сура 7. Аят 133: 179].

Интересно заметить, что среди жителей Туркестана в XIX в. бытовало предание, будто Пророк Мухаммад прочитал на крыльях *саранчи* такую надпись: *«Сила наша необъятна; каждый год мы кладем по 99 яиц, если же мы клали бы их по 100, то завладели бы всем миром»*. В современной литературе подобное описание *саранчи* уже невозможно. Став паттерном туркестанского текста, «саранча» из реалистического повествования переходит в метафорическое

¹⁰ В Таджикистане суд запретил Партию исламского возрождения URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/29/pivt/>

¹¹ Кроме членов политсовета, осуждены трое родственников Мухиддина Кабири URL: <https://news.tajinfo.org/2016/06/03/kak-sudili-liderov-islamskoj-partii-t/>

¹² Центральная Азия: пространство «шелковой демократии». Ислам и государство. Под ред. Э. Ногойбаевой. Алматы: Фонд им. Фридриха Эберта, 2017. С. 34-40. URL: https://drive.google.com/file/d/0B_Or2oBlCdPVQmRtU1NQOU4xcEU/view

пространство [Шафранская 2020]. Так, Андрей Волос в романе «Возвращение в Панджруд», отталкиваясь от устойчивых для культуры смыслов, закрепленных за образом *саранчи*, делает символическое обобщение: «Когда их мало – они кузнечики. Полевые кобылки. Скачут в траве, распевают песни. Но стоит расплодиться сверх меры – превращаются в саранчу» [Волос 2013].

В РТ авторы сравнивают нападение «врагов» с нашествием насекомых:

Дар охир ҳам ҳашар кардани куффор ба мӯъминони ҳақиқӣ аз қабиле Покистон, Эрон, Ироқ, Амрико, Русия ва ғайра тавозит ва аз даст додани тамкин баъди маҷбурият ва таклифҳо, хатм шудани муҳимот, шаҳодатҳо ва дар охир рафтан бар зиндонҳо [Там же]. – *досл.* [В конце концов <...> нападение (нашествие) неверных на истинно верующих со стороны Пакистана, Ирана, Ирака, Америки, России и т. д., и, потеря самообладания (истинными мусульманами) из-за принуждения; исчерпание боеприпасов, и, наконец, попадание в тюрьмы].

Концептуальные метафоры *«собака»* и *«насекомое»* выполняют инвективную функцию – функцию оскорбления и унижения.

Нами также были выявлены *иронические метафоры*, имеющие в подтексте насмешку, критику, выражающие негативное отношение к объекту иронии. Такие метафоры характеризуются как агрессивные; они употребляются для характеристики действия *«врагов»*:

Коргарон ва маъмурони давлати дар кор ва дарҳои идоротҳои тоғутию ҳукумати кушода бошад, локин ҳалқаҳо ва дарсҳои Қуръон ва суннат банд бошад ва намозҳо дар хонаҳо хонда шавад. Дарҳои нонвойхонаҳо кушода бошад, локин намозҳо дар хонаҳо хонда шавад.

Нос, сигарет, нашъа ва шароб озод бошад, локин намозҳо дар хонаҳо хонда шавад. Дарҳои шифохона ва дорухонаҳо боз бошад, локин намозҳо дар хонаҳо хонда шавад. Ин тоғутиён фикр мекунад, ки вирус танҳо дар масҷидҳо сироят мекунад [Там же]. – *досл.* [Рабочие и правительственные чиновники на работе, «двери» правительственных учреждений неверных – тогутов открыты, но запрещены уроки Корана и Сунны, молитвы нужно читать только дома. Двери

пекарен должны быть открыты, но молитвы должны возноситься в домах. Табак, сигареты, наркотики и алкоголь в открытом доступе, но молитвы должны возноситься дома. Двери больниц и аптек должны быть открыты, но молитвы должны возноситься в домах. Эти «неверные» – тогуты думают, что **вирус живет** только в мечетях].

Следует заметить, что диапазон используемых авторами РТ лексических средств не ограничивается лишь метафорой.

Наряду с метафорой нами были выявлены другие стилистические средства, позволяющие наиболее эффективно оказывать на слушающих необходимое воздействие.

Метонимия. В настоящей работе метонимия вслед за Р. Якобсоном понимается как комбинация семантической смежности (обнаруживается у значений слов, обозначающих предметы и явления, между которыми существуют реальные (пространственные, временные, причинно-следственные и т. п.) связи) и позиционного сходства (постановка одного из семантически смежных языковых элементов на место, обычно занимаемое вторым элементом) [Якобсон 1983]. Метонимия – способ ментального усвоения действительности, познавательный механизм, позволяющий человеку переходить в своем сознании от частного к общему, от конкретного явления к абстрактному обобщению.

Метонимический перенос присутствует в предложениях, в которых характеризуются «**воины**» «Исламского государства»¹³.

*Ва ин цост, ки қалбҳо хун мечаканд ва ҷигарҳо месузанд ва баданҳо тикка тикка мешаванд ва оҳ ва ғигонҳо баланд мешаванд читавр ин гуна набошад дар ҳоле, ки яке аз доъиён қоил ба узр ба ҷаҳл назди мо мегуфт..! Бале Давлати Исломи хурмати хуни мусалмононро медонад ва аз худ дар баробари аҳроруи шом, ки як рӯз 400 нафар аз сарбозони Давлати Исломиро куштанд, дифоъ мекунад [Там же]. – досл. [И вот где сердца обливаются кровью и боль за родных (**печень** – пер. **родные, близкие люди**), каждая клеточка тела пронизана болью;*

¹³ «Исламское государство» признано террористической организацией, деятельность, которой запрещена на территории Российской Федерации.

всюду доносятся стоны. Всюду страдания!.. Да, Исламское государство знает цену каждому мусульманину (уважает кровь мусульман) и защищает себя, несмотря на зверское убийство 400 солдат Исламского государства за один день].

Гипербола – «фигура неправдоподобного преувеличения, настолько неправдоподобного, что буквальное ее истолкование исключается. Гипербола используется с тем, чтобы “ярко выделить”, “крупно выставить те или иные стороны предмета”, усиливая оценку» [Москвин 2012: 90].

В анализируемых аудиозаписях были обнаружены следующие гиперболы:

Агар як муҷоҳиди Хилофатро зиндонӣ кунед, бар ивазаш зиндонӣ кардан не, балки бо ҳазорҳо забҳ мо интиқом хоҳем гирифт бо изни Аллоҳ. Агар шумон бар муҷоҳидин маҷбурият ва дарду ранҷро овардед, пас маҷбурият ва дарду ғаме ки муҷоҳидин бар шумо меоранд, хеле сахт аст бо изни Аллоҳ [Там же]. – досл. [За одного взятого в плен моджахеда Халифат, мы ответим «тысячами убийств», дай Бог. За боль и страдания моджахедов, вы будете наказаны жестоко].

Лексические повторы для создания эмфазы (от греч. emphasis – разъяснение, указание, выразительность) – выделение важной в смысловом отношении части высказывания (группы слов, слова или части слова), обеспечивающее экспрессивность речи [Словарь лингвистических терминов]:

Ва ҳамчунин барои сарбозоне ки дар роҳи тоғут меҷанганд, узр ба ҷаҳл қоил ҳастанд бинобар ин дар масоили куфр ва имон халал иҷод шуда ва узр ба ҷаҳл барои гумроҳон баҳонае шуда барои тугён ва канор гузоштани ҷиҳод ва таътил кардани ҳудуд ва аҳкоми илоҳӣ [Там же]. – досл. [Важно понимать, что воинам, воюющим против неверных, можно простить многое в вопросах веры (веры и неверия), если по неведению (во время джихад), причиняют боль другим, нарушая божественную заповедь].

Для создания отрицательного образа «*врага*» в РТ активно используются также *сравнение* и *персонификация*.

Сравнение:

Савол: чӣ касе бо беш аз 80 кишвари дунё дар Шом (Сурия), Ироқ, Ливия, Нигерия, Миср, Яман ва Хуросон меҷангад ва чӣ касе рофизихо ва пешмарғаҳо ва

*нерӯҳои РПК ва нусайриҳои Сурияро мисли гӯсфанд забҳ мекунад? Оё манзуратон аз аҳли Ислом инҳо ҳастанд ё гурӯҳҳое ки худашон аввал ҷангро бо Давлати Ислом шурӯъ карданд, мисли ҷабҳатун нусра ва ҷабҳатул ислом ва баъзе гурӯҳақҳои дигар ки ҳеҷ хабаре аз манҳаҷи онҳо вучуд надорад. Ҳоло ба сӯҳбатҳои раисони ин гурӯҳ гӯш кунед! Шумо аз расонаҳои куфри мутаассир шуда ҳастед ва Хилофати Исломиро бар шумо мисли бало муаррифи кардаанд. Шумо таҳқиқ накарда астед ва ҳамеша бар гап ва таблиғоти як тараф иктифо карда ҳастед! Эй мусалмонон! Фикр кунед ва таҳқиқ кунед, то аз ҳақиқат бохабар шавед [Там же]. – досл. [Вопрос: кто воюет с более чем 80 странами мира в Сирии, Ираке, Ливии, Нигерии, Египте, Йемене и Хорасане, и кто **режет** рафизитов (шииты) и силы **РПК**, сирийских нусайритов (приверженцы шиитской секты с «крайними» воззрениями, близки к учению шиитов-исмаилитов и гностическому Христианству. В основном проживают в Сирии. Секта возникла в III в. х. Основатель – Мухаммад ибн Нусайр; учение развито Мухаммадом аль-Джаннаном аль-Джунбулани) **словно овец**? Вы имеете в виду мусульман или группы, которые сами начали войну против Исламского государства, **такие как «Джабхатун-Нусра» и «Джабхат аль-Ислам»** и некоторые другие группы, местонахождение которых неизвестно. Послушайте, что говорят лидеры этих группировок! Вы верите только средствам массовой информации неверных, где – одностороннее освещение фактов и откровенная ложь. Они «преподносят» вам Исламский Халифат, **как чуму**. Вы верите им, не пытаясь найти истину! О, мусульмане! Думайте, доискивайтесь до истины и не довольствуйтесь тем, что выдают за истину].*

В данном контексте сравнение выражается при помощи сравнительного союза *мисли – словно: мисли гусфанд – словно овец (баранов); мисло бало – словно чума (беда, бедствие, горе)*, благодаря которому автор достигает нужного эффекта.

Персонафикация – «форма фетишизма, стремление интерпретировать, объяснять любое социальное явление, изменение как проявление личной воли конкретного лица или группы; является важнейшим приемом идеологии,

позволяющим иллюзорно рассматривать любое массовое движение как результат козней “кучки экстремистов”. При этом игнорируется, что суть проблемы заключается в том, почему массовое движение идет именно за этой группой или лидером, игнорируя других агитаторов и лидеров, если эта группа действительно существует» [Ахиезер 2005]:

Абу Язид ки аз хавориҷ буд, бар алайҳи 23 бани убайд ки рофизи буданд ҷангиданд (убайдиҳо мардумро ба хотири калимаи ( ) бар саҳоба мекушанд). Вақте мардум онҳоро маломат карданд, уламои мағриб фармуданд, бо касоне ки исёни Аллоҳро кардаанд бар зидди убайдиҳо ки ба Аллоҳ куфр мекунанд, меҷангем [Там же]. – досл. [Абу Язид, который был хариджитом, сражался против 23 воинов-ибадитов, поддерживающих рафизитов, (ибадиты убивали людей за каждое слово, сказанное о сподвижниках пророка Мухаммада). Когда люди обвинили их, улемы (мусульманское духовенство) Магриба сказали, что мы будем сражаться с теми, кто восстал против Аллаха, против ибадитов, которые не верят в Аллаха].

Основное средство актуализации главной интенции экстремистского текста – воздействие на реципиента и убеждение его в правильности своей позиции. Наиболее ярко и четко образ «чужого» можно сформировать при помощи *антитезы*. Этот стилистический прием используется авторами РТ, чтобы противопоставить контрастирующие понятия.

Приведем примеры, использования *антитезы*:

Вақте куффору муширкину муртаддин алайҳи Хилофати Исломи ҳашар карданд, бар муҷоҳидин зиндонҳо, захмҳо, гушинагию ташинагиҳо, муҷоҷират ва дар охир шаҳодат насиб шуд, локин иншооллоҳ гирифтани интиқоми инҳо бо дастҳои муҷоҳидин омаданиаст! [Там же].– досл. [Когда неверные, многобожники и отступники напали (выступили против) на Исламский Халифат, моджахеды терпели голод и жажду, тюрьмы, ранения, изгнания и, наконец, приняли мученичество, но, даст Бог, они («враги») будут отомщены моджахедами («месть за них придет от рук моджахедов»)!].

Баъд аз гузашти ҳудуди як қарн аз нобудии Хилофати Усмониҳо ва мутаҳаммил шудани зарарҳои зиёде мусалмонон дар тайи ин муддат чашиданд, бори дигар Аллоҳ таъоло неъматии Хилофатро бароямон арзонӣ кард ва моро бо рӯҷӯи он хушҳол кард. Ва алҳамдулиллоҳ қудрат ва шавкат бар мусалмонон баргаиш ва мусалмонон дубора соҳиби иззат шуданд. Акнун дар дунё қуввати азиме бар муқобили муширикони ва куффор матраҳ шудааст [Там же]. – досл. [По происшествии почти столетия после «разрушения» усманского (Усман – третий праведный халиф, ближайший сподвижник пророка Мухаммада) Халифата и многочисленных бедствий и страданий, выпавших на долю мусульман, Всевышний Аллах еще раз ниспослал нам («благословил нас милостью») Халифат и осчастливил нас. Слава Аллаху, сила и энтузиазм вернулись к мусульманам, и мусульмане вновь вернули свою былую мощь. Теперь в мире «появилась» великая сила, сила, способная противостоять многобожникам и неверным].

*Аҷиб ин ҷост, ки баъзе аз касоне ки куфри ошкор доранд дар назди **инҳо** маъзур мебошанд ва инро намедонанд, ки агар Хилофати Исломи аз байн биравад **рофизихо ва муртадини араб бар мусалмонон** голиб мешаванд* [Там же]. – досл. [Странно то, что те, у кого «открытое неверие», кто является «неверным», (они») не знают, что если Исламский Халифат исчезнет, рафизиты и арабы – отступники победят мусульман].

*Дувумин ақидаи **ботили хаворич** ки бар он низ иттифоқ доранд ин аст, ки ҳокиме ки золим аст, метавон бар алайҳи ӯ хуруҷ кунад ва ҷангид. Ҳарчанд ин ҳоким **мусалмон** бошад* [Там же]. – досл. [Второе заблуждение хариджитов заключается в том, что они думают, если правитель – тиран, то против него нужно выступить, при условии, что он – мусульманин (правитель)].

*Мухолифон мегӯянд Давлати Исломи **кофиронро раҳо карда ва машгули куштани мусалмонон** аст, ин ҳам барои ин аст, ки иттиҳом хаворичро ба онҳо бизананд.* – [Противники утверждают, что Исламское государство, избавившись от неверных, начнет убивать мусульман, чтобы потом в этом обвинить хариджитов].

В данных фрагментах использованы пары контрастных, противопоставленных по разным основаниям слов: *куффор, муширкин, муртаддин, хаворич, рофизиҳо* – *муҷоҳидин, сарбозони Давлати Исломи, мусалмонон* (противопоставление существительных с отрицательной коннотацией – положительной коннотации), *ҳашар кардан* – *напасть, шаҳодат насиб шуд* – *принять мученичество (стать шахидом)* (противопоставление глаголов «*ҳашар кардан* – *напасть, шаҳодат насиб шуд* – *принять мученичество*»). Здесь нельзя не согласиться с Г. Паулем, который отмечал: «специфика глагольного слова такова, что при известных условиях любое действие – состояние может быть антитезой к другому действию – состоянию, особенно если речь идет о глаголах, наиболее общих по своей семантике» [Пауль 2014: 124].

Следующий отрывок: «*қудрат ва шавкат бар мусалмонон баргаиш ва мусалмонон дубора соҳиби иззат шуданд* – *акнун дар дунё қуввати азиме бар муқобили муширкин ва куффор матраҳ шудааст* – *сила и энтузиазм вернулись к мусульманам, и мусульмане обрели свою славу* – *теперь в мире “появилась” великая сила способная противостоять многобожникам и неверным*» – является разновидностью антитезы [аллойоза] – развернутое сопоставление двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркивание несхожего в том, что предварительно определено как сходное; в аллойозе обычно отсутствует резкое противопоставление двух реалий или их признаков, но тем не менее при сопоставлении четко выявляются различия.

*Мо мӯътақидем ки набояд аз бадиш **онон** сухан бигӯем, балки **ононро** ба он чи ки аз мадҳ ва сано сазовор ва шоистаи **онанд** биситоем. Ва дилҳои худро аз ҳасад ва кинаи **онон** пок кунем, чуноне ки Аллоҳи мутаол мефармояд.*

В данных контекстах противопоставляемыми понятиями являются местоимения *мо* – *мы* – *онҳо* (*онҳоро*) – *они*, *онон* – *они*, *ононро* – *их*, *онанд* – *их*, *онон* – *их*, *ӯро* – *его*. *Онҳо* (*онҳоро*), *ӯро* – *его* обозначают «неверных», которые придерживаются позиции хавариджов (خَارِجِيّ. мн. خَوَارِجُ 1) еретик, раскольник;

2) сепаратист; الخوارج *ист.* хариджиты) [БАРС 2008]. **Мо – мы** – истинные мусульмане.

Антитеза большей частью «плод» индивидуального словоупотребления. Часто в антитезе противопоставление не общеязыковое, а сугубо индивидуальное, зависящее от говорящего, стремящегося наиболее ярким образом выразить главное [Гельблунд 1986: 155].

Ман маош надорам ва ҳадафи ман танҳо қитол фисабилллоҳ аст, локин маошии ту аз тарафи Русия ва Амрико дода мешавад, боз ман хавориҷ ва сохтаи Амрико ҳастаму ту мусалмони саҳеҳ, хеле аҷиб аст! Дар вақти ҷанг тири аслиҳаи ман хатм мешавад, локин ҳамроҳи ту мол, аслиҳа ва муҳимот аз тарафи куффор дода мешавад, боз ман хавориҷ ва сохтаи Амрико ҳастаму ту мусалмони ҳақиқӣ, хеле аҷиб аст! Бар ман ҳар рӯз бомбаборон, шаҳодат, захмӣ шудан ва зиндонӣ шудан мебошад, локин ту ҳамроҳи куффор дар дохили як сангар, тайёра ва танка мебоши ва моро бомбаборон мекуни, боз ман хавориҷ ва сохтаи Амрико ҳастаму ту мусалмони воқеъӣ, хеле аҷиб аст! Андоми зоҳири ман ба суннат баробар аст, мисвок истеъмол мекунам, панҷ вақт намозро дар вақташ мехонам, қиёмул лайл ва тиловати Қуръони Каримро мекунам ва ҳар аҳкоми Исломиро амалӣ мекунам, локин ту ришатро мегирӣ ва сигарет ва гайра истеъмол мекуни ва бар аҳкомот аъмал намекуни ва муҳолифат мекуни, боз ман хавориҷ ва сохтаи Амрико ҳастаму ту мусалмони ҳақиқӣ, хеле аҷиб аст! Ман бо куффор сахтӣ ва бо мӯъминон нармӣ ва хушахлоқӣ мекунам, локин ту бо мӯъминон сахтӣ ва зулм ва бо куффор нармӣ ва ҷополусӣ мекуни, боз ман хавориҷ ва сохтаи Амрико ҳастаму ту мӯъмини воқеъӣ, хеле аҷиб аст!

[Там же]. – *досл.* [У меня нет зарплаты и моя цель – только убивать, тебе платят Россия и Америка, и я – хариджит и «дело рук» (обучали) Америки, а ты – истинный мусульманин, странно, правда?! Во время войны, когда мои боеприпасы заканчиваются, тебя поддерживают «неверные», поставляя оружие и боеприпасы, и я – хариджит и «сделан» в Америке, а ты – истинный мусульманин, очень странно, правда! Каждый день меня «бомбят», мучают, ранят и сажают в тюрьму, а ты в «железной броне» (в самолетах и танках) с «неверными», ты

бомбишь нас, я – хариджит и «сделан» в Америке, а ты настоящий мусульманин, это очень странно, правда?! Мой внешний вид соответствует всем требованиям Сунны, я читаю пять раз молитву в день, соблюдаю все требования Священного Корана и выполняю все заповеди ислама, ты бреешься, куришь сигареты и многое другое; ты не соблюдаешь заповеди и противодействуешь им, опять же я – и «дело рук» Америки, а ты – истинный мусульманин, это очень странно! Я строг с неверующими и мягок и вежлив с верующими, а ты строг и жесток с верующими и мягок и «нежен» с неверующими, и я – хариджит и «игрушка» Америки, а ты – настоящий верующий, это очень странно!]. Данный отрывок полностью построен на антитезе: *ман – ту – я – ты; маош надорам – маош дода мешавад – нет зарплаты – зарплата выплачивается.*

На семантическом уровне также был выявлен суггестивный прием, усиливающий воздействующий эффект – *религиозная тенденциозность*, подкрепленная цитатами из Корана, что придает аудиозаписям особую значимость. Например: *Тот, у кого нет опыта в сражении, кто думает, что не сможет пожертвовать чем-либо на земле, у него есть только одна цель – быть убитым, чтобы осветилась дорога его кровью, и, чтобы при упоминании его истории оживились сердца из поколения в поколение. Он сделает из останков своего тела мост, по которому будут проходить те, кто проснулся после него. Он понял, что жизнь его уммы держится на крови. ... Если он преуспееет, то будет жить победителем, а если будет убит, то осветит путь тем, кто после него уйдут к своему Господу радостным шахидом. И те, кто после него, узнают, что величие и достоинство бывают только в джихаде и сражении, унижение, презрение и смерть бывают при уступчивости и зависимости [Там же].*

Семантический уровень анализируемого материала организуется оппозицией, основанной на негативно окрашенном контрасте. В РТ преобладают лексические единицы и выражения, содержащих элементы исламских речевых произведений. Специфика текстов проявляется в использовании особых речевых формул мусульманской риторики, а также насыщенностью аудиозаписей религиозной лексикой.

Язык вражды, актуализируемый посредством аудиовыступлений, приводит к появлению и обострению межнациональных, межконфессиональных беспорядков и даже гибели людей. С точки зрения лингвистической конфликтологии вербальный компонент экстремизма дает возможность осознать специфическую риторическую манипуляцию как одну из характерных стратегий современного отечественного религиозного дискурса.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что процессы воздействия носят многоплановый характер. В них присутствуют разного рода механизмы, которые носят взаимодополняющий характер. При этом адресат информации может и не ощущать в качестве воздействующих некоторые возможные коммуникативные цепочки, поскольку сообщения на этом уровне не воспринимаются в качестве таковых.

2.1.1. Семантика и прагматика сур Корана

Анализ фактического материала не может обойтись без изложения основополагающих концепций и мнений о статусе и особенностях религиозного языка. «Религиозный язык – это совокупность языковых средств, с помощью которых выражается религиозное мышление, религиозные отношения и религиозная практика» [Плисов 2019]. Язык религии чаще всего рассматривается с точки зрения семантики и прагматики функционирующих в нем компонентов и фактически конституируется наличием семантических коррелятов с религиозным содержанием, религиозными темами и предметами. В качестве референтов высказывания выступают религиозное сознание, религиозная деятельность, религиозные отношения и религиозные институты. Данная соотнесенность может быть эксплицитной или имплицитной. Необходимо дифференцировать языковые элементы, пронизанные духовностью благодаря взаимодействию с определенной религиозной традицией, которые воспринимаются всеми носителями языка как

«религиозные», и выражения и тексты, религиозная сущность которых проявляется в определенном контексте или условиях общения. Прагматический аспект религиозной сущности высказывания или текста не всегда связан с его объективацией в рамках традиционной религиозной обстановки (например, церковного служения или личной молитвы) [Плисов 2019]. Он может возникнуть даже без явного упоминания религиозных компонентов: классическое содержание религиозного общения может не использоваться носителем языка, однако религиозность высказывания или текста сохраняется.

Рассмотрим семантику и прагматику избранных сур Корана.

«Чтобы правильно понять Коран и трактовать значение его аятов, необходимо знать кораническую терминологию и соответствующие понятия. Вместе они не только создают универсальные истины исламской религии (великий моральный код), но также оживляют коранический текст, придавая ему жизненность, точность и гибкость» [Балил Абд ал-Карим 2022: 23].

Для нашего исследования интерес представляют семантика и прагматика функционирования языковых единиц сур Ал-Бакара, ал-Маъида и Ибрагим Корана. Чтобы понять конкретное значение каждой лексической единицы в кораническом тексте, необходимо установить ее первоначальное значение (в каком значении употреблялось слово во времена пророка Мухаммеда). Каждая лексическая единица коранического текста, входящая в то или иное семантическое поле (тематическую группу, лексико-семантическую группу и т. п.), имеет огромное количество различных оттенков значений, анализировать которые в рамках одного диссертационного исследования не представляется возможным.

Как известно, изменение семантической структуры слова является естественным процессом. Однако его следует отличать от семантического искажения, когда значения слов, развивающиеся с течением времени, несовместимы с первоначальным значением.

При анализе семантической структуры слова необходимо учитывать связь слова с другими словами внутри семантического поля. Вслед за

Д. О. Добровольским под семантическим полем мы понимаем «теоретический конструкт, объединяющий лексические единицы разных типов, которые связаны соответствующими семантическими отношениями» [Добровольский 2013: 27].

Обращение к семантическому полю обусловлено тем, что поле, будучи структурной языковой категорией, позволяет анализировать различные аспекты языковых единиц в их взаимосвязи как части единого целого.

В своем исследовании мы также опирались на работы ученых-философов: ابو على حسين بن عبدالله بن , ابن الجوزي ; على بن محمد جرجاني , ابوالقاسم حسين ابن محمد الراغب الاصفهاني جلال الدين الرومي, بليل عبد الكريم, الفارابي, الخوارزمي, البيروني, الجرجاني , سينا

Здесь уместно заметить, что в арабском языке корень слова, образующий его основу, чаще всего состоит из трех согласных и является носителем общей идеи [Балил Абд ал-Карим 2022]. Трехсогласный корень, сочетаясь с другими словообразовательными элементами, образует различные слова.

Лексические единицы, находящиеся в различных смысловых сферах, требуют не только лексикологического, но и контекстуального анализа, который позволяет установить семантические особенности языковых единиц.

Нами были проанализированы языковые единицы, входящие в семантическое поле المعرفة – познание, восприятие.

На примере данного семантического поля мы хотим показать сложность семантики слов Священного Корана.

Данное поле включает 41 лексическую единицу. Здесь уместно заметить, что в арабском языке корень слова, образующий его основу, чаще всего состоит из трёх согласных и является носителем общей идеи [Балил Абд ал-Карим 2022]. Трехсогласный корень, сочетаясь с другими словообразовательными элементами, образует различные слова.

Первоначальное значение трехбуквенного корня عرف было: тишина, спокойствие; непрерывная последовательность объектов. Лексические единицы, входящие в семантическое поле المعرفة- познание, восприятие объединены общей интегральной семой عرف – знать, узнавать.

Данное семантическое поле включает слова следующих частей речи
 معرفَة مَعْرِفَةٌ – существительные: 1) знание; познание; *المعرفة نظرية* филос. теория
 познания, *المعرفة عن غير*; ислама энциклопедия *إلسالمية*; *دائرة المعارف*; гносеология
 бессознательно не ведая того; 1 *النكرة* (отрицание, непризнание; 2) неприятность; 3)
 неслыханное дурное деяние; зло; 1 *الكفر* (безбожие, неверие; *الكفر باهلل* кощунство,
 богохульство; 1 *كرد* (настигание; 1) край, предел; *وصل السفلى اللالدرك* дойти до самой
 последней степени, до крайнего предела, крайности; 1 - (1 – *الحق*; искренность,
 честность, правдивость) *صديق* право; 2) справедливость, правильность, правда,
 истина, обязанность; *الكذب* – ложь, неправда; *الفجأ* – ложь, клевета.

Прилагательные – *حَقَّق* истинный, настоящий, подлинный; правильный,
 справедливый.

Глаголы – и *عَرَفَ ائْمَعْرِفَةٌ عَرَفَ النكر* I; что, знать отлично *حَقَّالمعرفةان*
 1) не знать; 2) не узнавать; 3) не признавать, отрицать; *عَرَفَ*...; узнавать; знать)
 1) не признавать, отрицать; 2) *كفر* (покрывать, скрывать; 2) *اللجميلاانكر*
 быть неблагодарным; 4) не одобрять; 1 – *كفر* (покрывать, скрывать; 2)
 искупать (что *عن* чем *عن* *ب(كفر ذنبه عن* ; искупать грех; 3) заглаживать, поправлять (что
عن чем *ب(*); прощать (кому *عن* или *ب(كفر ذنبها لها* ; он простил ей вину; *كفر الخطأعنه*
 простил ему ошибку; 5) поколебать (чьюл.) веру, делать неверующим; 6) считать
 неверующим, обвинять в неверии; не он ; *ب(* *انه اليدرى مايفعل* или. п. вин что (ведать,
 знать – *ب(* *ذرى صدق* I и *ب(* *ذرى صدق* I ; знать достоверно *ذرى صدق* I ; делать что знает I у I
ذرى صدق I ; сказать по правде...; по правде говоря...; *ب(* *ذرى صدق* I ; *ب(* *ذرى صدق* I
 исполнить *ب(* *ذرى صدق* I ;
 2) оправдываться (о II *ب(* *ذرى صدق* I ; (предположении *ب(* *ذرى صدق* I) или *ب(* *ذرى صدق* I
ب(*ذرى صدق* I ; верить, правдивым считать) 1 *ب(* *ذرى صدق* I) не верить своим глазам (ушам); ...
ب(*ذرى صدق* I)
 верить делам, а не словам; 2) *ب(* *ذرى صدق* I)
 подтверждать, удостоверять; заверять; ратифицировать утверждать (напр.
 документ *ب(* *ذرى صدق* I)
ب(*ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I)
 имеет право, ему надлежит; 2) быть действительным, реальным, истинным; *ب(* *ذرى صدق* I)
 и *ب(* *ذرى صدق* I)
 лгать, говорить неправду; оболгать (кого *ب(* *ذرى صدق* I) ; опровергать; ложным
 считать, находить II *ب(* *ذرى صدق* I) и I *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I) *ب(* *ذرى صدق* I)

Внутри данного семантического поля на основе дифференциального признака можно выделить следующие группы слов: 1) лексические единицы *الكالم* – слова; предложение, фраза; речь, разговор, язык; *القول* – слово, речь, высказывание; *النطق* – говорить, излагать (что *ب*; (произносить; артикулировать; *اللسان* – язык, слово, способность передать истину; *البكم* – быть немым, бессловесным, заикаться; *الحديث* – разговор, беседа, высказывание; *القراءة* – чтение, речь объединены семей «речь».

2) Слова *الكذب* – лицемерие, ложь, клевета, неверие; *الفكّ* – ложь, клевета, *الافتراء* – клевета, ложь; *البهتان* – неправда, ложь; клевета злословие; *السحر* 1 (очарование; 2) чары, волшебство; 3) обман имеют общий признак «ложь». 3) Дифференциальным признаком «процесс писания» объединены лексические единицы *الكتابة* – писание, письмо; *الزبر* – чтение, письмо; *الكتاب* *سِفْرٌ* мн. *اُرْسَفٌ* □ книга; *السفارة* священное писание.

4) На основании дифференциального признака «сообщение, весть» мы выделили следующую группу слов *الخبر* – известие, весть; сообщение; тж. – (*لَغَبٌ*) *التحية* *الخبر* له *التحية* или *الخبر* *جديد* *الخبر* ل *الباغ*; слух, новость *جديد* *الخبر* ل *الباغ* 1) доводить, доставлять; *الخبر* *جديد* *الخبر* ل *الباغ* 2) доводить до сведения, сообщать, уведомлять; 3) доносить (о ком *لرّ* *البشرى*); *الخبر* *جديد* *الخبر* ل *الباغ* 1) (об) радовать приятной новостью; 2) возвещать, предвещать (что *الخبر* *جديد* *الخبر* ل *الباغ* 3) предвещать доброе; *الخبر* *جديد* *الخبر* ل *الباغ* проповедовать.

5) Лексические единицы *الحق* – правда, истинна, справедливость; достоверно *ال* *على* *وجه* *ال*; уверенность, достоверность *يَقْنُ* 1, *يَقْنُ* *اليقين* (имеют общий признак «достоверность»).

Если взять за точку отсчета частоту употребления лексических единиц, то к ядру данного семантического поля можно отнести слова *القول* – слово, речь, высказывание (1722), *الكفر* – покрывало, неверие (503), *الحق* – справедливость, правильность (267), *الكذب* – ложь, неправда (251), *الصدق* 25 – правдивость, честность, искренность (127), *البشرى* – весть (приятная) (125), *الكتابة* – писание (319), *التقدير* – подразумевание, судьба (146).

Центр представлен лексическими единицами: البالغ – уведомление (70), الكالم – слово, предложение, фраза (75), الافتراء – клевета (60), الخبر – известие, весть, сообщение (52), النكرة – отрицание, непризнание (36), الحديث – разговор, беседа (36), الدراية – знание, осведомленность (30), الفجأ – ложь, клевета (30).

Ближнюю периферию составили единицы: النطق – речь, артикуляция (12), القراءة – чтение, рецитация Корана (17), اللسان – язык, двуличный (24), اليقين – достоверное знание (28).

Слова с низкой частотностью الحصاء – исчисление (11), الدراجا – постижение, восприятие (10), البهتان – неправда, ложь, злословие (6), البشارة – весть (радостная) (3), образуют дальнюю периферию семантического поля المعرفة.

Рассмотрим значение и происхождение лексической единицы كفر, которая активно используется авторами РТ в адрес определённой конфессиональной группы и имеет отрицательную коннотацию.

Слово الكفر, словарное значение которого *безбожие, неверие, кощунство*, и его производные употребляются в Коране в различных значениях (наиболее частотным является глагольная форма).

Первоначальным значением трехбуквенного корня كفر было «*скрывать*», «*покрывать*». В этимологическое гнездо, образованное от данного трехбуквенного корня, входят следующие слова: 1) مكفر – *тот, кто одет в доспехи* – страдательное причастие, образованное с помощью приставки –م (м)–; 2) كُفِرَ – *неверие*, нефинитная форма глагола (масдар), является антонимом *иман – вера*; 3) كفير – *темная ночь* (в лексикографических источниках переводимое как *неверующий*) – действительное причастие.

В настоящем диссертационном исследовании был использован перевод Корана с арабского языка М.-Н. О. Османова [1999].

В сурах Корана производные от корня كفر имеют также другие оттенки значения.

Приведем примеры из суры ал-Бакара [2:6]:

إِنَّ الَّذِينَ كَفَرُوا سَوَاءٌ عَلَيْهِمْ أُنذِرْتَهُمْ أَمْ لَمْ تُنذِرْهُمْ لَا يُؤْمِنُونَ

Воистину, те, кто не уверовал [и впредь], ведь все равно им, увещевал ты их или не увещевал. В данном контексте كَفَرُوا имеет значение неуважение – они не уверовали.

В следующей суре 2:89: كَفَرُوا بِهِ имеет значение отказ – они отвергли его:

وَلَمَّا جَاءَهُمْ كِتَابٌ مِّنْ عِنْدِ اللَّهِ مُصَدِّقٌ لِّمَا مَعَهُمْ وَكَانُوا مِن قَبْلُ يَسْتَفْتِحُونَ عَلَى الَّذِينَ كَفَرُوا فَلَمَّا جَاءَهُمْ مَّا عَرَفُوا كَفَرُوا بِهِ فَلَعْنَةُ اللَّهِ عَلَى الْكَافِرِينَ

Когда ниспослал Бог Писание, подтверждающее истинность тех [писаний], коими владели они, – так, когда явилось к ним то, о чем заранее было известно, отвергли они его.

Рассмотрим следующие примеры. В суре [14:22] лексическая единица كَفَرْتُ употребляется в значении *отрицать, отречься*:

وَقَالَ الشَّيْطَانُ لَمَّا قُضِيَ الْأَمْرُ إِنَّ اللَّهَ وَعَدَكُمْ وَعَدَ الْحَقُّ وَوَعَدْتُمْ فَأَخْلَفْتُمْ وَمَا كَانَ لِي عَلَيْكُمْ مِّنْ سُلْطَانٍ إِلَّا أَن دَعَوْتُكُمْ فَاسْتَجَبْتُمْ لِي فَلَا تَلُومُونِي وَلُومُوا أَنفُسَكُمْ مَا أَنَا بِمُصْرِخِكُمْ وَمَا أَنْتُمْ بِمُصْرِخِيَّ إِنِّي كَفَرْتُ بِمَا أَشْرَكْتُمُونِ مِن قَبْلُ إِنَّ الظَّالِمِينَ لَهُمْ عَذَابٌ أَلِيمٌ

И сказал Шайтан, когда дело уже свершилось: «Воистину, обещал вам господь доподлинно, и обещал вам я, но не сдержал я слова, [данного] вам, так как не было у меня власти над вами иной, кроме как звать вас [на путь правды]. А вы послушались меня, так порицайте теперь не меня, а самих себя. Не могу я прийти вам на помощь, а вы не в состоянии помочь мне. Не причастен я к тому, что прежде поклонялись вы мне [наряду с Богом]». Воистину, уготовано нечестивцам наказание мучительное.

В следующей суре глагольная форма كَفَرُوا употребляется в значении *отход (они отвернулись)* [14:13]:

وَقَالَ الَّذِينَ كَفَرُوا لِرُسُلِهِمْ لَنُخْرِجَنَّكُمْ مِّنْ أَرْضِنَا أَوْ لَتَعُوذُنَّ فِي مِلَّتِنَا فَأَوْحَى إِلَيْهِمْ رَبُّهُمْ لَنُهْلِكَنَّ الظَّالِمِينَ

Говорили те, кто отвернулись, посланникам: «Или изгоним мы вас из земли нашей, или же вернётесь вы в лоно веры нашей».

Все, приведенные в суре значения слова *كفر*, имеют общую интегральную сему «утаивать», «скрывать». В суре [2:88] находим подтверждение этому: وَقَالُوا: *«Сердца наши недоступны Вере».* Иными слова, сердца тех, кто не уверовал, закрыты для истины и знания.

Далее рассмотрим значения слов *الكذب* – ложь и *الحق* – правда. Данные лексические единицы также активно употребляются авторами религиозных текстов для обоснования собственных радикальных убеждений. В Священном Коране находим следующее.

Согласно мусульманскому вероучению, абсолютной Истинной осмысляется Бог: *ذَلِكَ بِأَنَّ اللَّهَ هُوَ الْحَقُّ وَأَنَّ مَا يَدْعُونَ مِنْ دُونِهِ هُوَ الْبَاطِلُ وَأَنَّ اللَّهَ هُوَ الْعَلِيُّ الْكَبِيرُ*

Это так, потому что Аллах – Истина, а то, чему поклоняются они помимо Него, – ложь, а также потому, что непревзойдённый он, превеликий [22:62]. В суре ал-Муъминун говорится:

فَتَعَالَى اللَّهُ الْمَلِكُ الْحَقُّ لَا إِلَهَ إِلَّا هُوَ رَبُّ الْعَرْشِ الْكَرِيمِ

Превыше всего Бог, Владыка истинный; нет бога кроме Него – Господа Трона преславного [23:116].

Такое признание Бога является значимым для обоснования ценностных приоритетов мусульманского мировоззрения, так как через эту констатацию доминирующим признается сакральный смысл понятия *الحق* – истина. В сурах Корана осмысление Аллаха как абсолютной Истины реализуется в соотношении с номинантами Бога лексической единицы *الحق* – истина, имеющей значения *справедливость, достоверность, правильность*:

فَتَوَكَّلْ عَلَى اللَّهِ إِنَّكَ عَلَى الْحَقِّ الْمُبِينِ

Уповай же на Бога, ибо придерживаешься ты Истины явной [27:79].

Следовательно, лексема *الحق* – истина встречается в контекстах, описывающих слова и действия, какими они должны быть. В суре Ас-Саджда находим [32:13]:

وَلَوْ شِئْنَا لَآتَيْنَا كُلَّ نَفْسٍ هُدَاهَا وَلَكِنْ حَقَّ الْقَوْلُ مِنِّي لَأَمْلَأَنَّ جَهَنَّمَ مِنَ الْجِنَّةِ وَالنَّاسِ أَجْمَعِينَ

Если бы было угодно Нам, наставили бы мы на путь прямой человека каждого, однако Истиной стало слово Моё. В суре Ал-Анфал данная лексема реализует следующие значения: 1) выполнение Закона Божьего и 2) выявление свидетельств и знаков [8:8]:

لِيُحَقِّقَ الْحَقَّ وَيُبَيِّنَ الْبَاطِلَ وَلَوْ كَرِهَ الْمُجْرِمُونَ

Чтобы утвердить Истину и искоренить ложь, хотя и не по душе грешникам.

Данная лексическая единица в анализируемых сурах используется также для образного наименования Корана и ислама[28:48]:

فَلَمَّا جَاءَهُمُ الْحَقُّ مِنْ عِنْدِنَا قَالُوا لَوْلَا أُوتِيَ مِثْلَ مَا أُوتِيَ مُوسَىٰ ۚ أَوَلَمْ يَكْفُرُوا بِمَا أُوتِيَ مُوسَىٰ مِنْ قَبْلُ قَالُوا سِحْرَانِ تَظَاهَرَا وَقَالُوا إِنَّا بِكُلِّ كَافِرُونَ

Когда же явился к ним [Пророк со словом] Истины от Нас, заявили они: «Почему не даровано ему то же, что и Мусе»;

وَقُلْ جَاءَ الْحَقُّ وَزَهَقَ الْبَاطِلُ ۚ إِنَّ الْبَاطِلَ كَانَ زَهُوقًا

И говори: «Явилась Истина, и сгинула неправда. Воистину, [обречена] неправда на погибель» [17:81].

Общая идея трехбуквенного корня *كذب* связана с ложью, находить, считать ложным. В сурах Корана данная лексема реализует следующие значения:

1. *Лицемерие* [2:10]: يَكْذِبُونَ *وفي قلوبهم مرضٌ فزادهم الله مرضًا ۗ ولهم عذابٌ أليمٌ بما كانوا يكذبون*
В сердцах их – болезнь. Да усугубит Господь болезнь их! Уготовано им [лицемерам] наказание мучительное за то, что лгали они.
2. *Отрицание* [53:11]: مَا كَذَبَ الْفُؤَادُ مَا رَأَىٰ
Подтвердило сердце его [Мухаммада] то, что видел он [воочию].
3. *Ложь* [24:7]: وَالْخَامِسَةُ أَنَّ لَعْنَتَ اللَّهِ عَلَيْهِ إِنْ كَانَ مِنَ الْكَاذِبِينَ – *а также пятая клятва в том, что да проклянет его Аллах, если лжет он. Здесь корень *كذب* употребляется в значении «ложные обвинения против супруги /супруга другого человека».*
4. *Опровержение* [56:2]: لَيْسَ لَوْفَعَتِهَا كَاذِبَةٌ – *не сможет никто отрицать его. В данной суре существительное كَاذِبَةٌ используется как «свидетельство, опровергающее реальность воскрешения».*
5. *Неверие* [50:5]: بَلْ كَذَّبُوا بِالْحَقِّ لَمَّا جَاءَهُمْ فَهُمْ فِي أَمْرٍ مَرِيحٍ
Нет, не признали они Истину, когда она была им явлена, и в растерянности пребывают они.

6. *Фальсификация* [39:60]: وَيَوْمَ الْقِيَامَةِ تَرَى الَّذِينَ كَذَبُوا عَلَى اللَّهِ وُجُوهُهُم مُّسْوَدَّةٌ ۗ أَلَيْسَ فِي جَهَنَّمَ مَثْوًى لِّلْمُتَكَبِّرِينَ

Увидишь ты в день Воскресения тех, кто возводил хулу на Аллаха, с лицами [от горя] помрачневшими

Лексическая единица كذب в данных контекстах реализует значение «устное сообщение / поведение, не соответствующее действительности». В Священном Коране лицемерие как тип лжи или كذب, поскольку лицемерные слова и действия не отображают действительность в пределах его и её сознания [Балил Абд ал-Карим 2022: 33]. Иными словами, лицемерить – скрывать неверие под видом веры и таким образом обманывать других. В суре ал-Бакара говорится [2: 8-10]:

وَمِنَ النَّاسِ مَن يَقُولُ آمَنَّا بِاللَّهِ وَالْيَوْمِ الْآخِرِ وَمَا هُم بِمُؤْمِنِينَ

И среди людей [есть такие], кто говорит: «Уверовали мы в Аллаха и в день Последний», в то время как не [являются] они верующими.

يُخَادِعُونَ اللَّهَ وَالَّذِينَ آمَنُوا وَمَا يَخْدَعُونَ إِلَّا أَنفُسَهُمْ وَمَا يَشْعُرُونَ

[Хотят они] обмануть Аллаха и тех, которые уверовали, тогда как обманывают они лишь самих себя и не понимают [этого].

فِي قُلُوبِهِم مَّرَضٌ فَزَادَهُمُ اللَّهُ مَرَضًا وَلَهُمْ عَذَابٌ أَلِيمٌ بِمَا كَانُوا يَكْذِبُونَ

В сердцах их — болезнь [лицемерия], и увеличил им Аллах болезнь. И для них [уготовано] наказание мучительное за то, что лгали они.

Следует заметить, что слово كذب – ложь в Коране персонифицируется также в образе шайтана (сатаны) [7:21]:

وَقَاسَمَهُمَا إِنِّي لَكُمَا لَمِنَ النَّاصِحِينَ

И поклялся он [Шайтан]: «Воистину, для вас я – советчик добрый».

[7:27]: يَا بَنِي آدَمَ لَا يَفْتِنَنَّكُمُ الشَّيْطَانُ كَمَا أَخْرَجَ أَبَوَيْكُم مِّنَ الْجَنَّةِ يَنزِعُ عَنْهُمَا لِيَاسَهُمَا لِيُرِيَهُمَا سَوَاتِهِمَا إِنَّهُ يَرَاكُمْ هُوَ وَقَبِيلُهُ مِنْ حَيْثُ لَا تَرَوْنَهُمْ إِنَّا جَعَلْنَا الشَّيَاطِينَ أَوْلِيَاءَ لِلَّذِينَ لَا يُؤْمِنُونَ

О, сыны Адама! Да не совратит вас Шайтан, подобно тому как совратил он и изгнал из рая родителей ваших...

Такая интерпретация сатаны связана с тем, что он, предав забвению Божий Закон, избрал путь лжи и обмана.

وَلَا تَأْكُلُوا مِمَّا لَمْ يُذَكَّرْ اسْمُ اللَّهِ عَلَيْهِ وَإِنَّهُ لَفِسْقٌ وَإِنَّ الشَّيَاطِينَ لِيُوحُونَ إِلَىٰ أَوْلِيَائِهِمْ لِيُجَادِلُوكُمْ [6:121]:
...Воистину, внушают шайтаны последователям своим, чтобы пытались они убедить вас в споре...

Следовательно, семантическая оппозиция *الحق* – *истина* и *الكدب* – *ложь* раскрывает механизм формирования противопоставления Господа и сатаны в соответствии «ценность – антиценность», и посредством данной оппозиции устанавливается, что такая бинарность является основным компонентом мусульманской аксиологии.

Истина в высшем смысле, в котором она тождественна Богу, – это не пассивная констатация; она творит и преображает мир. Истина не столько «устанавливается», сколько воплощается в жизни. Осуществить ее – значит не просто совершить интеллектуальный акт, направленный на то, чтобы поименовать факты, приведя слова в соответствие с реальностью, но и сделать противоположенное: привести саму реальность в согласие со словами, воплотить в жизни учение ислама.

Таким образом, можно констатировать что семантика Священного Корана является сложной и многомерной, следовательно, изучение религиозного языка должно проводиться комплексно, в частности с учетом роли и места того или иного текста в религиозной культуре и в истории религии. Согласно позиции Н. Б. Мечковской, можно утверждать, что любой конфессиональный текст является прецедентным.

Прагматический аспект исследования сур Корана

Анализируемые суры Корана представляют собой регламент поведения мусульман как по отношению к религиозным предписаниям, так и по отношению к бытовым традициям.

К грехам в сурах причисляются такие действия, как *убийство, кража, фальсификация* и *ложь*.

Сура ал-Маъида – одна из многих в Коране, осуждающих убийство человека человеком [5:28]:

لَئِن بَسَطْتَ إِلَيَّ يَدَكَ لِتَقْتُلَنِي مَا أَنَا بِبَاسٍ بِيَدَيْكَ لِأَقْتُلَنَّكَ إِنْ أَحَافُ اللَّهُ رَبَّ الْعَالَمِينَ

Если поднимешь ты руку, чтобы убить меня, [все равно] не подниму я руки в защиту свою, чтобы убить тебя. Ибо боюсь я Бога, Господа миров. Заметим, что Коран резко осуждает человекоубийцу, которому согласно аяту [4:93] уготован вечный ад:

وَمَنْ يَقْتُلْ مُؤْمِنًا مُتَعَمِّدًا فَجَزَاؤُهُ جَهَنَّمُ خَالِدًا فِيهَا وَغَضِبَ اللَّهُ عَلَيْهِ وَلَعْنَهُ وَأَعَدَّ لَهُ عَذَابًا عَظِيمًا

А если кто по умыслу убьет верующего, то возмездие ему – ад, где пребудет он вечно.

Запрету воровства посвящена сура ал-Бакар [2:188]:

وَلَا تَأْكُلُوا أَمْوَالَكُم بَيْنَكُم بِالْبَاطِلِ وَتُدْلُوا بِهَا إِلَى الْحُكَّامِ لِتَأْكُلُوا فَرِيقًا مِّنْ أَمْوَالِ النَّاسِ بِالْإِثْمِ وَأَنْتُمْ تَعْلَمُونَ

Не присваивайте незаконно имущества друг друга и не подкупайте этим [имуществом] судей, дабы намеренно присвоить путем грешным часть собственности других людей. В суре ал-Маида предусмотрено наказание за воровство [5:38]:

وَالسَّارِقُ وَالسَّارِقَةُ فَاقْطَعُوا أَيْدِيَهُمَا جِزَاءً بِمَا كَسَبَا نَكَالًا مِّنَ اللَّهِ وَاللَّهُ عَزِيزٌ حَكِيمٌ

Отсекайте вору и воровке руки в возмездие за то, что содеяли они, как наказание от Аллаха, ведь всемогущий Он, наимудрейший.

В Коране запрещены фальсификация и ложь [3:71]:

يَا أَهْلَ الْكِتَابِ لِمَ تَلْبِسُونَ الْحَقَّ بِالْبَاطِلِ وَتَكْتُمُونَ الْحَقَّ وَأَنْتُمْ تَعْلَمُونَ

О люди Писания! Почему путаете вы истину с ложью и скрываете истину? Ведь доподлинно знаете вы правду; [2:79]:

فَوَيْلٌ لِلَّذِينَ يَكْتُمُونَ الْكِتَابَ بِأَيْدِيهِمْ ثُمَّ يَقُولُونَ هَذَا مِنْ عِنْدِ اللَّهِ لَيْسْتَ تَرَوُا بِهِ ثَمَنًا قَلِيلًا فَوَيْلٌ لَهُمْ مِّمَّا كَتَبَتْ أَيْدِيهِمْ وَوَيْلٌ لَهُمْ مِّمَّا يَكْسِبُونَ

Горе тем, кто переписывает Писание, [искажая его] руками собственными, а потом утверждает: «От Бога это», – дабы получить за [подделку] плату ничтожную. Преднамеренное искажение Священного Писания является моральным грехом [3:78]:

وَإِنْ مِنْهُمْ لَفَرِيقًا يَلُونِ أَلْسِنَتَهُم بِالْكِتَابِ لِتَحْسَبُوهُ مِنَ الْكِتَابِ وَمَا هُوَ مِنَ الْكِتَابِ وَيَقُولُونَ هُوَ مِنْ عِنْدِ اللَّهِ وَمَا هُوَ مِنْ عِنْدِ اللَّهِ وَلِيَقُولُونَ هُوَ مِنْ عِنْدِ اللَّهِ وَهُمْ يَعْلَمُونَ

Ведь присутствуют среди них и такие, кто искажает речью своей Писание и выдает [искаженное] за Писание истинное. И вовсе не Писание оно!

Говорят они: «От Бога это». А ведь не от Бога оно! И возводят они заведомо напраслину на Всевышнего.

При семантическом и прагмалингвистическом анализе религиозных текстов необходимо учитывать не только особенности их содержания и формы, но также общественную значимость и специфику функционирования в конкретной культуре.

2.2. Фразеологический уровень

Одна из основных научных проблем в рамках анализа конфликтного текста – функционирование фразеологизмов. Адекватный перевод фразеологических единиц и правильное их толкование очень важны при анализе текстов, содержащих «язык вражды», так как именно фразеологические единицы часто становятся «пусковой пружиной» конфликта в самых различных речевых высказываниях.

Сложность обусловлена, во-первых, тем, что фразеологизмы – культурно-маркированные единицы, чтобы правильно их анализировать, недостаточно знать основные положения фразеологической теории, необходимо учитывать национально-культурные расхождения между сходными фразеологическими единицами исходного и переводящего языков. Во-вторых, внутренняя форма фразеологизмов часто понимается как актуальное значение. Наконец, существуют фразеологические единицы, незафиксированные словарями, а известные только отдельным группам.

Семантическая структура фразеологизма – особый тип семантической структуры, возникшей в результате акта семантической трансформации целостного образного переосмысления свободных словесных комплексов в единицу нового качества – фразеологизм [Жуков 1986; Назарян 1987; Федоров 1973].

При изучении фразеологических единиц необходимо сопоставить актуальную семантику фразеологической единицы (семантический результат) с семантикой соответствующих свободных словесных комплексов

(трансформированный смысл). Это позволит выявить структуру фразеологического образа, или внутренней формы фразеологизма [Солодуб 1986].

В лингвистической литературе понятие «внутренняя форма» употребляется в работах, посвященных словообразованию и семантике, в частности этимологии. В русистике оно введено в употребление А. А. Потебней: «В ряду слов того же корня, последовательно вытекающих одно из другого, всякое предшествующее может быть названо внутренней формой последующего» [Потебня 1989: 123].

Согласно этому определению внутренняя форма – остаточный элемент семантики производящей основы в производном слове, передающий представление о признаке, по которому назван предмет, и таким образом мотивирующий это название. Понятие внутренней формы можно толковать и шире. Внутренней формой можно назвать объяснимость семантики производных слов значениями производящих морфем [Федоров 1973: 76].

Во фразеологических оборотах внутренняя форма актуальна главным образом в период их образования, поэтому у многих фразеологизмов она утрачена [Федоров 1973: 79].

В настоящее время понятие «внутренняя форма» претерпело изменение. Ученые акцентируют внимание на изучении ассоциативно-образного комплекса, придающего особенность всей семантике фразеологической единицы.

В рамках настоящего исследования внутренняя форма фразеологизма рассматривается как образ, сформированный на основе исходного сочетания и мотивирующий реальное значение фразеологической единицы.

При анализе спорных фразеологических конструкций необходимо учитывать связь между исходным образным субстратом и современным сигнификативным значением фразеологической единицы.

Рассмотрим фразеологические единицы, выявленные в РТ, образная составляющая которых интерпретируется по-разному.

Мо у вақт узур хоҳи намекунем ба ҳар як сағу, ба ҳар як кучук бача ва хуни палиди ува мо кушиш мекунем дар дустову баданои мо нараса – мы никого не пощадим – ни одну собаку или щенка; постараемся, чтобы кровь этих тварей не

коснулась нас (имеется ввиду, что все будут вырезаны (включая маленьких детей) [Там же].

Бошад, ки дар баробари бозчуиҳо(полисҳо)ва маворини шиканча, пойдори пеша кунанд ва зифилгир нашаванд ва худро набозанд – Быть стойким на допросах полиции и во время пыток, не впадать в отчаяние; быть осторожными и не рисковать собою.

При анализе материалов, содержащих «язык вражды», необходимо учитывать и тот факт, что внутренняя форма фразеологических единиц может быть иносказательной. В связи с этим у адресанта и адресата возникает конкретный образ. Данный образ, будучи связанным с прагматикой речи, создает условия для общения. Данная особенность была выявлена при анализе следующих групп фразеологических единиц в рамках РТ.

Анализ фактического материала позволил выявить фразеологические единицы, передающие эмоциональные отношения к событиям и явлениям:

ки бидуни эътироф ва таслим шудан ба хотираи ширин табдил шавад – у вазъи руҳи туро намедонад ва саъй мекунад аз рафторҳои ту онро бифаҳмад – он не знает состояние твоей души и старается понять его по твоим поступкам; ту дар нуқтаи муқобили у қарар дори – ты – на другой стороне; Ки дар ҳама ҳол аз ту огоҳ аст ва фақат аз у интизори музд ва подош дори..бинобарин қавӣ ва муҳкам бош [Там же]. – Он (Бог) знает о тебе все, и ты ждешь от него только награды и вознаграждения ... будь же непоколебим и тверд; Ҳеч вақт дар хилоли бозчу ҳарфи уро қатъ макун ин кор фоидае надорад – никогда не отвергай Его слово; Ки аз тарафи ту ба ҷиҳод ва даъват осебе нарасад..; аз тарафи онҳо аз ту қалбан муковимати ту эҳтиром мегузоранд ҳарчанд дар зоҳир ахлоқи бад нишон диҳанд – ни джихад, ни призыв не причинят тебе вреда; они уважают твое отношение к ним (джихаду и призыву совершить его); Агар муфатиши дар нуқтае шикаст бихурад ҳарбор талоши худро аз сар мегирад ту ҳам ҳар бор уро шикаст бидеҳ.. – Если испытуемый терпит поражение иногда, то всякий раз он вновь и вновь поднимается и ты каждый раз побеждай его; саркаш бош ва

шикастаи бидеҳ ва пайваста бар у мусалат бош – так восстань же против него, сокруши его, будь непобедимым.

Особую группу составляют в РТ позитивно-оценочные фразеологизмы в адрес «своих»:

ки таъми талхи шиканча, бозҷуи ва зиндонро чашида буданд – они (моджахеды) истили чащу страданий до дна – барои болло бурдани огоҳи муҷоҳидон – чтобы предупредить моджахедов (осведомить их); дастгир кардани наздикон ва ҳамсарат набояд туру битарсонад – арест ваших близких не должно вас пугать; ҳама чиз ба кунди мегузарад саъй кун руҳияе, ки туру ба ҷиҳод ва талош во доштааст дар худ ҳифз куни – все проходит, ты должен беречь в себе тот дух, который необходим при совершении джихада; Дар утоқи худ, бояд ба зикри Аллоҳ ва китобаи унс бигири – то ҳар муҷоҳиде бо ҳар сатҳ маълумот ва саводе аз он баҳра бигирад – Ты должен поминать Аллаха и его книгу, каждый моджахед независимо от уровня своего образования должен извлечь пользу от Его книги; Муҷоҳиддон бояд огоҳ бошанд, ки тавогит бо истифода аз таҳасус ва таҷриба, ки дар шиканча кардани зиндонӣ доранд, аз равишҳои дигаре низ истифода мекунанд – моджахеды должны осознавать знания и опыт, которые они получают во время пыток, пригодятся им; Худатро ба ҳифз ва тиловати Қуръон ва ибодат саргарм кун; ва шеваи сангини сукути мавзуъиро бишикани.. [Там же]. – Погрузись в чтение Корана и преодолей «каменный путь» молчания.

В ходе анализа была выделена группа фразеологизмов, передающих презрительное отношение к «чужим»:

Натарс аз теъдодашон, инҳо махлуқоти паст ва касиф ҳастанд ҳамчун магас..оё аз як магас метарси? – Не бойся, что их много, ведь они – существа ничтожные, как насекомые (мухи), разве боишься ты мухи?; Ки аз худ утуфат нишон медиҳанд фиреби онҳоро махур ва бо онҳо ҳамкори макун..ҳамаи онҳо ҷинойт коранд ва ҳадафашон якест..яъне гирифтани эътироф аз ту..ва то дин, даъват ва ҷиҳодатро нафуруши аз ту рози нахоҳанд шуд.. – не верь им, не сотрудничай с ними, все они – грешники, их цель – получить от тебя признание, и не будут они довольны тобой, пока не «продашь» свою веру; Муфатиши саъй

мекунад итиҳомоти туро кучик чулу диҳад ва ҳатто ваъдаи таҳфифи муҷозот дар сурати ҳамкориро ба ту медиҳад [Там же]. – Он постарается убедить вас сотрудничать с ним и поддержку; У талош мекунад туро ба фикри наҷоти худ биандозад ва вонамуд мекунад – он внушает тебе мысль о спасении; У кушиш мекунад то туро нисбат ба бародарон ва устодонат бадбин кунад – Он попытается настроить тебя против твоих близких и учителей; Аз фаҳш носазои ва ҳазорон калима касифе, ки дар фарҳанги палиди худ доранд истифода мекунанд..масалан дашномҳои қабех; Муфатишҳо ба ҳеҷ дине эҳтиром намегузоранд..аммо бархе аз онҳо барои эҷоди шакл ва тартиб дар дили боздошт шудагон мутолиоте дар умури дини доранд – они используют непристойные слова, имеющиеся в их скверной культуре, разные нецензурные выражения, однако среди них есть и такие, кто читает писание, чтобы вызвать сомнение в сердцах задержанных; Иҷоза намедиҳанд бо садои баланд ҳарф бизани ва Қурон ва намоз бихони..то оромиши зиндон маҳфуз бимонад; ҳамла мекунанд, ё дар хиёбон дастгират мекунанд, ё ба руи замин бикашанд..ва бо қундоқи туфанг бизананд..ё чашишҳо ё дастҳоятро бибанданд ва бо боздоштгоҳ модом тавҳин ва носазо бигуянд.. – Они не позволяют тебе говорить громко, читать Коран и совершать намаз... они нападают на тебя, хватают в переулках, завязывают глаза и руки, используют против тебя оружие, сквернословят при задержании; Туро ба бахше марбут таҳвил медиҳанд, чашишҳо ва дастҳоятро мавақатан боз мекунанд ва асари ҳама ангуштонро бар медоранд – они подвергнут тебя испытаниям; Қабл аз шуруъ, бозҷуи борҳо туро мезананд..гоҳе мегузоранд садои ваҳшат ва фарёди дигар боздошт шудагонро бишунави; бозҷуи намекунанд магар онки ачала дошта бошанд..аз назари онҳо замон арзиш надорад – они будут бить тебя по рукам и ногам... иногда заставляют, чтобы ты слышал вопли и стоны других заключенных, пока не получишь твое признание. Для них нет ничего ценного.

Весьма многочисленны и функционально нагружены фразеологизмы с соматическими компонентами, обладающие фразеобразовательной валентностью.

Фразеологические единицы с соматическим компонентом используются в РТ главным образом как символ «власти» и «поддержки своих»:

Бо дастони мо муҷоҳиддин решақан кунад ва барои ҳамешагӣ хилофати Исломиро пойдор нигоҳ дорад амийн, амийн, амийн – Пусть нашими руками моджахеды уничтожат все и сохраняют Исламский халифат – амин, амин; Таҷрибаҳои зиёде ба даст овардааст – приобрел опыт; Хонадон ва дустонат бо пойдори ту маҳкамтар мешаванд ва барои озоди ту даст бар ҳар коре мезананд.. – благодаря тебе твои родственники и друзья крепко будут стоять на ногах и сделают все, чтобы освободить вас; Суқут дар бозҷуи ба маънои аз даст додани ваҷҳи ҷиҳоди ва пайвастан ба сафи душманонат аст..илова бар ин баҳояширо ҳам бояд ба маҳкумият бипардозӣ..чун агар ту муздури давлат набоиши аммо амалан монанди як ҷосус амал карда ва муҷиби дасгири бародаронатро фароҳам карди – Поражение – это значит «потерять джихад» и вступить в ряды своих врагов; ...если бы ты «не обладал властью», то поступил бы как лазутчик и спас бы своих братьев.

Следовательно, при анализе фразеологических единиц в структуре религиозного текста следует уделять особое внимание внутренней форме фразеологических единиц. Именно образная составляющая обуславливает характер семантики идиом и функционально-стилистические особенности, а также специфику формально-структурной изменчивости.

2.3. Лексико-грамматический уровень

В данном разделе нами были рассмотрены экспрессивные и стилистические особенности частей речи и отдельных форм в мусульманских религиозных текстах. Анализ фактического материала показал, что глагол является ядерным компонентом РТ. В силу своих абсолютных и потенциальных свойств он функционирует в качестве яркого средства речевого воздействия.

Л. А. Киселева рассматривает в сфере языковой информации ряд подсистем, в которых четко выявляются две основные группы. Первую группу этих

подсистем она называет собственно информативной. «Такие подсистемы имеют информативную заданность в языке, предназначенность для констатации и информирования, осведомления о чем-либо адресата без расчета на его ответную поведенческую реакцию (организацию его поведения)» [Киселева 1978: 17].

Вторую группу составляют собственно прагматические подсистемы языковой информации. «Данные подсистемы характеризуются прагматической заданностью (воздействующей и регулятивной) нередко наряду с информативной: они предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата. Прагматические подсистемы апеллируют непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту» [Там же: 14].

Здесь нужно подчеркнуть, что речевые средства в прагматической функции способны «регулировать поведение адресата». Об этой стороне речевой деятельности очень хорошо сказал Л. Н. Толстой: «Слово – дело великое. Великое, потому что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти» [Толстой 1986: 44].

Л.А. Киселева рассматривает эмоциональную языковую информацию как прагматическую подсистему. Эмоциональная языковая информация, согласно Л.А. Киселевой, – это информация, которая связана с использованием различных языковых средств, репрезентирующих эмоциональную психику, например, такие сферы психики, как чувство, аффекты и др. [Киселева 1978: 20].

Экспрессивная информация, включающая эмоциональность, оценочность, также входит в прагматическую подсистему языка.

Нами были выявлены следующие лексико-семантические группы глагольной лексики.

I. Деструктивные глаголы: *куштан – убивать; нобуд кардан – уничтожать; мисли гўсфанд забҳ карданд – убивать словно овец; дарду ранч овардан – причинить боль; шикастанд – ломать.*

В данной лексико-семантической группе наиболее широко представлен глагол *қитъол карданд – убивать массово.*

*Дар вақти иқомаи ҳудуд бар ӯ шафқату дилраҳм монанд нашавад ва дар ҳангоми қатъ кардани аъзо ва задани гардан ё ба салиб(дор) кашида шудани муфсид фил арз хунсардиш лозимро дошта бошад ва натарсад. – досл. [Он не должен быть милосердным и испытывать сострадание к неверным, он должен быть хладнокровным и не бояться, когда **отрубают конечности и голову «продажным»** или когда его (врага) волокут на кресте].*

Бо куффор ва муртаддин ҳамагяшон қитол бо онҳо бо иҷмои мусалмонон воҷиб аст, то ин ки ба шореъи Ислому мулазим шаванд ва то ин ки фитнае боқӣ намонад. – досл. [Все неверные и отступники достойны одного – массового уничтожения, чтобы они подчинялись законам Ислама, и чтобы не было мятежа].

Ибни Қадома мефармояд: “шабехун задан ба душман чоиз мебошад” ва эмом Аҳмад мефармояд: “ҳамла ба манозил ва шабехун задан ҳеч мушкиле дар он нест ва оё магар дар ҳамла ба Рум, гайр аз ҳамла ба манозили онон буд?!” [Там же]. – [Ибн Кадам говорит: «Дозволено нападать на врага», а имам Ахмад говорит: «Нет проблемы в нападении на жилище врагов (сравнивает нападение Исламского Халифата с нападением на Рим)].

*Анализ аудиозаписей на русском языке позволил выделить следующие глаголы деструкции: **герои джихада, продолжайте косить** войска неверных; **зажгите** землю под каждым тогутом; **расправься** с Америкой и ее союзниками; **уничтожь** их лучшим уничтожением; **разбей** и **разорви** их в клочья, чтобы мы на них напали, а не они на нас; **порвите** их в клочья; **хватайте** их толпами и в одиночке и **сделайте** несносной их жизнь; **отрубайте** им головы, не давайте им покоя, **превратите** их жизнь в ужас и **взрывайте** их дома; **убивайте** многобожников, где бы вы их не обнаружили, **берите** их в плен, **осаждайте**, **устраивайте** для них любую засаду; а также он сказал: «Когда встречаетесь с неверными на поле боя, **рубите** головы. Если нет оружия, **разбей** ему голову **камнем** или **зарезь** его, **задави** его своей машиной, **сбрось** с высоты, **задуши** или **отрави** его» [Там же].*

Глаголы, обладающие функционально-стилевым значением, широко используются в РТ. Представленные выше глаголы являются стилистически маркированными.

По сравнению со стилистически нейтральными глаголами глаголы стилистически маркированные обладают большим объемом информации в связи с их более сложной семантической структурой, включающей помимо денотативных также коннотативные компоненты. Именно эти компоненты и реализуют прагматическую функцию отмеченных глаголов. «Особенностью структуры лексического значения языковых единиц, которым свойственна прагматическая функция, является то обстоятельство, что такие единицы не только понимаются, но и переживаются, выполняют не только коммуникативную функцию, но и оценочную. Благодаря этому адресант может воздействовать словом на адресата, выбирая соответствующие языковые знаки, а последний – испытывать эмоциональное воздействие при восприятии и оценке того или иного факта действительности» [Новиков 1982: 103].

II. Модальные глаголы: *шуда метавонад, шуда наметавод – становиться; гуфтанием – (желать) сказать; дилрахм монанд нашавад – не следует становиться:*

Ва ҳеҷ чизе монёби роҳамон шуда наметавонад. Иншааллоҳ – Ничто не может стать препятствием на нашем пути; Мо ба ин мусалмонон(ба ном) гуфтанием – досл. Мы хотим сказать этим мусульманам (так называемым); Дар вақти иқомаи ҳудуд бар ӯ шафқату дилрахм монанд нашавад ва дар ҳангоми қатъ кардани аъзо ва задани гардан ё ба салиб (дор) кашида шудани муфсид фил арз хунсардии лозимро дошта бошад ва натарсад. – Во время выполнения задания к нему (врагу) не следует проявлять милосердие и сострадание, а он (слон – «свой») должен обладать «необходимым» хладнокровием и не бояться, когда отрежут конечности или шею (голову) продажному или когда повесят его («врага»).

В данной лексико-семантической группе наиболее частотным является глагол *хостан – хотеть*. В РТ он употребляется в значении «*талаб кардан, майл*

доштан, хоҳиш кардан, орзу доштан – требовать, желать, намереваться, мечтать». Например: «*Мо мехоҳем Хилофотро барпо кунем*

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *Мы хотим возродить Халифат*». В связи с этим использование глагола **хостан** достаточно эффективно.

В морфологическом плане глагол – единственная часть речи, представляющая действие как процесс в грамматических формах времени, лица, наклонения. Грамматические категории, будучи тесно связанными с логическими категориями, играют важную роль в усилении действенной речи.

Прагматический потенциал глагола в РТ определяется и спецификой его основных грамматических категорий. Максимально высоким потенциалом воздействия на реципиента характеризуются формы настоящего времени 1-го и 3-го лица изъявительного наклонения. Форма настоящего времени 1-го лица множественного числа приобретает особую экспрессивность, когда используется в значении будущего времени: *Имон меоварем ки дар ин уммат гурӯҳе ҳастанд, ки то **рӯзи қиёмат** бар ҳақ буда ва муҳолифат ва душмании душманон ва муҳолифон ҳеҷ зараре ба онҳо намерасонад(наметавонад монев гардад) ки фармон ва амри Илоҳӣ чорӣ шавад*

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *досл.* [Мы убеждены в том, что есть в этой умме люди, которые будут верны истине до судного дня, их не коснется действие врагов (они не причинят им вред) и исполнится Божья воля]. *Имон меоварем ба **рӯзи қиёмат**, ва он рӯзе аст ки баъд аз он рӯзи дигаре нест. Вақте мардум зинда шуда ва аз қабрҳои худ бармехезанд, то зиндагии абади рои шуруъ кунанд ва роҳи эшон ба **биҳишт** ва ё **дӯзах** хоҳад буд.* – [Мы верим в судный день, и после этого дня нет другого дня. Когда люди живыми поднимутся из могил, чтобы начать вечную жизнь; им уготована дорога либо в рай, либо в ад].

Достаточно употребительны в РТ формы **повелительного наклонения**. Выражая значение волеизъявления, повелительное наклонение употребляется главным образом в форме единственного числа: *Қабл аз ин ки ҷавоби онҳоро*

бидихед, шурути Хилофатро бо ҳам мурур мекунем иншооллоҳ: 1) Қурайши бош. 2) Мард бош. 3) Озод бош. 4) Болиғ бош. 5) Оқил бош. 6) Одил бош. 7) Олим бош. 8) Бадани солим дошта боши. 9) Огоҳ ба масоили ҷанг бошад ва устоди нақшаҳои ҷангӣ бошад ва аз ҳимоят кардан аз Ислому шуҷоъ ва дар гирифтани ҳаққи мазлум аз золим ва интиқом аз золим тавоно бошад

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – [Прежде чем ответить на эти вопросы, давайте вместе «пройдемся» по требованиям Халифата, даст Бог: 1) Будь Курайшитом. 2) Будь мужчиной. 3) Будь свободным. 4) Будь здравомыслящим. 5) Будь умным. 6) Будь справедливым. 7) Будь ученым. 8) Имей здоровое тело. 9) Знай все о войне, будь хорошим тактиком и стратегом, будь смелым в защите Ислама и будь сильным в том, чтобы «вернуть» права угнетенных у угнетателей и мстить угнетателю].

Таким образом, каждая морфологическая форма глагола выполняет в РТ определенную функциональную нагрузку.

Широко представлены в аудиозаписях оценочные существительные и прилагательные. Главная специфика любой оценки заключается в том, что в ней всегда есть субъективный фактор, который взаимодействует с объективным фактором [Вольф 2002: 22]. При этом оценочное высказывание, содержащее оба фактора, может быть разным, обусловленное объектом оценки, шкалой ценностей, которые свойственны тому или иному социуму. Оценочное высказывание также зависит от определенной коммуникативной ситуации. Согласно Е.М. Вольф, этим можно объяснить то, что субъект оценки не всегда соотносится с субъектом речи. «Оценка может быть высказана от одного определенного лица (индивидуальная оценка) или от “общего мнения”, то есть совокупности лиц, образующих некий социум с общими стереотипами» [Вольф 2002].

Существительные отрицательной коннотации: *Сониян баъд аз каме сукун ва оромиш шуруъ ба қитол бо муртаддину муширикони намуд. Баъд аз ваҳшати мусалсали куффор ва бомбориҳои бепоён ва ҳавои пур аз тайёраҳои ҷангӣ боз ҳам ба ҷангҳои худ идома меод алҳамдулиллоҳ. Аз як тараф саҳавоти муртад, аз*

дигар тараф мулҳидини ПКК, аз дигар тараф иморати мушрикин, аз дигар тараф ҳукуматҳои муртад ва аз боло бомбаборонҳои бақия куффору тавозит боз ҳам шӯлаи ҷанг хеле гарм буд алҳамдулиллоҳ

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *досл.*

[Вскоре после некоторого затишья он (Халифат) начал убивать отступников и многобожников. После постоянного «террора» со стороны неверных и бесконечных бомбардировок с воздуха, он продолжил бои: с одной стороны – муртады, с другой – еретики РПК, мушрики; со всех сторон – безбожники и тираны, война была в самом разгаре, слава Аллаху].

Лексические единицы *муртад* – *проклятый, изгнанный, мулхидин* – *еретик, мунафик (и)* – *فهم لا يفقهون و إن يقولو لقولهم كأنهم خشب مسندة يحسبون كل صيحة هم* – *العدو فاحذرهم قلمهم الله أنى يوفكون* [Коран. Сура 63. Аят 4 1999: 567] – «подпирающие бревна, в которых нет ни добра, ни разума, ни знания, и они – фигуры без полноты, неясные очертания без разума» – *лицемер, куффор* – *жестокый, бездушный*, имеющие отрицательную коннотацию, употребляются в адрес христиан и иудеев – «врагов».

Аудиозаписи на русском языке содержат следующие оценочные существительные. В адрес «своих»: *О, люди помощи и поддержки, О, воины Еменя, о люди мудрости имана.* «Враги»: *яхуды (евреи), крестоносцы, безбожники, рабы; Америка, Германия и их прихвостни боятся; яхуды в ужасе, они боятся за свою экономику; они разграбляют и высасывают богатства наших стран, они воюют с нами за эти богатства в пользу своих прислужников из числа предателей правителей мусульманских стран.*

Примеры оценочных прилагательных: *Агар бидуни таассуб нигоҳ кунем, тамоми ҳукуматҳои куфрии дунё Давлати Исломиро ҳадаф қарор додаанд.* – [Если смотреть без предубеждений, все **неверные правительства** мира «нацелились» (сделали мишенью) на Исламское государство]. *Ва мусалмононро аз бандаги бандагон ва зилат ва хорие, ки дар ҳоли ҳозир ононро дар бар гирифта, наҷот дода ва аз ҳар гуна ҷур ва зулми куффори саффоқ ва ҳайвон сиффат ва душмани Аллоҳ ва расулаш раҳои мебахшад*

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – [И он избавит мусульман от рабства «рабовладельцев» и унижений и оскорблений, которые окружают их в настоящее время, и освободит их от всех видов угнетения и жестокости кровожадных кафиров, животных, врагов Аллаха и Его Посланника].

В аудиозаписях на русском языке были выделены следующие оценочные прилагательные, характеризующие «своих» и «врагов».

В адрес «врагов»: *болезненные наказания, мучительные страдания, крестовый поход – более злобный, свирепый, неудачный, не оправдывающий надежд, мерзкие рафидиты, женоподобные пилоты, Америка и ее союзники напуганы, слабы и беспопощны.*

В адрес «своих»: *храбрые войны, крепкие, сильные, решительные; вы являетесь сильными и возвышенными.*

Преподнося собственную оценку как «общее мнение» или как непреложную истину, говорящий тем самым обеспечивает необходимое речевое воздействие на адресата. Дискредитация объекта агрессии производится в таких формах, при которых субъективная негативная оценка представляется как бесспорная и всеобщая, как истинная в «реальном мире».

Важную функцию в структуре религиозного текста экстремистской направленности выполняют местоимения. Наиболее частотным является личное местоимение 2-го лица множественного числа. Эффект «присутствия» адресата достигается использованием данной формы (*мы*-повествование). Например: *Ва барои кофирон мучозоти хоркунанда фароҳам сохтаем. – И Мы уготовили для неверных мучительное наказание.*

А. К. Михальская относит такое повествование (*мы*) к риторическим средствам достижения согласия, основанного на вере [Михальская 1996: 148]. Такой тип повествования позволяет автору, с одной стороны, отождествлять себя с аудиторией, с другой стороны, такое повествование – один из способов создать образ адресата в тексте, апеллируя к его общей с автором национальной, статусной и прочей социальной принадлежности.

В структуре РТ также присутствует косвенная адресованность (местоимение 3-го лица множественного числа), и связана она, во-первых, с противопоставлением *врагов (их) нам* (воинам Халифат), во-вторых, служит цели речевого воздействия:

Онҳо ақида доранд имом Алӣ ва сарбозонаш ва имом Усмон ва ёрони сипоҳи имом Муовия ҳамагӣ кофир ҳастанд. Ва низ ҳар касе ки ҳукми ин ду имомро қабул кунад ва ба он рози шавад тамоми гурӯҳҳои хавориҷ бар ин такфири иҷмоъ доранд, яъне беҳтаринҳои уммати Исломо кофир медонанд. – досл. [Они считают, что имам Али и его воины, имам Усман и соратники армии имама Муавии – все неверные. И каждый, кто согласен с позицией этих двух имамов и принимает их – все хариджиты (отступники), то есть они считают лучших в исламской умме неверными]. *Севумин ақидаи ботили онҳо такфири касоне аст, ки гуноҳи кабира анҷом медиҳанд, ҳатто агар онро ҳаром бидонанд, боз ҳам ўро кофир медонанд, гайр аз гурӯҳи наҷодот (гурӯҳе аз хавориҷ). Ҳамагӣ гурӯҳҳои хавориҷ бар он иҷмоъ доранд. Аз дигар ақидаҳои ки баъзе аз хавориҷ доранд ин аст, ки мегӯянд вақте ҳоким кофир бошад ҳама мардуми таҳти ҳукумати ўро кофир медонанд, ки ин қавли иштибоҳи хавориҷ аст, ки алҳамдулиллоҳ Давлати Исломи бо чандин нафар аз ин хавориҷин бархӯрди шадид дошта ва баъд аз даргириҳои мусаллаҳона онҳоро боздошт карда, ҳатто раиси онҳо баъд аз ин ки зани худро кушт, дар ҳоли фарор ба тарафи Туркия ба дасти сарбозони Давлати Исломи кушта шуд* [Там же]. – досл. [Следующее *их* заблуждение заключается в том, что *они* считают правильным выносить такфир тем, у кого много грехов, за исключением группы наджат (одна из ветвей хариджитов). Все хариджиты согласны с данной позицией. Еще одно заблуждение *этих* хариджитов в том, что если правитель «неверный», то и весь народ – «неверные». Слава Аллаху, Исламское Государство расправилось с *этими* хариджитами, многие были взяты в плен, даже их руководитель, который после убийства своей жены, бежал в Турцию, был убит солдатами Исламского Государства].

Слово **такфир** – **تَكْفِيرٌ** 1) покрытие, сокрытие; 2) искупление (чего **عن**...; **عن**... **تَكْفِيرٌ** во искуплении...; 3) обвинение в неверии; 4) отвращение от веры [БАРС 2008].

Одним из распространенных способов имплицитного выражения негативного отношения к «партнеру» является «обезличивание оппонента».

Таким образом, как показал анализ фактического материала, местоимения в структуре РТ выполняют определенную функцию, служат цели речевого воздействия.

Употребление усилительной частицы **на-на – ни-ни** в РТ обусловлено тем, что они не только выделяют и усиливают значение отдельного слова и словосочетания, но достаточно часто используются авторами как маркеры темы в предложении. Сопровождая тот или иной синтаксический компонент, они служат коммуникативно однозначными показателями его тематического характера.

На ал-Қоида дар саросари ҷаҳон ва на ҷамоати аҳли суннати Нигерия (ки феълан ба Давлати Исломи байъат дорад) ва на ҷамъиятҳои ҷиҳодии дигар ба андозаи Давлати Исломи қудрат ва шавкат надоишанд.

Ин саҳобаи ҷалилул қадр риботи як шабро бар ибодат дар беҳтарин шабҳо ва беҳтарин макон тарҷеҳ медиҳад ва ҳатто ки Паёмбари Гиромӣ ва асҳобаи дар Мадина иқомат мекарданд, ба гайр аз Макка ба хотири чанд маврид, яке аз он ин ки онҳо дар Мадина муробит буданд. Ҳатто қасам бар Аллоҳ, агар собиқину аввалин аз муҳоҷирину ансор монанди Абубакр, Умар, ((رضي الله عنهم) Али ва Усмон [Там же]. – досл. [Ни «Аль-Каида» во всем мире, ни община Ахль ас-Сунна в Нигерии (которая в настоящее время присягает на верность «Исламскому государству»), ни другие джихадистские общины не обладали силой и энтузиазмом «Исламского государства». Этот сподвижник Джалилул Кадр предпочитает сообщение об одной ночи поклонению в лучшие ночи и в лучшем месте, и даже Святой Пророк и его сподвижники остались в Медине, кроме Мекки, по нескольким причинам, одна из которых заключалась в том, что они были в Медине. Даже клянусь Аллахом, если первый и первый из переселенцев и ансаров, как Абу Бакр, Умар, ((رضي الله عنهم) Али и Усман].

В ходе анализа аудиозаписей на русском языке были также выявлены причастия с отрицательной коннотацией, характеризующие «врагов»: *они являются людьми непонимающими, людьми неразумными.*

Проведенный анализ фактического материала показал, что отбор лексики и особенности использования морфологических средств в религиозном тексте экстремистской направленности определяются спецификой данного вида текста, а также фактором адресата и коммуникативными стратегиями.

Таким образом, с нашей точки зрения, проанализированные аудиозаписи РТ являются примером риторики ненависти. Они содержат «высказывания враждебного, агрессивного либо уничижительного характера по отношению к лицам какой-либо национальности, этнической, конфессиональной или иной социальной группы» [Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы 2004]. В аудиозаписях использованы манипулятивные речевые технологии, направленные как на адресата с рациональным типом мышления (аргументация как средство воздействия /убеждения), так и на адресата, который подвержен эмоциональному воздействию.

2.4. Синтаксический уровень религиозного текста

Проведенный анализ языковых единиц на синтаксическом уровне позволил выявить следующие типы предложений и стилистических фигур, используемых не только для эмфатического усиления, оформления ритмической структуры, они также выступают индикатором экстремистской идеологии, функционируют в аудиозаписях как единицы репрезентации идеологического кода: развернутые предложения со сложными оборотами, риторический вопрос, прием параллелизма, анафорический повтор, анадиплосис, инверсия.

Далее рассмотрим наиболее характерные особенности синтаксиса религиозного текста.

Информация в лингвистическом смысле берется в обязательной и непосредственной отнесенности к акту языкового общения как таковому.

Информация, с точки зрения лингвиста, – это сведения, передаваемые говорящим или пишущим слушающему или читающему. Понятие «сведения», в свою очередь, относится к содержательной, т. е. семантической, стороне высказывания. Однако информация реализуется лишь в ситуативно-актуализированной, существенно «денотативной» или «референциальной» семантике, и в этом смысле она является не фактом языка как системы средств выражения, а фактом речи или «речевой синтагматики» [Блох 1977].

В процессе языкового общения людей предложение выступает в роли самостоятельной информационной единицы. Оно, будучи предикативной единицей, является основным целостным носителем информации, который может отразить ситуацию определенного действия или состояния вместе с его оценкой. Иными словами, с точки зрения семиотики предложение функционирует как полноценный знак в акте семиозиса. В процессе общения предложение выступает как единое целое, где форма и содержание не могут быть отделены друг от друга. Оно не только передает обобщенную информацию, но и имеет ценность лишь в том случае, если в нем отражены соответствующие элементы содержания – языковые выражения объектов и отношений, относящихся к конкретной ситуации, которую оно описывает. Таким образом, каждое предложение в рамках речевой синтагматики представляет собой уникальную сущность, которая не может существовать вне контекста конкретного автора: информация, передаваемая предложением, воспринимается только в виде цитаты [Блох 1977: 82]. Не без основания А. И. Смирницкий, объясняя это качество предложения, охарактеризовал его как минимальное речевое произведение [Смирницкий 2019: 167].

Таким образом, логико-математическое понятие экземпляра выражения (включая предложения как его разновидность), которое позволяет понять тождество последовательностей символов в тексте формального языка, не подходит для анализа предложения как составной части информативного речевого потока. Синтаксис естественного языка, рассматриваемый в рамках лингвистики, проявляется в системе соединения слов в предложения и в совокупности закономерностей, определяющих формирование высказываний.

Синтаксический уровень религиозного текста – «это последовательное расположение элементов восприятия, обладающих разным иерархическим статусом» [Борисова, Кургузёнок, Никишин 2018: 20]. Синтаксическая иерархия обусловлена спецификой восприятия того или иного знака. В подобных случаях языковые знаки образуют целое текстовое пространство. Данную функцию выполняют структурные компоненты РТ. Основными вербальными компонентами выступают: вербальный текст, визуальный ряд, звучание [Там же: 22].

В ходе анализа аудиозаписей было установлено, что вербальная структура РТ состоит из двух компонентов: *заголовка* и *основного текста*.

В заголовке РТ выражается основная идея сообщения; ему свойственны лаконичность, эмоциональность, что способствует быстрому восприятию информации. Как показал анализ материала, заголовки обычно состоят минимум из 2–6, максимум – 8–10 слов (табл.).

Таблица 1

Заголовок	Длина	Перевод
Шартҳои ҷиҳоди	2	Условия джихада
Муҷоҳиди Хилофат	2	Моджахеды Халифат
Хилофати Исломи давлати хайр ва амният ё тарс ва ваҳшат?	10	Исламский Халифат – государство добра и безопасности или страха и террора?
Тоғут ва анвоёи он	4	Тагут (неверие – сатана, угнетатель) и его виды
Узр ба ҷаҳл	3	Вера и неверие (знание – невежество)
Ки фоида кард ва ки нуқсон?	6	Кто выиграл и кто проиграл?
Мақтаби аҳли ҳадис	3	Школа ученых-хадисоведов (хадис – предания о Пророке Мухаммаде)
Ҳукми шаръи амалёти истишҳодӣ	4	Исламский закон о террористических актах
Чи гуна бо муфатиш рӯ ба рӯ шавем?	8	Как связаться со специалистами?

Основной текст содержит доводы и аргументы, подтверждающие положения, содержащиеся в заголовке.

Основой анализа синтаксической специфики РТ в нашем исследовании выступает предложение. Предложение рассматривается нами не только по цели высказывания, но также и по эмоциональной окраске.

В анализируемых аудиозаписях преобладают побудительные и вопросительно-побудительные высказывания. Побудительные высказывания отличаются чрезмерной степенью агрессии и часто выражают прямой призыв. Согласно точке зрения М. А. Осадчего: «Экстремистские призывы могут быть формально исчислены по способам совершения действия, к которым осуществлен призыв, и объекту действия, к которому осуществлен призыв» [Осадчий 2013: 106].

Вербальная составляющая призыва характеризуется следующими лингвистическими признаками:

- 1) наличие в высказывании *вербального императива*;
- 2) наличие в высказывании *образа способа совершения действия*;
- 3) наличие в высказывании *образа объекта действия*;
- 4) наличие в высказывании *образа адресата* [Осадчий 2013: 110].

В анализируемых аудиозаписях самым частотным способом выражения призыва является *вербальный императив*:

*Муътақидем ки агар касе (яъне мусалмоне) иддаъо кунад, ки имруъ дине гайр аз дини Ислом, монанди дини яҳуд ё масеҳият ё ҳар дини дигар дар назди Аллоҳ мақбул аст, кофир аст ва бояд аз ӯ хост то тавба кунад. Вагарна ба ҷурми иртидод **кушта хоҳад шуд**, зеро Қуръонро инкор кардааст* [Там же]. – досл. [Мы убеждены (считаем), что если кто-то (например, мусульманин) утверждает, что сегодня многие религии, кроме ислама, такие как иудаизм, христианство или любая другая религия, приемлемы для Аллаха, он является неверующим, и должен покаяться. В противном случае его **убьют** (он должен быть убит) за вероотступничество, потому что он отрицает Коран].

*Касоне ки Аллоҳ ва паёмбарони ӯро инкор мекунад ва мехоҳанд миёни Аллоҳ ва паёмбаронаш ҷудой қоил шаванд ва мегӯянд: ба баъзе имон меоварем ва баъзеро инкор мекунем ва мехоҳанд дар миёни ин ду роҳе барои худ интиҳоб кунанд, онҳо кофирони ҳақиқиянд. Ва барои **кофирон муҷозоти хоркунанда фароҳам сохтаем*** [Там же]. – досл. [Те, кто отвергают Аллаха и Его посланников и хотят создать разделение между Аллахом и Его посланниками (веровать в Аллаха и отвергать Его посланников) и говорят: «Мы верим (веруем) в одних

(пророков) и отрицаем других и хотим найти между этими (некий, средний) путь» – они истинные неверующие. И Мы *уготовили* для *неверных мучительное наказание*].

*Ва ҳамчунин мефармояд: «Касеро суроғ надорам,ки аз ҳамла ба манзил ва шабехун икроҳ дошта бошад ва ваҷҳи далолати ин мебошад ки вақе ки куштани касе ки қатлаш ҷоиз нест,ҷоиз бошад онҳам ба хотири ҳала ва шикасти душман,пас гуфта мешавад як муҷоҳид низ дар ҳамчунин ҳолате қарор мегирад ва занон ва бачаҳои куфор дар манозилашон ба дасти касоне **кушта мешаванд**,ки агар масъалаи ҷиҳод бошад...»* [Там же]. – *досл.* [И еще он говорит: «Я не знаю никого, кто был бы против нападения на дом и кровопролития, и это указание на тот факт, что если дозволено убивать того, чье убийство не дозволено, также дозволено ради мира и поражения врага, то сказано, что моджахеды тоже будут в таком же положении, и **женщины и дети неверных будут убиты** в руках тех, кто на пути джихад].

*Аз Аллоҳи **мутаъол дархост мекунем**, ки динаширо пируз кунад ва сарбозонаширо изат диҳад ва душманонаширо нобуд кунад.* *Амийн.* – *досл.* [Мы просим Всевышнего Аллаха, чтобы он сделал (свою) религию победоносной, почитал своих воинов и уничтожил своих врагов, амин].

Следует заметить, что в таджикском (персидском) языке и дари проблема соотношения категорий модальности и склонения и способов их выражения на уровне предложения до сих пор остается спорной. Как известно, языковое значение находится в зависимости от позиции языковой единицы в системе. Эта же позиция обуславливает ее речевые реализации. На уровне языка словоформы представляют собой обобщенные значения, соотносясь с понятиями. В речи их значения определяются речевой ситуацией и задачами коммуникации. Таким образом, при переходе от языка к речи происходят выбор и комбинирование понятий для будущего высказывания и его речевое оформление. Это требует определенного, так называемого «оперативного» времени, в процессе которого происходит актуализация языковых единиц в речи.

Систему операций, оформляющих глагол, в лингвистике называют хроногенезом [Гийом 1992]. Временная актуализация является результатом отношения говорящего к данному процессу и, следовательно, представляет собой модальность на уровне системы языка.

В лингвистике выделяют языковую и речевую модальности, «наклонение речи» и «наклонение мысли». Выраженные в речи «речевые наклонения» оказываются результатом интерференции двух модальных установок: мыслительной и речевой. Поскольку природа обеих модальных установок различна, речевая модальность и речевые наклонения представляют наибольшие трудности с точки зрения их морфологического объяснения.

В приведенных выше контекстах глаголы *кушта*, *хоҳад*, *шуд*, глагольные сочетания *дархост мекунем*, *нобуд кунад* не имеют форм прямого призыва, так как не могут его выражать: по своей семантике данные глаголы представляют оптатив (желательное наклонение). Данные глаголы меняют свое значение, когда попадают в ситуацию императивной коммуникации. Следовательно, способность императива выразить действие, актуализированное во времени, является его дифференциальным признаком в ряду синонимических средств выражения побудительной модальности.

Среди маркеров синтаксического уровня можно также выделить:

Вопросительно-восклицательные предложения:

Намедонам насли имрузаи мусалмонон чизе аз Давлати Хилофати Исломӣ ва шарӣъати мубораки иллоҳӣ медонанд ё на?! Ва ё ҳам гумон мебаранд, ки мо аз низоми Фиръавниён ва Чингизиён сухан мегуем?! Пас Хилофати Исломӣ чигуна давлат аст?! Оё касе, ки инсонҳоро (ва чигуна барномаи зиндагӣ ва низоми ҳукуматӣ ба қорашон меояд ва ба комёбӣ ва саъодати дунё ва охираташон мерасонад?! [Там же]. – досл. [Я не знаю, знает ли нынешнее поколение мусульман что-либо об Исламском Халифате и благословенном божественном законе или нет?! Или они думают, что мы говорим о фараонах и Чингисхане?! Так что же это за государство – Исламский Халифат?! Есть ли кто, кто поможет людям и приведет их к успеху и счастью в этом мире и в мире «потустороннем»?].

Приведенные выше предложения характеризуются экспрессивностью грамматической структуры и особенностями коммуникативной направленности. Коммуникативная специфика заключается в отсутствии повествовательной установки, позволяющей актуализировать эмоциональную составляющую.

Вопросительные предложения: *Бигӯ: «Оё барои мо ҷуз яке аз ду некиро интизор доред (ё тирӯзӣ ё шаҳодат)?»* – досл. [Скажи: «Ждете ли вы от нас что-либо, кроме одного из двух благ (либо победы, либо мученичества)?»].

В анализируемых аудиозаписях используется преимущественно гипофора – риторическая фигура, состоящая из риторического или медитативного вопроса, или цепочки вопросов и ответа, или – шире – реакции на него (на них). Основная функция гипофоры – активизация внимания адресата и акцентирование мысли, выраженной в ответной (реагирующей) части вопросно-ответной конструкции [Словарь лингвистических терминов].

Парцеллированные предложения (парцелляция – расчленение единого смыслового и синтаксического целого, обусловленное задачами коммуникации. Подобное расчленение осуществляется в целях экспрессии, выделения наиболее релевантных компонентов сообщаемой информации):

Мо аз давлат ва шарият сухан мегуем, ки аллоҳи манон онро мутобқи фитрат ва табаъияти инсонӣ дар дунё нозил карда ва онро бо дар назардошта заъф ва нотавониҳои башари инсон ва содда намудааст то мабодо инсонҳо аз паси он бар наоянд [Там же]. – досл. [Речь идет о государстве и законе, которые Бог наш ниспослал нам (по природе и послушанию человека в этом мире) и упростил его с учетом слабости и неспособностей человека, чтобы люди (не) следовали ему].

Ва мо аз давлат ва шарияти Аллоҳи манон сухан мегуем, ки ба адл ва некуӣ ва бахшиши дастур медиҳад. Мо аз давлат ва шарият сухан мегуем, ки аллоҳи манон онро мутобқи фитрат ва табаъияти инсонӣ дар дунё нозил карда ва онро бо дар назардошта заъф ва нотавониҳои башари инсон ва содда намудааст то мабодо инсонҳо аз паси он бар наоянд [Там же]. – досл. [Мы говорим о государстве и законе нашего Бога, который наставляет на путь истины,

справедливости, предписал нам «благость» и прощение. Речь идет о государстве и шариате, который наш Бог ниспослал в соответствии с природой и послушанием человека в этом мире и упростил его с учетом слабости и неспособностей человека, чтобы люди (не) следовали ему].

Риторический вопрос (в нашем исследовании мы понимаем риторический вопрос как стилистическое средство, в котором суждение облекается в синтаксическую форму вопроса для достижения большей выразительности, привлечения особого внимания собеседника в целях большего воздействия на него): *Ақидаи хавориҷи чист? Чун агар инҳо хавориҷ бошанд дар муддати каме тавассути худашон аз байн мерафтанд ва ниёз набуд ки беш аз 80 кишвари дунё ҳамла кунанд ва алҳамдулиллоҳ онҳо ҳеҷ вақт эътиқоди хавориҷро таблиғ накардаанд* [Там же]. – *досл.* [В чем сущность хариджидской идеологии? Если бы это были хариджиты (имеются в виду мусульмане, которые поддерживают Исламский Халифат), то они исчезли бы за короткий промежуток времени, и не было нужды в нападении в более 80 стран, и, слава богу, они никогда не распространяли бы «веру» хариджитов].

Давлати Исломи то ба ҳол чанд нафарро ба хотири гуноҳи кабира куштааст ё то ба ҳол кадом як аз саҳоба ро такфир кардааст? [Там же] – *досл.* [Сколько людей было убито Исламским государством из-за «великого греха», или кто из сахабов был осквернен до сих пор?].

Таким образом, риторический вопрос, будучи вопросом по форме и утверждением по смыслу, используется авторами аудиозаписей как способ усиления внимания реципиентов. Как известно, любая диалогическая речь не нуждается в использовании специальных языковых средств для привлечения внимания коммуникативных партнеров. Коммуникативный акт в диалоге представляет собой чередование речевых ролей говорящего и слушающего. Следовательно, риторический вопрос не нуждается в ответе, так как ответ всем очевиден. Исходя из этого факта, риторический вопрос является основой многих агрессивных речевых тактик [Воронцова 2012: 582].

Анализ языкового материала показал, что прагматическая функция риторического вопроса основана на авторской позиции воздействовать на слушателей, заставить их выслушать свою речь. Также следует заметить, что формально-синтаксическая структура риторического вопроса, а также его интонационное оформление не всегда могут соответствовать как коммуникативной направленности, так и прагматической, исходя из того, что – это вопрос по форме, а не по смыслу. Он не предполагает ответа, так как ответ заключен в нем самом в виде скрытого эмфатического утверждения или отрицания.

Утвердительные высказывания, содержащие оправдания жестокости и убийства:

Курон гуфтагияй ичизора. Чихода фақат маънош қитолай, чангу шапошав. Ҳадиси саҳеҳ ҳастай Расули акрам саллаллоҳу алайҳи вас салама савол мекунан, саҳобаҳо аз Расули акрам саллаллоҳу алайҳи вас салам савол мекунан, ки кадом ҳичрат беҳтарай, мега ҳичрате ки дар қитол боша, чиход боша [Там же]. – *досл.* [В Коране сказано: «Джихад имеет только одно значение – **массовое убийство, (всеобщее истребление)** война, битва. И есть достоверный хадис. Когда сподвижники Пророка Мухаммада спросили у него: «Какая самая лучшая хиджра?» Пророк сказал: «Та, где есть **“убийства”**, где есть джихад»].

Важно заметить, что в Священном Коране разъяснения коранических знаний названо *великим джихадом* [25:52]:

فَلَا تُطِعِ الْكَافِرِينَ وَجَاهِدْهُمْ بِهِ جِهَادًا كَبِيرًا

Не следуй за неверными и упорно борись с ними, увещевая их Кораном [Османов 1999:377].

Индивидуальная борьба («джихад сердца») против своих пороков – самая сложная форма *джихада*, так как не поборов греховные страсти и духовные пороки, человек не может вести борьбу за торжество идеалов религии [Абу Хамид Аль-Газали 2011]. В одном из хадисов говорится, что Пророк Мухаммед, вернувшись из похода на Табук, сказал: «*Мы вернулись с малого джихада, чтобы присутствовать к джихаду великому*». Мухаммед называет военный поход «малым

джихадом», а борьбу с пороками – «великим джихадом». В другом хадисе находим следующее: *«Настоящий муджахид тот, кто ведет борьбу со своими пороками»* [Там же].

В узком смысле *джихад* – это священная война для защиты родной земли от агрессора, целостности государства и восстановления справедливости. Подтверждение этому находим в суре ал-Бакара [2: 194]:

الشَّهْرُ الْحَرَامُ بِالشَّهْرِ الْحَرَامِ وَالْحُرُمَاتِ قِصَاصٌ فَمَنْ اعْتَدَى عَلَيْكُمْ فَاعْتَدُوا عَلَيْهِ بِمِثْلِ مَا اعْتَدَى عَلَيْكُمْ وَاتَّقُوا اللَّهَ وَاعْلَمُوا أَنَّ اللَّهَ مَعَ الْمُتَّقِينَ

Сражайтесь и в месяц запретный, коли выступили они в месяц запретный. Постигнет возмездие, нарушающих запреты месяца этого. Если нападет на вас кто-либо, то и вы действуйте против него, подобно ему же. Бойтесь Аллаха и знайте, что на стороне богобоязненных Он [Османов 1999: 43].

Вооружённый *джихад* как крайняя мера разрешён только в случае запрета на проповедь ислама и на его исповедание где-либо. Но даже во время войны Аллах повелевает блюсти справедливость, проявлять милосердие к пленным. Запрещается убивать мирное население, стариков, женщин и детей. Шариат запрещает изувечение трупов, посягательство на честь женщин и пленных. В суре ал-Бакара говорится [2:190]:

وَقَاتِلُوا فِي سَبِيلِ اللَّهِ الَّذِينَ يُفَاتِلُونَكُمْ وَلَا تَعْتَدُوا إِنَّ اللَّهَ لَا يُحِبُّ الْمُعْتَدِينَ

Сражайтесь во имя Аллаха с теми, кто сражается против вас, но не нападайте первыми. Воистину, не любит Господь нападающих первыми [Османов 1999: 42].

Таким образом, Священный Коран не содержит ничего, что могло бы трактоваться как оправдание нетерпимости и насилия. Священный Коран содержит положения, имеющие общегуманистическую направленность и ориентирующие человека на моральные ценности, принципы, придающие смысл его жизни и определяющие его поведение. Коран не призывает к убийству невинных людей и не одобряет его.

Развернутые предложения со сложными оборотами (подобные структуры высказывания позволяют авторам аудиозаписей звучать более

убедительно): *Гуё дар он рӯз сарбозон ва нерӯҳои Давлати Исломи дар муқобили дарвозаҳои мардум дар камин нишафта ва мутаваҷҷеҳ хоҳанд буд, ки чи касе барои адои намоз ба масҷид намеравад, ва агар чунин фарде ба дасташон биафтад ба хонаҳояшон ҳуҷум бурда лату кубашон хоҳанд кард.* – досл. [Якобы в тот день солдаты Исламского государства будут внимательно следить за всеми, посещают ли они мечети и читают молитвы, и если кто-либо нарушит (не ходит в мечеть и не читает молитву), он будет наказан].

Сложноподчиненные предложения с определительными придаточными (отличительной особенностью данных предложений является то, что в ходе выступления авторы РТ предоставляют реципиентам значительный объем дополнительной информации, необходимой для адекватного восприятия высказывания, осознания сказанного в полной мере):

Ҳарчиро, ки гуфтем бар ин далолат мекунад, ки барои як муҷоҳид ҷоиз мебошад, худаширо дар сафи душман фуру кунад ва амалҳои истишҳодӣ анҷом диҳад ва ба хотири ҷиҳод ва зарба задан ба душман нафси худаширо азбайн бибарад ҳарчанд ба аслиҳаи куфр ва дустони онон бошад ҳамонтаре, ки дар масъалаи вуруд ба суфуфи душман ва ҳолати инғимоси онро матраҳ кадем ё инки бо аслиҳаи мусалмонон ва дастҳои онон бошад ҳамотавреки дар масъалаи татрас ва синар воқеъ шудан ба он ишора кардем ё ба ҳар далеле, ки сабаби аз байн бурдани нафси инсон шавад ҳамон тавре, ки дар достони гулом омада буд [Там же]. – досл. [Все сказанное нами указывает на то, что моджахеду дозволено скрываться в рядах врага и проводить теракты, стать шахидом на пути джихад; нападать на врага даже с оружием неверных, мы приводили примеры, когда ради спасения своей души он (моджахед) должен пожертвовать своей жизнью, как это произошло «с рабом» (имеется в виду легенда)].

Анализ аудиозаписей на русском языке с позиции синтаксиса позволил выявить употребление следующих средств: прием параллелизма, анафорический повтор, анадиплосис, инверсия. Данные стилистические средства используются не только для эмфатического усиления, оформления ритмической структуры, они

также выступают индикатором экстремистской идеологии, функционируют в аудиозаписях как единицы репрезентации идеологического кода.

Рассмотрим примеры:

*Ты заявил Обама – необрезанный осел яхудов, что **руки Америки длины и дотянутся, куда пожелает, так знай же, наши ножи остры и отрежут эти руки, отрубят головы** и воистину, наш Всевышний Господь против вас в засаде.*

О, Аллах, воистину, Америка, Франция и их союзники напали на нас, они пришли к нам с полчищами, чтобы враждовать с нами, с нашей религией, они запрещают нам исповедовать твою религию, практиковать твои наказания, справиться с тем, что ты ниспослал [Там же].

Данные предложения – яркий пример параллелизма, предполагающий соединение тождественных или сходных по грамматической и семантической структуре элементов.

Весьма распространенным стилистическим приемом в аудиозаписях является анафорический повтор:

О, Аллах, ты знаешь, у нас нет сил и мощи против них, как от тебя. О, Аллах, они не могут быть выше нас, потому что ты над ними. О, Аллах, они не могут быть выше нас, так как мы возвышены. О, Аллах, избавь нас от них и чем пожелаешь. О, Аллах, опусти их на землю. О, Аллах, сделай эту их атаку – последней атакой, чтобы после нее мы напали на них, а не они на нас.

Рассмотрим примеры употребления анадиплосиса – повтор последнего слова или выражения (предложения) в начале или середине другого:

*«**Кровь и имущества кафилов** дозволены, **кровь и имущества мусульман** недозволены. Кровь разрешается или запрещается только по причине ислама и предоставления безопасности, а имущества кафилов становится дозволенным, **кровь его становится дозволенной** и никчемной, **его кровь становится подобно крови собаки, за которой нет греха, нет штрафа!**» – сказал Всевышний Аллах.*

С целью придания речи особого пафоса авторы РТ используют инверсию:

Когда будет убит кто-нибудь из нас, то он обязательно оставит после себя историю, после прочтения, которой проснутся мусульмане ото сна [Там же].

Проведенное исследование языковых единиц на синтаксическом уровне позволило нам сделать следующие выводы: заранее подготовленная речь обуславливает использование развернутых предложений со сложными оборотами, позволяющими авторам РТ звучать более убедительно; стилистические приемы способствуют созданию более яркой речи, концентрируют внимание реципиентов на отдельных фрагментах высказываний и повышают степень заинтересованности аудитории.

2.5. Фонетико-фонологический уровень организации языковой системы в религиозных текстах

Основным аспектом фонетического уровня речевой характеристики человека является интонация. Основными компонентами интонации выступают такие средства организации звучащей речи как: темп, мелодика, пауза, а также слова, которые несут смысловую и эмоциональную нагрузку. Нами более детально были проанализированы аудиозаписи на русском языке. В ходе анализа были выделены следующие фонетические особенности речи авторов мусульманских аудиозаписей.

Важным инструментом привлечения внимания на конкретной мысли выступает мелодика. Благодаря мелодике слушающий может уловить тонкости нюансов высказывания. В аудиозаписях значимость речевой информации подчеркивает повышение тона голоса:

Знай, о Америка, и союзники Америки, знайте крестоносцы, что ситуация более опасна, чем вы полагаете и более велика, чем вы представляете.

Мы сообщаем вам, что мы в новом веке, в государстве воины, сыны, которого господа, а не рабы; народ, который на протяжении веков не знал

поражений; результаты их сражений известны до начала их сражений; со времен Нуха они не готовились к сражению, не будучи убеждены в победе.

О, крестоносцы, вы поняли опасность Исламского государства, вы не узнали, каково излечение и узнаете, потому что нет излечения [Там же].

В данных фрагментах автор интонационно выделяет следующие фрагменты: *господа, а не рабы; народ не знал поражений; со времен Нуха; опасность Исламского государства.*

Следует заметить, что в начале фразы авторы меняют высоту, силу и темп своего голоса, чтобы придать своему высказыванию особый смысл и сделать его более выразительным. Главным образом наблюдается чередование мелодических подъемов и спадов. Динамичное изменение тона привлекает внимание реципиентов. Восходящее движение тембра усиливает смысловую нагрузку лексических единиц, позволяя слушающим понять не только буквальный смысл высказывания, но и подтекст. Подъем голоса создает эмоциональное напряжение, что позволяет авторам аудиозаписей создать эффект утрашения адресата:

*Если Обама обещал вам поражение Исламского государства, то ведь до него солгал Буш, а наш Всевышний Господь обещал нам победу и мы побеждаем, и каждый раз наш Господь будет помогать нам, потому что он не нарушает обещания; мы с позволения Аллаха обещаем вам, что **эта атака последняя из ваших атак, разобьётся и потерпит неудачу**, также как разбились и потерпели неудачу ваши предыдущие атаки. Только в этот раз мы будем нападать на вас. Мы захватим ваш Рим, сломаем ваш крест, возьмем в наложницы ваших женщин, с позволения Аллаха – этого обещал наш Господь, а он не нарушает обещаний [Там же].*

Ритмичность речи часто нарушается из-за использования экспрессивного сегмента, с целью выражения упрека и угроз:

Если мы не достигнем вас, то вас достигнут наши сыновья; они будут продавать ваших детей на рынке рабов. Засвидетельствуйте, о крестоносцы,

засвидетельствуйте и беситесь, хитрите, вооружайтесь и готовьтесь, бомбите, убивайте и разрушайте – это вам не поможет вам, воистину вы поражены. Это не поможет вам, потому что наш Господь – великий и могучий, обещал нам победу, а вам поражение, отправляйте своим подопечным и своим собакам оружие и средства, снабжайте их новейшими средствами и умножьте в этом. Воистину, все это станет трофеями в наших руках, с позволения Аллаха. Вы тратите все это, а затем оно будет отправлено против вас, потом вы будете побеждены [Там же].

Темп звучащей речи, как известно, играет важную роль на восприятие информации. В настоящем диссертационном исследовании темп рассматривается в единстве скорости речи и паузы. Темп речи авторов аудиозаписей характеризуется неоднородностью. Скорость речи может варьироваться от трех слов в секунду до пяти. Часто наблюдается непрерывность речи. Авторы спешно переходят от одной мысли к другой без логических пауз:

...кровь и имущества кафиров дозволены, кровь и имущества мусульман не дозволены.... но кровь разрешается или запрещается только по причине ислама и предоставлении безопасности, а имущество кафира становится дозволенным и никчемной, его кровь становится подобно крови собаки, за которой нет греха, нет штрафа, – сказал Всевышний Аллах.

Особой специфичностью характеризуется пауза в речи авторов. Она не всегда предсказуема в семантическом и синтаксическом плане:

.... убей их любым способом, каким ты можешь, ни с кем не советуйся, ни у кого не спрашивай фатв.....; убивайте многобожников, где бы вы их не обнаружили, берите их в плен, осаждайте для них любую осаду..... а также он сказал, когда встречаетесь с неверующими на поле боя, рубите головы....[Там же].

Пауза также наделена смысловой нагрузкой. Авторы мусульманских аудиозаписей используют паузу, чтобы предоставить слушателям время для

восприятия информации. Наиболее часто встречается эмфатическая пауза. Исходя из того, что спикеры стараются говорить быстро, возникает чувство резкого и агрессивного настроя говорящего:

О Обама, – осел яхудов, убирайся прочь, убирайся, ты потерпел неудачу. Обама, это все, на что ты способен в этой своей атаке. Разве Америка дошла до такого предела из-за своей немоцности и слабости... или Америка и все ее союзники из числа крестоносцев и безбожников не способны спуститься на землю, разве вы не поняли крестоносцы, после войны ваших подопечных, что они нуждались в вас и будут нуждаться, разве ты не понял, осел яхудов, что сражение не выиграешь одними воздушными налетами, или ты считаешь себя умнее вашего глупца буша [Там же].

В речи авторов мусульманских аудиозаписей наблюдается отклонение от произносительной нормы русского языка, в связи с тем, что они являются не носителями русского языка.

Были выявлены следующие нарушения произнесения согласных.

1. При реализации звонких и глухих согласных, при сочетании согласных внутри слова, в потоке речи (нарушается закон регрессивной ассимиляции): *близкого к нему вилаяту*. Слово *близкий* произносится: [близкий], нормативным является [бл'иск'ий']; *мерзких кафиров*. Слово *мерзкий* произносится [мэрзкий], нормой является [м'эрс'ий'].

Приведем еще примеры: *Дошло до того, что они уже заявляют, что Исламское государство уродует ислам, что она противоречит учению ислама, что Исламское государство ¹⁴– враг ислама. Осел яхудов Обама превратился в шейха, муфтия и исламского проповедника. Он говорит, что ислам непричастен к Исламскому государству в шести обращениях в течение одного месяца.*

---

¹⁴ Исламское государство, признано террористической организацией, деятельность, которой запрещена на территории РФ.

2. Отклонения наблюдаются также на стыке слов: служебных и знаменательных или двух знаменательных слов, когда нет паузы: *Это не поможет вам, потому что Господь великий и могучий, обещал нам победу.* В данном фрагменте слово *господь* произносится [господ], норма – [госпат']. Ошибки и сложности произнесения связаны с тем, что закономерности произнесения звонких и глухих согласных в русском языке на стыке двух знаменательных слов, служебного и знаменательного – разные.

*Засвидетельствуйте, о крестоносцы, засвидетельствуйте, дрожите и беситесь, хитрите, вооружайтесь и готовьтесь, бомбите, убивайте и разрушайте – это не поможет вам, воистину, вы поражены. Это не поможет вам, потому что наш Господь, великий и могучий, обещал нам победу, а вам поражение, отправляйте своим подопечным и своим собакам оружие и средства, снабжайте их новейшими средствами и умножьте в этом. Воистину, все это станет трофеями в наших руках, с позволения Аллаха. Вы тратите все это, а затем оно будет отправлено **против вас**, потом вы будете побеждены.*

3. В анализируемых аудиозаписях также были выявлены нехарактерные для русского языка звуки: глухой щелевой согласный звук [x], не имеющий соответствий в русском языке: *хвала Аллаху – господу миров* – [ала_xу]; *сыны тавухида* – [таухида]; средний звонкий согласный [дж] /dʒ/: *джихад – наилучший из деяний*, слово *джихад* произносится как: [dʒихад]. На наш взгляд, такое произношение является намеренным; во-первых, чтобы сохранить произношение данных слов как в языке оригинале, во-вторых, они придают звучащей речи авторов агрессивность.

О, Аллах, воистину, Америка, Франция и их союзники напали на нас, они пришли к нам с полчищами, чтобы враждовать с нами, с нашей религией, они запрещают нам исповедовать твою религию, практиковать твои наказания, справиться с тем, что ты ниспослал. О Аллах, воистину, ты знаешь нашу слабость, у нас нет никакой хитрости против их самолетов. О Аллах, мы уверовали в тебя и уповаем на тебя.

О яхуды - яхуды, теперь вы поняли....это их цель – объединение.

Отклонения при произнесении гласных звуков в аудиозаписях не были выявлены.

Специфика интонационных особенностей и консонантизма устных высказываний в мусульманских аудиозаписях определяются коммуникативными задачами говорящих. Умение манипулировать голосом и задействовать интонационные составляющие (тон, темп, тембр, ударение) позволяют успешно реализовывать речевые стратегии в процессе коммуникативного акта.

Выводы по главе II

Для эффективного манипулятивного воздействия в РТ используется большое количество стилистических приемов (лексико-синтаксических). Средства языковой выразительности в рамках религиозного текста не только служат для создания яркого запоминающегося образа, но и позволяют авторам РТ оказывать суггестивное воздействие на сознание реципиентов. Наиболее частотным стилистическим средством в аудиозаписях является метафора – важнейшее средство идеологической ориентированности.

Наряду с метафорой активно используется в аудиозаписях антитеза в качестве приема создания образа врага: *куффор, мушрикин, муртаддин, хаворич, рофизиҳо – муҷоҳидин, сарбозони давлати исломӣ, мусалмонон – неверные, мушрики, муртады, хавариджи, рафизиты – маджахеды, воины исламского государства* (противопоставление существительных с отрицательной коннотацией – положительной коннотацией), *ҳашар кардан – напасть, шаҳодат насиб шуд – принять мученичество (стать шахидом)* (противопоставление глаголов «*ҳашар кардан – напасть, шаҳодат насиб шуд – принять мученичество*»).

Результаты проведенного анализа словесной организации речи авторов РТ позволяют констатировать, что на семантическом уровне основными стилистическими средствами выступают: метафора, антитеза, метонимия,

гипербола, что обусловлено стремлением авторов достичь максимальной эффективности эмоционального воздействия на аудиторию.

Анализируемые суры Корана представляют собой регламент поведения мусульман как по отношению к религиозным предписаниям, так и по отношению к бытовым традициям.

К грехам в сурах причисляются такие действия, как *убийство, кража, фальсификация и ложь*. Во всех проанализированных сурах Корана осуждается человекоубийца. Коран запрещает фальсификацию и ложь; преднамеренное искажение Священного Писания является моральным грехом.

Языковыми маркерами лексико-грамматического уровня выступают:

- межстилевые деструктивные глаголы, содержащие в семантике ядерную денотативную сему «*куштан*» – «*лишить жизни*» (*қитъол карданд – убивать массово; қатъ кардани аъзо ва задани гардан – отрубить конечности, голову и т. д.*); стилистически окрашенные глаголы с ядерными функционально-стилистическими семами «*прост.*», «*грубо-прост.*», «*разг.*» в форме повелительного наклонения (*порви, разорви в клочья неверных, уничтожься, зажги землю под ногами*);

- отрицательно-оценочные имена существительные, прилагательные и причастия, включая окказиональные (*муртаддину муширикон – муртады и муширики, куфор – неверные, куфору тавогит – безбожники и тираны; болезненные наказания, мучительные страдания, крестовый поход – более злобный, свирепый, неудачный, не оправдывающий надежд, мерзкие рафидиты, женоподобные пилоты; они являются людьми непонимающими, людьми неразумеющими*);

- местоимения, выражающие четкую оппозицию (*мо – онҳо – мы – они*).

При анализе фразеологических единиц в структуре религиозно-экстремистского текста следует уделять особое внимание внутренней форме фразеологических единиц. Именно образная составляющая обуславливает характер семантики идиом и функционально-стилистические особенности, а также специфику формально-структурной изменчивости.

На синтаксическом уровне были выявлены следующие языковые маркеры:

- побудительные и вопросительно-побудительные предложения, отличающиеся чрезмерной степенью агрессии, выражающие прямой призыв к насильственным действиям;
- утвердительные высказывания, содержащие оправдания жестокости и убийства;
- развернутые предложения со сложными оборотами (подобные структуры высказывания позволяют авторам аудиозаписей звучать более убедительно);
- сложноподчиненные предложения с определительными придаточными (отличительной особенностью данных предложений является то, что в ходе выступления авторы РТ предоставляют реципиентам значительный объем дополнительной информации, необходимой для адекватного восприятия высказывания, осознания сказанного в полной мере).

На синтаксическом уровне также были выявлены следующие стилистические средства: риторический вопрос – для достижения большей выразительности, привлечения внимания собеседника в целях большего воздействия на него; гипофора употребляется для активации внимания адресата.

Интонационная специфика мусульманских аудиозаписей определяется коммуникативными задачами спикеров. Умение манипулировать голосом и задействовать интонационные составляющие (тон, темп, тембр, ударение) позволяют успешно реализовывать речевые стратегии в процессе коммуникативного акта.

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что процессы воздействия носят многоплановый характер. В них присутствуют разного рода механизмы, которые носят взаимодополняющий характер. При этом адресат информации может и не ощущать в качестве воздействующих некоторые возможные коммуникативные цепочки, поскольку сообщения на этом уровне не воспринимаются в качестве таковых.

Несомненно, семантический уровень РТ характеризуется наибольшим числом примеров социально опасных явлений, синтаксический слой наименее ориентирован на выявление аналогичных элементов.

ГЛАВА III. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ В РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ

Одной из типичных задач лингвистической экспертизы в рамках семантического исследования является уточнение смысла спорного текста. Лексическая неоднозначность и ее разрешение – обязательный этап лингвистического анализа неоднозначного высказывания.

По справедливому замечанию Н. Ю. Мамаева, именно многозначность языковых единиц является фактором, затрудняющим смысловое понимание текста и его объективацию [Мамаев 2020].

В лингвистической экспертизе используются самые различные методы исследования плана содержания текста – от анализа отдельных лексем до изучения приемов аргументации. Семантический анализ отдельных лексем оказывается насущно необходимым в тех случаях, когда нужно исследовать объем понятий, стоящих за несколькими словами, когда термин понимается по-разному в различных терминосистемах [Баранов 2011: 299].

Анализ семантики слова предполагает использование специальных семантических метаязыков, разработанных в лингвистической и лексической семантике, – языка компонентного анализа [Найда 1983], языка смысла типа *lingua mentalis* А. Вежбицкой [Вежбицкая 1983]. Семантические метаязыки позволяют представить значение слова в более эксплицитном, явном, очевидном виде и тем самым отразить существующие в лексике смысловые отношения синонимии, квазисинонимии, части и целого, рода и вида [Баранов 2011: 300].

Анализ семантики слова встречается почти в любых типах лингвистической экспертизы текста, однако в некоторых случаях (при выявлении в тексте религиозно-экстремистской семантики) он оказывается основным, стержневым методом.

В ходе анализа аудиозаписей канала «Истину не скрывать» было установлено, что особую сложность при переводе представляют сложные глаголы.

Выполняя перевод, переводчик прежде всего определяет способ перевода, т. е. меру информационной упорядоченности для переводного текста. В своем исследовании мы использовали семантический перевод. Семантический перевод заключается в возможно более полной передаче контекстуального значения элементов исходного текста в единицах переводящего языка. «Процесс семантического перевода представляет собой естественное взаимодействие двух стратегий: стратегии ориентирования на способ выражения, принятый в переводящем языке, и стратегии ориентирования на сохранение особенностей исходной формы выражения. Первая стратегия применяется к общеупотребительным лексико-грамматическим элементам исходного текста, таким как стандартные синтаксические структуры, пунктуация, длина предложений, типичные метафоры, союзы, синтаксические обороты, морфологические структуры, широко распространенные общекультурные и научно-популярные термины и выражения и т. п. Вторая стратегия оказывается уместной при переводе нестандартных, авторских оборотов, оригинальных стилистических приемов, необычной лексики и т. п. – в таких случаях семантический перевод чаще всего ориентируется на специфику исходного знака и сохраняет в переводе как можно больше его особенностей, вплоть до буквального перевода» [Казакова 2001].

Далее более подробно рассмотрим различные типы сложных глаголов, выявленных в РТ.

3.1. Семантические особенности сложных глаголов

В анализируемых аудиозаписях наиболее употребительными являются сложные глаголы.

Следует заметить, что в лингвистической литературе персидского языка и дари нет четкого определения сложных глаголов, не определены их состав и объем. В результате одни глагольные словосочетания рассматриваются как свободные, например: ترجمه کردن – *переводить*, букв. *перевод делать*, другие – как устойчивые глагольные словосочетания разной структуры и разного количественного состава

компонентов, например: *به کار انداختن* – *извещать, сообщать*, букв. *бросать в дорогу*.

Среди глагольных фразеологизмов в многочисленных исследованиях персидского языка, дари выделяются двучленные глагольные фразеологические единицы, называемые сложными глаголами. Именно эта разновидность глагольных фразеологизмов больше, чем любой другой вид устойчивых сочетаний слов, отражена в толковых и переводных словарях персидского (таджикского) языка. По своим фразеологическим и грамматическим свойствам сложные глаголы представляют собой весьма пеструю картину: они неоднородны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических взаимоотношений. Вопросы относительно природы сложного глагола и его отношения к сложному слову и словосочетанию, о его месте в системе языка, его фразеологические и аналитические свойства до сих пор остаются спорными.

Семантические отношения между компонентами, а также сочетательные свойства (валентность) компонирующих (глаголы, выступающие в составе устойчивых двучленных глагольных словосочетаний, в силу специфики функционирования и приобретаемого нового лексико-грамматического значения получили название компонирующих) глаголов определяют характер «сцепления» двучленных глагольных словосочетаний и позволяют выделить два структурно-семантических типа сложных глаголов – моделированные и немоделированные [Расторгуева 1986: 220]. В своем исследовании мы придерживаемся классификации В. С. Расторгуевой.

Неизбежность семантической перегруппировки обусловлена тем, что исходный язык и язык перевода обладают значительно различающимся инвентарем лексических систем, что указывает на существование различий в членимости предметного и признакового мира лексическими средствами.

Результаты проведенного исследования позволили выделить следующие сложные глаголы в РТ.

3.1.1. Моделированные сложные глаголы

Данный тип сложных глаголов в языках иранской ветви характеризуется тем, что глагол и именная часть, которые входят в его состав, не меняют свою семантику, а вспомогательные глагольные единицы часто меняют свое значение [Расторгуева 1986: 221]. При этом важно заметить, что вспомогательный глагол постоянно меняет свое значение. Основной глагол может менять свою семантику в зависимости от дистрибуции. В итоге образуется ряд сложных глаголов, имеющих большое количество компонентов с одним и тем же вспомогательным глаголом. Происходит своего рода моделирование всех конструкций с четко конкретным значением. В данных сложных конструкциях именная часть является переменным компонентом, а вспомогательный глагол – постоянным элементом.

С учетом того, сохраняется ли в семантике вспомогательного глагола первоначальное значение или она изменяется в зависимости от контекста, все сложные глаголы мы разделили на два вида: 1) сложные глаголы с мотивированным значением и 2) сложные глаголы с частично мотивированным значением. Сложные глаголы с мотивированной семантикой представляют собой наиболее продуктивную модель.

Более подробно рассмотрим сложные глаголы (далее – СГ) с мотивированным значением. В качестве компонирующих глаголов СГ с мотивированным значением используются простые глаголы с широкой семантикой.

Ҳамонтавр, ки медонем дар масъала ҳамла кардан ба манозили куфор зан ва бача низ кушта мешаванд... [Там же]. – [Как нам известно, в случае нападения на дома неверных также будут убиты женщины и дети неверных...].

В данном контексте сложные глаголы *ҳамла кардан*, *кушта мешаванд*. В толковом словаре таджикского (персидского) языка слово *ҳамла* толкуется как: *ҳуҷум, тохт, тохтутоз, якбора тохтан ба душман* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 725] – *нападение, атака, штурм; наступление; набег, налет, бег; пробег; беготня; нашествие*. В персидско-русском словаре: *حمله* [hämle] мн. *حملات*

[hämālat] 1) *нападение, атака; наступление; натиск; حمله دح_بههاي – фронтальная атака; حمله کاذبه – ложная атака; حمله متقابله – контратака; حمله (بردن) (آوردن، کردن) – нападать (на кого به , بر); наступать (на кого به , بر); атаковать (кого به , بر); бросаться (на кого به) [Персидско-русский словарь].*

В толковых словарях таджикского (персидского) языка находим следующие дефиниции глагола *кардан* کردن: 1. *Ба ҷо овардан, анҷом додани коре ё амале, адо намудан*; 2. *Сохтан, бино кардан*; 3. *Тайёр намудан, ҳозир намудан; фароҳам овардан*; 4. *Ҷой додан; даровардан; андохтан ба ҷое; омехтан*; 5. *Гузоштан, тикқондан (даст ё ангуштро) [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 540] – 1. Производить, выполнять работу или действовать, отбывать; 2. Строить; 3. Подготовить, представить; создать; 4. Дать место; принести; положить куда-нибудь; перемешать; 5. Вставляя, жать (руку).*

В таджикско- (персидско)-русском словаре: کردن [кәрдән] *осн. наст. вр. کن [кон]* 1) *делать, заниматься (чем-л.); 2) книжн. делать, производить; создавать; производить; 3) компонент сложн. гл., خشك کردن – высушивать, сушить, делать сухим کردن; درمان – лечить: کردندين – а) наносить визит, навещать, посещать; б) осматривать: فر کردن ض – предполагать, делать предположение.*

Существительное *ҳамла* в приведенном контексте, сочетаясь с компонирующим глаголом *кардан*, образует СГ с прямопереходным значением **нападать** – букв. *нападение делать*.

Далее рассмотрим семантику глаголов, образующих сложную конструкцию *кушта мешаванд*. Значение слова *кушта* в ФЗТ определяется следующим образом: «*кушта* – причастие от глагола *куштан* کشتن: *ҷондореро бечон кардан, қатл кардан, мурондан*» [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 578]. – *Убивать, умерщвлять, губить, истреблять; резать; бить, колоть (скот).*

В таджикско- (персидско)-русском словаре находим: *به خاک و خون کشیدن* – а) *убивать*; б) *громить; уничтожать*; *کشتار کردن* – в) *убивать, резать (скот)*; г) *устраивать побоище, совершать кровопролитие; убивать*; д) *убивать (скот) с целью жертвоприношения [Персидско-русский словарь].*

Слово *мешавад* от глагола *шудан* имеет значение: «1. *Аз ҳоле ба ҳоле гардидан, гаштан*; 2. *Рафтан, равон шудан, азимат кардан, роҳӣ шудан, озим шудан*; 3. *Гузаштан, гузашта рафтан*; 4. *бар охир расидан, анҷом ёфтан*» [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 602]. – 1. *Становиться, делаться*; 2. *Быть, происходить, случаться*; 3. *Наставать, наступать*; 4. *кн. уст. ходить, проходить, миновать; истекать*.

В ПРС зафиксировано: شدن [шодән] основа настоящего времени شو [шоу] 1) *делаться, становиться*; 3) *книжн. идти, ходить; уходить; проходить*; او بنادани – он пошел в город; روزگارم شد بنادани – *моя жизнь прошла в неведении*; 2) *выходить, получаться*; اگر نشد... – *если не получилось, то...*; 3) в форме 3 л. ед. ч. выступает как модальный безличный глагол: ميشود، بشود – (форма аориста) *можно*; ميشد – *можно было*; сочетаясь с последующей усеченной формой инфинитива, образует безличные предложения, например: ميشود سوال کرد؟ – *можно задать вопрос?*; تا هفته گذشته ميشد آبتني كرد – *еще неделю тому назад можно было купаться*; 4) употребляется как вспомогательный глагол для образования пассивного залога, например: داده ميشود – *дается, передается*; گفته شد – *было сказано* [Персидско-русский словарь].

Компонирующий глагол *шудан*, сочетаясь с причастием *кушта*, полностью теряет свое основное значение. Следовательно, СГ *кушта мешаванд* (букв. *убиты станут*) переводится как «будут убиты».

Рассмотрим другие примеры, где компонирующие глаголы меняют оттенок семантического значения под влиянием контекста:

Ибни Наҳос (рах)мефармояд: дар ин ҳадиси сахҳ собит далел вучуд дорад барои касе, ки бар танҳои бар як чамъи зиёд аз душман ҳамла кунад бо вучуди инки зан (гумон) голиб дорад ки кушта мешавад ва инҳам маишрут ба нияти холис дар талаби шаҳодат мебошад [Там же]. – *досл.* [Ибн Нахас (да будет доволен им Аллах) говорит: «В этом достоверном хадисе есть доказательства того, что, если кто-либо нападает на большую группу врагов в одиночку, несмотря на то, что это женщина (имеется ввиду женщина-шахид) и она будет убита, это – доказательство чистого намерения на пути «мученической смерти»].

В данном контексте СГ – **вучуд дорад** – имеется (букв. *бытие, существование иметь*); **голиб дорад** – *победить* (букв. *победу иметь*) и **шаҳодат мебошад** – является доказательством мученической смерти (букв. *свидетельство является*).

В ФЗТ в семантической структуре слова **вучуд** выделяются два значения: *ҳастӣ, мавҷудият* – *существование, бытие* – первое значение и второе переносное (метафорическое) значение – *бадан, ҷисм, ҷусса, пайкар* – *тело, плоть, телосложение, наружность, внешность, внешний вид*; пер. *идол* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 246].

Таджикско-русский словарь выделяет в семантической структуре **вучуд** وجود четыре значения: 1. *Существование, бытие*; 2. *Осуществление*; 3. Пер. *тело, плоть, фигура*; 4. Пер. *душа характер*; ба **вучуд** овардан *проводить в жизнь, осуществлять, создавать*; ба **вучуд** омадаи *возникать, происходить*; бо **вучуд** е ки... *при всём том, что...; несмотря на то, что...*; бо **вучуди** ин [ТРС 2007: 140].

Рассмотрим семантическую структуру слова **доштан**: 1. *Молик будан, доро будан, дар тасарруфи чизе будан*; 2. *Нигоҳ доштан; риоя кардан*; 3. *Парвариши кардан; тасарруф кардан*; 4. *Идора кардан*; 5. *Водор кардан*; 6. *Ҳисоб кардан, шумурдан, ангоштан, пиндоштан, доништан*; 7. *Феъли еридиҳанда дар феълҳои таркибии номӣ, масалан: дӯст доштан, азиз доштан, нигоҳ доштан ва ғайра* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 393] – 1. *быть собственником, владельцем, имеющий, владеющий, обладающий*; *иметь что-л., владеть чем-л.*; 2. *сохранять, сберегать, оберегать*; *соблюдение, уважение, почитание*; 3. а) *воспитывать; ухаживать, присматривать*; б) *выращивать, растить, разводить*; 4. *управление (действие); управлять; руководить*; 5. *Обязать*; 6. а) *считать, подсчитывать*; б) *считать, полагать, предполагать, думать*.

В ПРС в семантической структуре **доштан** داشتن выделяются два значения: первое – *دارا بودن* – а) *обладать, иметь; владеть*; б) *быть богатым* и второе – *در دست داشتن* – а) *владеть, располагать; иметь (возможность и т. п.)* [Персидско-русский словарь].

Анализ данных словарных дефиниций глагола *доштан* показал, что все словари выделяют прямое и производное (метафорическое) значение. Однако данные значения в приведенном выше контексте не сохраняются. Сочетаясь со словом *вучуд*, он частично теряет прямое значение. Следовательно, *вучуд дорад* – *есть, имеется*.

Значительный интерес представляет семантика сложного глагола *шаҳодат мебошад*.

В ФЗТ слово *шаҳодат* определяется как: 1. *Гувоҳӣ додан*; 2. *Кушта шудан дар роҳи дин*; пер. *Беғуноҳ кушта шудан*; *ба шаҳодат расидан кушта шудан* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 577]. – 1. *Свидетель; быть свидетелем*; 2. *свидетельство; показание*; 3. *Быть убитым за религию; пер. невинно убитый*.

ПРС выделяет в семантической структуре слова *шаҳодат* четыре значения: شهادت [шāһадāt и шеһадāt] 1) свидетельствование, подтверждение; 2) свидетельство, показание; ناحق شهادت (كذب، دروغی) – ложное свидетельство; شهادت معتبر – авторитетное свидетельство; 3) мученическая смерть (за веру, идею); 4) исповедание мусульманской веры;

آوردن شهادت – формула мусульманского вероисповедания; شهادت کلمه – произносить мусульманскую вероисповедную формулу; شهادت دادن – а) свидетельствовать, подтверждать (что از , در باره); б) давать свидетельские показания; به شهادت رسیدن и یافتن شهادت – умирать мученической смертью, погибать (за веру, идею); به شهادت طلبیدن – вызывать в качестве свидетеля [Персидско-русский словарь].

Как видим, значение *доказательство* в семантической структуре слова *шаҳодат* не зафиксировано в словарях. Данное значение реализуется в определенных контекстах. Таким образом, *шаҳодат мебошад* переводится как: *является доказательством «мученической смерти»*.

По справедливому замечанию В. В. Сдобникова: «Трудности при переводе возникают в связи с использованием в тексте оригинала слов-реалий – языковых единиц, обозначающих объекты материальной культуры, явления жизни,

быта, духовной культуры одного народа, отсутствующие у других народов» [Сдобников 2019: 170].

При переводе с одного языка на другой приходится учитывать факторы логико-семантического порядка для передачи одного и того же смыслового содержания. В ходе анализа текста в нем выделяются такие «единицы перевода», будь то отдельные слова, словосочетания или части предложения, для которых в данном языке, в силу создавшейся традиции, существуют постоянные неизблемые соответствия. «В любом тексте такие эквивалентные соответствия составляют незначительное меньшинство. Такие “единицы перевода” преобладают в тех случаях, когда переводчик выбирает соответствия из арсенала средств того или иного языка, но этот выбор далеко не произволен. Он не ограничивается показаниями двуязычного словаря. Никакой словарь не может предусмотреть все разнообразие контекстуальных значений, реализуемых в речевом потоке, точно так же, как он не может охватить и все разнообразие сочетаний слов» [Рецкер 2007].

Контекстуальные значения возникают в процессе употребления слов в речи, в зависимости от окружения, и реализуются под действием узкого, широкого и экстралингвистического контекста. По степени частотности в лингвистике выделяют узуальные (повторяющиеся) и окказиональные (случайные, индивидуальные) контекстуальные значения.

«Преобразование “окказионального” употребления слова в “узуальное” является одним из наиболее частых путей развития многозначности» [Рецкер 2007: 21]. Согласно Я. И. Рецкеру, причинами, побуждающими говорящего отбросить «общепринятое слово, которое вертится у него на языке», и заменить его другим, «употребленным в необычном для него значении», являются внезапная ассоциация представлений, стремление к экспрессивной насыщенности, желание обратить внимание слушающего или читателя [Рецкер 2007: 22].

Контекстуальное значение не привносится извне, а является реализацией потенциально заложенных в слове значений. Это можно установить из смысловой структуры слова.

«Определение лексического значения слова через раскрытие его смысловой структуры как системы двусторонних минимальных лексических единиц – лексико-семантических вариантов слова позволяет учитывать ускользавшие из поля зрения исследователя такие факторы, определяющие лексическое значение, как: 1) общественно осознанные и отстоявшиеся (системные) контексты употребления слова; 2) принадлежность данного слова к определенному семантическому или лексико-грамматическому разряду слов; 3) конкретные лексические связи с другими словами, обусловленные присущими данному языку моделями семантической сочетаемости словесных знаков; 4) семантические соотношения слов с синонимами и другими близкими по значению словами в системе языка в целом» [Уфимцева 2010: 167].

В данный перечень факторов, данных А. А. Уфимцевой, Я. И. Рецкер также включает показатели стилистической и экспрессивной характеристики слова.

В ходе анализа было установлено, что значение многих сложных глаголов (80%) обусловлено контекстом.

Часто раскрытие контекстуального значения слова зависит от широкого контекста, от контекста соседнего предложения или даже от содержания целого абзаца.

При этом следует заметить, что многозначные глаголы в контексте выступают в одном из потенциально возможных значений. Сопоставление потенциальных значений совместно употребленных языковых единиц позволяет определить то значение, в котором каждая из них используется в данном высказывании.

Например:

Агар куфор мусалмононро бар сипари инсони истифода қарор доданд ва муҷоҳидин натавонистанд ба хотири сипар қарор додани мусалмонон, бо куфор бичанганд ва ҳуҷ роҳе ба ҷуз аз байн бурдани он сипари инсони набуд ҷоиз аст, ки

ин сипарро аз байн бибаранд. Шайхул Исломи ибни Таймия дар Маҷмуъатул Фатво мефармояд: “Уламо бар ин итифоқ доранд бар инки агар лашкари куфор аз мусалмонон асир ба унвони сипари инсонии истифода карданд ва тарс рафт, ки агар ин чанг **итифоқ наафтад** бар мусалмонон зарар бирасад, пас барости мусалмонон меҷанганд ҳар чанд мунҷар бар куштани мусалмонон асире, ки ба унвони сипар истифода мекунад, шавад” [Там же]. – досл. [Если неверные используют мусульман в качестве «живого щита», у моджахедов не остается другого выбора, чтобы огородить мусульман, как снять этот «живой щит» (имеется в виду, чтобы спасти одних мусульман, придется жертвовать другими). В связи с этим ибн Таймия говорит в «Маджмуат аль-Фатва»: «Ученые согласны с этим, потому что, если армия неверных использует мусульман в качестве «живого щита», (в результате у них [мусульман] исчезнет страх), что, если в этой войне мусульманам был нанесен ущерб, то мусульмане будут сражаться сколько угодно» и если эта война не союзная, она нанесет вред мусульманам, тогда мусульмане будут сражаться, сколько бы людей не убили мусульмане, пленники, которых используют в качестве щита также будут убиты].

В приведенном контексте сложные глаголы **қарор доданд**, **итифоқ наафтад**, взятые вне контекста, имеют несколько значений:

Существительное **қарор** имеет следующие значения: 1. *Ором, осоиш*; 2. *Оромӣ, оҳистагӣ*; 3. *Ист, ҷои ист, ҷойгоҳ; ҷой гирифтани*; 4. *Аҳд, қавл, муоҳида*; 5. *Низом, тартиб; қарору низом тартибу низом; қарор гирифтани а) ором ёфтани, осудани; истодани; б) устувор мондани дар ҷое, сахт истодани; қарор додани аҳд кардани, қавл додани; қарори чизе додани чизеро ба як тартибу низом овардани; қарор доштани дар як ҳолату вазъият будани; қарор ёфтани ором шудани, осоишта будани; ба тартибу низом даромадани; қарор кардани а) истодани, сукунат гирифтани, ҷой гирифтани; б) ором ёфтани, осудани; в) аҳд кардани, қарор додани* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 676]. – 1. *спокойный, тихий, мирный (о ком-л.)*; 2. *спокойно, тихо, мирно*; 3. *терпение, выдержка, выносливость*; 4. *покой*; 5. *спокойный; неподвижный (о чем-л.)*; 6. *кн. жилище; дом; обитель*.

В ПРС находим следующие значения: قرار [gärap] 1. 1) покой, спокойствие; قرار ندارد – он не знает покоя ни днем, ни ночью; 2) решение, постановление, резолюция; приговор; منع تعقيب قرار – юр. постановление о прекращении дела; 3) договор, соглашение; уговор; 4) правило; порядок; 5) книжн. устойчивость, прочность; стабильность; 2.: قرار از – отым. предлог за [каждый] (при плате, оплате); از قرار كيلويي – за каждый килограмм; از قرار صفحهاي – за каждую страницу; از قرار يکه – сложн. союз так, как; [в соответствии с тем] как; از قرار زير (ذيل) – следующим образом; (به) قرار زير (ذيل) – на основании имеющихся сведений; как [стало] известно; از اين قرار – таким образом, итак, следовательно; قرار بستن – а) заключать договор, соглашение; ب) گذاشتن قرار ; قرار دادن – а) ставить, устанавливать; располагать; б) редко давать покой; в) قرار بستن ; (روي , بر) قرار – а) основываться (на чем), опираться (на что , روي , بر); قرار زدن – редко предназначать, предопределять; قرار کردن – редко намереваться, решать; قرار گذاشتن – улаиваться, договариваться; قرار گرفتن – а) останавливаться; размещаться, располагаться; б) успокаиваться, утихать; قرار يافتن – а) укрепляться, упрочиваться [Персидско-русский словарь].

Как видим, словари не указывают узуальное контекстуальное значение сложного глагола *قرار دادن* – букв. *покой давать*. В приведенном контексте данный глагол получает значение *использовать как «живой щит»*.

Сложно установить также контекстуальное значение сложного глагола *иттифоқ наафтад*.

ФЗТ, ПРС и ТРС не исчерпывают всех значений, охватываемых смысловой структурой данного глагола.

В ФЗТ в семантической структуре слова *иттифоқ* *اتفاق* выделяются два значения: 1. *Тасодуф, бе сабаби зоҳирӣ ва ба гайри интизор воқеъ шудани коре;* 2. *Бо ҳамдигар мувофиқат кардан, ҳамфикр шудан; розигӣ, ҳамфикрӣ, муттафиқӣ, якдилӣ; иттиҳод* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 510].

В ТРС в семантической структуре *иттифоқ* *اتفاق* выделяются три значения: 1. *Союз; коалиция; блок; лига;* 2. *Единодушие, согласие; иттифоқ бастан (кардан) заключать союз, вступить в союз; объединяться в союз; иттифоқ шудан*

а) объединяться, быть в союзе; б) быть дружным, единомышленным; бо **итифоқ** зиндагони кардан жить в согласии; 3. Случай; **итифоқ афтодан** случаться [ПРС 2006: 256].

ПРС также выделяет в семантической структуре три лексико-семантических варианта: اتفاق [эттэфаг] 1. 1) случай; событие, происшествие; случайность; эпизод; 2) (взаимное) согласие; آرا اتفاق – единоегласие; единомышленные; آرا به اتفاق – единоегласно; единомышленно; 3) союз; коалиция; конфедерация; лига; تجاوزي اتفاق – агрессивный союз; تدافعي اتفاق – оборонительный союз; ملل اتفاق – ист. Лига наций; 2. اتفاق به – отым. предлог совместно с, вместе с; به اتفاق آنها – вместе с ними; 3. به اتفاق – см. باتفاق ; روي (از) اتفاق и اتفاق بر حسست – случайно; непредумышленно; اتفاق افقاند – случаться; происходить; کردن اتفاق – соединяться, объединяться; заключать союз [Персидско-русский словарь].

В приведенном контексте сложный глагол **иттифоқ наафтад** получает значение **вести войну с врагом**.

Таким образом, словари (толковые, двуязычные) далеко не всегда могут предложить переводчику то единственное нужное слово, которое требуется по контексту.

Семасиологическое описание глагольного слова, как отмечает А. А. Уфимцева, требует разграничить синтаксическую переходность и семантическую. Семантическая и синтаксическая переходность часто взаимодействуют друг с другом в конкретных речевых ситуациях. Если синтаксическая переходность требует прямого и косвенного дополнения с сохранением семантики глагольной единицы, то семантическая переходность требует наличие дополнения, которое изменяет семантику переходного глагола. Производность новой семантической значимости основывается на сходстве или не сходстве как семантической, так и не семантической переходности глагольной единицы, которая является не только номинативной единицей, но и выступает предикатом в рамках высказывания [Уфимцева 2010: 56].

Например, в данном контексте:

Албата қатли мусалмонон мавриди сипари воқеъи шуда шадидат мебошад, ба хотири инки куштани як мусалмони дигар чурмаш болотар аз ин аст, ки як мусалмон худаиро бикӯшад чун қатл гайр барои онҳо зулм ба шумор меояд ва барои онҳо ҳисоб мешавад ва зарараш мавриди ҳисоб воқеъ мешавад. [Там же]. – досл. [Убийство мусулман – это самое страшное преступление убийство другого мусульманина – большее преступление, чем убийство мусульманином самого себя].

В данном контексте сложный глагол **воқеъ мешавад** – а) *рӯй додан, ба вуқӯъ омадан, содир шудан, ҷой доштан*; б) *ҷо доштан ҷойгир шудан* – букв. *лицо давать, происшествие приходить, место держать – происходить, иметь место, возникать, находиться*. Его формальными дополнениями как распространителями лексической семантики в зависимости от реальной ситуации, интенции говорящего могут быть предметные локальные имена: *ин мадрасаи машхур ... дар шафати (мадрасаи) Кӯкалтош воқеъ шуда аст*. Данные дополнения являются конкретизатором значения глагольной единицы **воқеъ мешавад** и не способны менять значение последнего. При этом следует заметить, если в глагольную дистрибуцию оказывается предметное имя из семантического разряда одушевленных, то изменение претерпевает глагольное значение: *як мусалмон худаиро бикӯшад чун қатл гайр барои онҳо зулм ба шумор меояд ва барои онҳо ҳисоб мешавад ва зарараш мавриди ҳисоб воқеъ мешавад*, что означает *убийство другого мусульманина – большее преступление, чем убийство мусульманином самого себя*. Перевод на русский язык: *является убийством мусульманина самого себя*. Соответственно, в смысловой структуре глагола **воқеъ мешавад** появляется объектно-направленный лексико-семантический вариант.

Приведем еще примеры:

Касоне, ки дар гирифтани рузаи рамазон танбали мекунанд ва ба баҳонаҳои дуругин меҳоҳанд аз амал кардани ин фаризаи Аллоҳ саркаши кунанд, ҳукм ё ноиби у масулият дорад чунин ашхосро боз пурс кунад ва уро ҷазои сангин бидиҳад то ибрат ва панд барои ӯ ва дигарон гардад. – досл. [Те, кто ленится поститься в Рамадан и находят всякие отговорки, чтобы не выполнять данное

предписание Аллаха, им предстоит ответить за это и они будут жестоко наказаны, чтобы они стали примером для других (их наказания будут назиданием для других)].

Ва вачҳи далолати тарс (сипар қарор додани инсон) дар ин маврид, ки ҷоиз аст бар куфор ҳамла шавад, ҳар чанд мунҷир ба қатли мусалмонон ба дасти мусалмонони дигар бошад ва аслиҳаҳояшон шавад [Там же]. – [И знамением для вас (является) то, что дозволено нападать на неверных [неверующих], даже если это (произойдет) от рук (других) верующих, и если это (произойдет) от их рук (в битве при Ухуде), и если это (произойдет) от их оружия].

Как отмечает А.А. Уфимцева, при внешней дистрибуции происходит распространение глагольного значения на семантику актуализированных конструкций. Автор выделяет внешние и внутренние имплицитные свойства. Если при внутренней происходит «включение» в глагольную номинацию, то при внешней имплицитности «восполняется» глагольный признак [Уфимцева 2010: 146] «Говоря о синтагматической значимости глагольных лексем, преобладающих над номинативной их значимостью, мы имеем в виду сферу объективных характеристик глагола; его первая смысловая валентность – наиболее сложная, запутанная часть глагольного узла, в которой локализуются лексические и синтаксические категории и их связи, тесно взаимодействуя и дополняя друг друга» [Уфимцева 2010: 134]. В лингвистической науке имеются следующие позиции относительно глагольной валентности. Например, одни ученые рассматривают валентность как «взаимоположение» [Вейнрейх 1981], «семантический падеж» [Филлмор 1983], «семантический актанта» [Апресян 1967], «объектная синтаксема» [Мухин 1977]. При семантическом исследовании значение глагольной единицы, учитывая не только номинативный аспект, но и синтагматический, необходимо определить границы варьирования глаголов. Разные смысловые взаимоотношения компонентов, образующих предикатно-субстантивные конструкции, выявляют сферу объектных свойств глагольных единиц, а также область семантических распространителей их лексического значения [Уфимцева 2010].

Частично мотивированные. Следующая группа моделированных СГ – частично мотивированные [Рубинчик 1986].

В качестве компонирующих глаголов СГ с частично мотивированным значением используются простые глаголы с конкретным лексическим значением: *زند* – бить; *خوردن* – есть; *ساختن* – строить; *فرمودن* – приказывать и др.

Ва ончи аз неру дар тавон доред, барои (муқобила) бо онҳо омода созад ва (ҳамчунин) аз асбони баста (ё варзида муҳаё кунед) то ба василаи он душмани Аллоҳ ва душмани худро битарсонед. – досл. [И приготовьтесь, насколько вы можете (сражаться) против них, и (также) приготовьте запряженных (или дрессированных) лошадей, чтобы вы могли напугать как врагов Аллаха, так и своих врагов].

Ислом яъне таслим шудан бар Аллоҳ таъолло ва ба авомир ва навоҳи у гардан ниҳодан ва дури аз ширк овардан ба Аллоҳ аст [Там же]. – досл. [Ислам означает подчинение Всевышнему Аллаху, повиновение Его заповедям и воздержание от ширка перед Аллахом].

Дар татрас илат ва ончизе, ки илат ба он васл аст ҳосилаш ин мешавад, ки метавон ба душман зарба зад ва онҳоро аз байн бурд ҳар чанд мусалмонехам кушта шавад дар натиҷаи қурбони шудани мусалмонон мавриди сипари вақеъи шударо ба ҳамроҳ дорад. Ва сабабаи ҳамла бар душман ва зарба задан ба онҳо мебошад, ки ин масъала дар амалёти истишҳодӣ як муҷоҳид бо ҷони худаи барои расидан ба душман ва зарба задан ба у ба вузӯҳ дида мешавад [Там же]. – досл. [... суть в том, что можно атаковать врага и уничтожить его, независимо от того, сколько мусульман будет убито, принесено в жертву. Главное напасть на врага и уничтожить его. Тому яркий пример – теракт, совершенный моджахедом (он взорвал себя, чтобы добраться до врага и поразить его)].

Он ҳам замоне, ки нияти анҷомдиҳандаи он холис бошад аз роҷеҳтарин сабабҳои ҷиҳодӣ ва зиди душман мебошад чун зарботи вайронгари аз қабили марг ва захми шудан ба онон водор мекунад, ҳамроҳи инҳо рағб ва тарси шадидро низ дар байни онҳо эҷод мекунад ва ҷуръати мусалмонро бар онҳо афзоиши медиҳад ва қулуби онҳор тақвият мекунад ва қулуби душманро

меҳаросонад ва руҳияи онҳоро поён меоварад ва зарба ва кина ва ихонат ба душманони Исломо ба ҳамроҳ дорад ва ғайр аз инҳо низ маслиҳатҳои ҷиҳоди дигарро низ дар бар дорад [Там же]. – *досл.* [Это также время, когда намерение его совершителя чисто, является одним из лучших джихадистских мотивов и противостояния врагу, поскольку «разрушительные заклинания» – смерть и ранение, побуждают их (кто совершает джихад) к этому, он (Господь) также ослабевает их (врагов) и наводит на них страх, и увеличивает мужество мусульман над ними, и укрепляет их позиции, пугает врагов, ослабевает их умы, наносит удары, и злобу, окружает врагов ислама, кроме того, он дает советы джихадистам].

Трудности при переводе данных видов глаголов обусловлены регулярным изменением лексического значения вспомогательного глагола, входящего в структуру моделированного сложного глагола, в зависимости от контекста.

3.1.2. Немоделированные сложные глаголы

Глагольные единицы, которые образуют данный тип СГ в семантическом и структурном планах не взаимообусловлены. Вспомогательный глагол значительно теряет свою формальную роль. Следует заметить, что в языках иранской группы преобладает данный вид глаголов [Рубинчик 2001: 223].

В ходе анализа мусульманских аудиозаписей нами были выявлены следующие семантические группы немоделированных СГ:

1. СГ с немотивированным значением.
2. СГ с частично мотивированным значением.
3. СГ с мотивированным значением.

СГ с немотивированным значением отличаются своей экспрессивностью.

Примеры из РТ:

Моҳам дар ҷавоб мегуем: интавр нест чун дар масъалаи татрас ва сипар қарор додани мусалмонон, мусалмон бо даст ва аслиҳаи мусалмон кушта мешавад ба ҳамин хотир қатли мусалмон мавриди сипар воқеъ шуда дар боби қатлҳои маъсият, ки шомили азоб ва ваъда ва ваъийд мебошад, қарор намегирад [Там

же]. – *досл.* [В ответ скажем, что это – не то же самое. Мусульман убивают руками и оружием мусульман, поэтому убийство мусульманина прикрывается «щитом» (имеется в виду, что он защищен Богом) и не является убийством, предполагающим наказание].

В СГ с частично мотивированным значением один из компонентов утрачивает свое лексическое значение.

*Ҳарчиро, ки гуфтем бар ин далолат мекунад, ки барои як муҷоҳид ҷоиз мебошад, худаширо дар сафи душман **фурӯ кунад** ва амалёти истишҳодӣ анҷом диҳад ва ба хотири ҷиҳод ва зарба задан ба душман нафси худаширо аз байн бибарад* [Там же]. – *досл.* [Все, что мы сказали, указывает на то, что моджахедам дозволено скрываться в рядах врага и проводить террористические акты, и уничтожать «свою душу» ради Джихада и нападать на врага].

*Тамоми ин шеваҳо ҷоиз мебошад ва дар **боби ҷиҳод омадаст** бахотири ин, ки дар боби ҷиҳод маслиҳатҳои азиме вуҷуд дорад, аз масоили зиёде **чаимпуши мешавад**, ки ин чаимпушиҳо дар масоили дигар вуҷуд надорад монанди: дуруг гуфтан, макр ва фиреб ҳамонтавре, ки дар сунат омадааст ва дар ҷавози куштани касе омадааст, ки дар асл ҷоиз нест ва ин дар масъалаи ҷиҳод асл мебошад, ки ҳаминтавр, ки мебинед масъалаи амалёти истишҳодӣ дар ин боб дохил шудааст* [Там же]. – *досл.* [Все эти приемы допустимы и в главе о джихад есть доказательства этому. Глава «джихад» содержит огромное количество советов и ответы на вопросы, которые нигде больше не освещаются, в частности, такие как: ложь, хитрость, обман. В сунне также говорится об этом. Здесь также говорится об убийстве, то есть разрешение на убийство (самого себя), что в действительности не допускается. Но при совершении джихад, оно уместно. Таким образом, совершение террористического акта также является частью джихад (входит в него)].

Приведем еще примеры из РТ:

*Пайгамбар (ﷺ) мебошад ки мефармояд: «Бо фазилат тарин **ҷиҳод гуфтани** калима ҳақ назди подшоҳ аст» **ҷоиз мебошад**.* – *досл.* [Пророк (да

благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Поистине, слово Истины у царя – самое благородное в сражении!» (Сура «Ан-Ниса», аят 17)].

Аз демукросӣ ва низоми ҷумҳуриятҳо мутаассир шуда ба ном мусалмонон аксаран ба Хилофати Исломи тӯҳматҳоро мечаспонанд. – досл. [Под влиянием демократии и республиканской системы, так называемые мусульмане, часто клеветают на исламский халифат].

Самыми малочисленными среди немоделированных СГ являются глаголы с мотивированным значением:

Ба ҳамин тартиб соибони амволи тиҷорат ва мавоши ва заминдороне, ки аз кишт ва заръи заминҳояшон истифода мекунанд бояд закот ва ӯшири онро бипардозанд [Там же]. – досл. [Точно так же владельцы коммерческой собственности и землевладельцы, которые используют свою землю для посева, должны платить закят и налоги].

Причастия в составе сложных глаголов

Муҳаммад фиристодаи Аллоҳ аст ва намоз барпо дори ва закоти мол бидиҳи ва рузаи моҳи рамазонро гири ва агар тавонои дошта боши ҳақи хонаи Аллоҳ бирави. – досл. [Мухаммад – посланник Аллаха, и он должен молиться, платить закят и поститься в месяц Рамадан, и если он в состоянии, он должен совершить паломничество в дом Аллаха].

Ва ончи аз ахбори гузашта ва ояндаро, ки он ҳазрат хабар дода аст тасдиқ намояд [Там же]. – досл. [И чтобы подтвердить новости прошлого и будущего, которые он сообщил].

Маънои Муҳаммадан Расулуллоҳ ин аст, ки мусалмонон ба нубуват ва рисолати у аз аъмоқи қалб имон дошта бошанд ва дар ин гувоҳи қалб ва забонаш бо ҳам мувофиқ бошад. – досл. [Смысл Мухаммеда Расулюллаха в том, что мусульмане должны верить в его пророчество и миссию всем сердцем, и в этом свидетельство сердца и языка должны быть согласованы друг с другом – то, что в сердцах, должно быть и на устах].

Ин чунин ашхос аз назари шарифати исломи кофир шуморида шуда дар сафи мустакбирин монанди Иблис ва Фиръавн қарор гирифта аст ва монанди

кофир ва тогутҳо бо вай таъомул сурат мегирад [Там же]. – досл. [Согласно исламскому закону, эти люди считаются неверными и они подобны дьяволу и кормятся вместе с ними подобно неверным и тогутам (язычники)].

Немоделированные СГ, в связи с утратой компонентами значений (в определенном контексте), не обладают единой структурно-семантической моделью, что осложняет процесс перевода.

3.1.3. Сложные глаголы с предлогами в именной части

Анализ глагольных словосочетаний с предлогами показал, что они обладают рядом специфических особенностей. Все предложные сложные глаголы имеют одинаковое строение: «предлог + именная часть + компонирующий глагол». В роли именной части предложных СГ выступают имена существительные, указательные местоимения. Многие предложные СГ образуются на основе одних и тех же существительных, изменяются только компонирующие глаголы и предлоги. Важным показателем устойчивости глагольных словосочетаний с предлогами и превращения их в СГ является утрата одним или всеми компонентами лексических значений. Из собственно предлогов в образовании СГ участвуют только предлоги *аз – из, с; бар – на; дар – на, в; ба – в, к, на*, обычно выражающие пространственные и временные отношения. В составе сложных глаголов эти предлоги часто утрачивают свое значение. Данные предлоги играют важную роль в выражении того или иного значения. Особенно заметна их роль в тех случаях, когда СГ имеют одинаковые именные части или компонирующие глаголы, что необходимо учитывать при переводе.

Например:

Яке аз муҷоҳиддин ба василаи мунфаҷирот (бомба) худро омода мекунад ва онро мисли як ҷалийқа бар танаиш мекунад ё маводро дар ҷейбаи ҷо сози мекунад ё онро дар васоилаш мегузорад ё мошинашро аз башақиҳои инфичорӣ муҷаҳаз мекунад сипас ба ҷои душман ҳамла мекунад ё дар зоҳир худаширо таслим нишон медиҳад, сипас ба нияти шаҳодат ва муҷоробаи душман ва зарба ба онон мезанад, ҷонаширо фидо мекунад ва худаширо мунфаҷир мекунад (моделирующие)

[Там же]. – *досл.* [Один из моджахедов подготавливает себе взрывчатку и носит ее с собой, либо оставляет в своей машине, либо снаряжает свой автомобиль взрывными устройствами, затем «атакует» противника; либо сдается в плен сам, доказывая этим, что готов сразиться с врагом, затем, намереваясь стать мучеником убивает их, жертвует своей жизнью – взрывает себя].

Ва барости амалётҳои истишҳодӣ ба ин шева амали машҳур ва ҷузъе аз ҷиҳоди фий сабилллоҳ мебошад. – *досл.* [И выполнение операций *истишҳад* – привести в действие взрывное устройство – является известным действием и частью джихада во имя Аллах – имеется в виду «совершение террористического акта является частью джихада»].

Ва қулуби душманонро меҳаросонад ва руҳияи онҳоро поён меоварад ва зарба ва кина ва ихонат ба душманони Исломо ба ҳамроҳ дорад ва гайр аз инҳо низ маслиҳатҳои ҷиҳоди дигареро низ дар бар дорад [Там же]. – *досл.* [И он устрашает сердца врагов и ослабевает их боевой дух, и вселяет в них злобу и ненависть, окружает врагов ислама, помимо этого содержит и другие советы по джихаду].

Особенно ярко видна разница между свободными глагольными словосочетаниями и предложными СГ, если случаи сохранения значений предлогов и существительных сравнить со случаями изменения их значений в составе предложных СГ:

Аз мардумон касе ҳастанд,ки ҷони худро барои ба даст овардани хушнуди Аллоҳ мефурушанд ва Аллоҳ нисбат ба бандагон меҳрубон аст [Там же]. – *досл.* [Среди людей есть такие, которые продают свою жизнь, чтобы снискать довольство Аллаха, а Аллах милостив к Своим рабам].

В данном контексте *ба даст овардан* – букв. *в руки приносить* – *взять в свои руки* – предложный СГ.

Ва эмом Нававий Дар дар шарҳи Муслим мефармояд: «уламо мутафиқ ҳастанд бар ин ки шахсе бар дохили душман меравад ва дар ҷиҳод аз байн меравад» ва инро дар шарҳи ҳадиси (ғазваи зийқард) оварда аст. – *досл.* [И имам Навави Дар в толковании мусульманского хадиса говорит: «Ученые

согласны с тем, что человек проникает в логово врага и погибает в джихаде», он упомянул об этом в толковании своего хадиса].

Среди предложных СГ чаще встречаются глаголы с экспрессивно окрашенным значением:

Агар аз корҳои кардаи худ пушаймон нашавед, пас дар дунё ва охираат ба зиллат ва шармандагӣ рӯ ба рӯ хоҳед шуд бо изни Аллоҳ [Там же]. – *досл.* [Если вы не пожалеете о содеянном, то вас ждет унижение и позор в этом мире и в будущем, с позволения Аллаха].

Все приведенные выше предложные СГ представляют собой моделированные образования. Компонирующий глагол и соответствующий предлог выступают как моделирующие элементы, на основе которых образуются серии моделированных сложных глаголов, осложняющих перевод РТ.

Следует заметить, что моделированным предложным СГ противостоят немоделированные СГ, которые в связи с утратой компонентами значений не обладают единой структурно-семантической моделью:

Баъд аз эълони Хилофат то ба ҳол бар муҷоҳидини Хилофати Исломи кадом таклифҳои расида ва корҳои бар сараи омадаро бар шумо баён мекунам. – *досл.* [После объявления Халифат я расскажу вам, какие предложения были получены, и что до сих пор произошло с моджахедами Исламского Халифата].

Предлоги, входящие в структуру СГ играют важную роль в выражении того или иного значения. Особенно заметна их роль в тех случаях, когда СГ имеют одинаковые именные части или компонирующие глаголы, что необходимо учитывать при переводе.

3.1.4. Рамочные конструкции

Особую трудность для перевода представляют также рамочные конструкции – особое построение глагольных фразеологических единиц, при котором между постоянными членами фразеологизмов «вклиниваются» одно или несколько слов, не входящих ни структурно, ни семантически в их состав.

В таджикской (персидской) лингвистике такое разобщенное построение называется рамочной конструкцией [Рубинчик 2001: 233].

Рамочная конструкция в таджикском (персидском) языке охватывает фразеологизмы, соотносимые по своему строению как со словосочетаниями, так и с предложениями. Она не только относится к сфере стилистических средств, но и выступает как постоянная структурная модель многих фразеологических единиц.

Фразеологические единицы, имеющие не только контактное, но и дистантное положение компонентов, образуют факультативную рамочную конструкцию. Она свойственна преимущественно сложным глаголам. В таких случаях рамочное и нерамочное построение одного и того же фразеологизма выступает как коррелятивная пара.

Например:

Ва қулуби душманонро меҳаросонад ва руҳияи онҳоро поён меоварад *ва зарба ва кина ва ихонат ба душманони Исломо ба ҳамроҳ дорад ва гайр аз инҳо низ маслиҳатҳои ҷиҳоди дигарро низ дар бар дорад* [Там же]. – *досл.* [И он устрашает сердца врагов и ослабевает их боевой дух, и помогает наносить удары врагам, усиливает ненависть к врагам Ислама. Помимо этого содержит и другие советы по джихаду].

В данном контексте СГ **Ва қулуби меҳаросонад**, у которого именная часть и компонирующий глагол находятся в контактном положении, может образовать рамочную конструкцию **Ва қулуби душманонро меҳаросонад**, которая представляет собой дистантное построение СГ (между именной частью и компонирующим глаголом «вклинивается» непостоянный компонент **душманонро – врагов**).

Факультативная рамочная конструкция дает возможность дифференцированно выразить различные оттенки высказывания.

Факультативной рамочной конструкции противостоит постоянная рамочная конструкция, характерная главным образом для многочленных глагольных фразеологизмов и фразеологизмов-предложений. Постоянная рамочная конструкция представляет собой единственное допустимое построение как

устойчивая структурная модель данной фразеологической единицы. Она встречается в глагольных фразеологизмах, состоящих из двух, трех и более постоянных членов.

Например, в следующих контекстах:

Намоз сүтүни ислом аст ва марз миёни кофир ва мусалмон шуморида мешавад. – досл. [Молитва является столпом ислама и считается границей между неверным и мусульманином].

*Уламо дар мавриди сарнавишти тарқунандаи намоз ихтилоф доранд, лекин аксарияти онон бар ин ақидаанд, ки агар шахс бидуни узри шаръӣ ва аз руи намозро аз руи вақти таъиншудааш **таъхир кунад** муртакиби гуноҳи бузург шудааст пас бояд ҳоким аз у бихоҳад, ки тавба кунад ва дубора муртакиби ин **ҷурми бузург нашавад**, агар тавба накард назар ба ҳукми қуръон кушта шавад* [Там же]. – досл. [Ученые расходятся во мнениях относительно судьбы не совершающего намаз, но большинство единогласны в том, что если человек совершил тяжкий грех (отказывается от намаза), не имея на то законных оснований, и откладывает намаз в установленный срок, то правитель должен попросить его покаяться и не повторять этого тяжкого преступления, а если он не раскается, то будет убит в соответствии с Кораном].

*Ва агар касе намозро **аз руи инкор тарк кунад** кофир буда ва муртад гардида **ва бояд кушта шавад**.* – досл. [А если кто оставит намаз из-за отрицания его, то он неверующий и стал отступником, и должен быть убит].

При образовании факультативной рамочной конструкции, несмотря на отрыв именной части от компонирующего глагола, между ними сохраняется устойчивая фразеологическая связь, и они выступают в предложении как единый член – сказуемое. Поскольку при факультативной рамочной конструкции допустимо также и контактное построение фразеологизма, возникает вопрос: приводит ли изменение способа подчинительной связи в случае образования рамочной конструкции к изменению функции второстепенного члена. Анализ случаев употребления рамочных видов дополнений и обстоятельственных членов

в роли вставочного компонента дает основание ответить на этот вопрос отрицательно.

Наибольшие трудности вызывает отграничение рамочной конструкции СГ, которая обычно факультативна, от постоянной рамочной конструкции многочленного глагольного фразеологизма. «Практически это делается следующим образом: выясняется, обязательно ли наличие вставочного компонента для реализации значения глагольной фразеологической единицы и постоянно ли место переменных между именной и глагольной частями» [Веретенников 1993: 34]. При положительном ответе на эти вопросы мы имеем дело с рамочной конструкцией многочленного фразеологизма.

Выделяются два основных вида рамочного построения двухкомпонентных глагольных фразеологизмов.

1. Некоторые сложные глаголы всегда имеют постоянную рамочную конструкцию, когда они включают в свой состав показатель объекта. Без дополнения сложный глагол, сохраняя то же значение, имеет контактное построение. Главным основанием для отнесения данной глагольной фразеологической единицы к СГ является то, что при рамочном и нерамочном построении значение остается неизменным.

Например:

*Фарзанди худро дар ҳафт солағӣ амр намоед ва дар даҳ солағӣ онҳоро **ба хотири тарки намоз бизанед** ва хобгоҳашонро ҷудо кунед* [Там же]. – досл. [Приказывайте своему ребенку (совершить намаз) в возрасте семи лет, а в возрасте десяти отшлепайте (ударьте) его за то, что он оставил молитву, и отделите его спальню (у него должна быть отдельная спальня)].

СГ данного типа в случаях, когда возникает необходимость выразить объект действия, имеют рамочную конструкцию: *ба хотири **тарки намоз** бизанед* – из-за отказа совершить намаз, накажите его.

Другой случай рамочной конструкции связан с отграничением сложного глагола от многочленного фразеологизма. При вхождении СГ в состав такого фразеологизма возникает необходимость установить, действительно ли данное

глагольное словосочетание является фразеологизмом или это обычное рамочное построение СГ.

1. СГ, имеющий форму рамочной конструкции, теряет свое значение.

Например:

Ва дар даҳ солагӣ уро тавсия кунад, ва дар сурати лавозим ба хотири одоб уро бизанад, то тифл ба адои намоз одат бизирад ва дар натиҷа вақте болиғ мешавад ва намоз бар ӯ фарз мегардад бо шавқ ва разбат ва камоли майли худ ба адои намоз рӯй меоварад [Там же]. – досл. [А когда ему исполнится десять лет, ему необходимо посоветовать, а если надо, побить (наказать) его, чтобы ребенок привык к совершению намаза, и в результате, когда он станет взрослым и молитва станет для него обязательной, он будет совершать молитву с интересом и желанием].

Такие глагольные фразеологические единицы не могут рассматриваться как рамочные конструкции СГ: они получают совершенно новое значение и являются типичными многочленными глагольными фразеологизмами.

2. СГ, сохраняя свое значение, в сочетании с определенными словами, которые также сохраняют свое значение, выступают всегда в форме рамочной конструкции. Вставочный компонент становится членом фразеологической единицы, в результате все сочетание следует рассматривать как многочленный глагольный фразеологизм. Данная подгруппа является самой продуктивной.

Пайгамбар фармуд: «Ҳеҷ соҳиби тилло ва нуқрае нест, ки ҳақи он (закотаи) ро аз он пардохт накунад, магар инки дар рузи қиёмат барояш тахтаҳое аз отаи сохта шуда ва дар отаи чаҳанам доғ гардида паҳлу ва пешони ва пуштаи бадон доғ карда мешавад рузе, ки ба андозаи пачоҳ ҳазор сол аст то дар миёни бандагон ҳукм сурат гирифта ва у роҳашро ба сӯи биҳишт ё дузах бибинад [Там же]. – досл. [Пророк сказал: «Нет владельца золота или серебра, который не платил бы закят с него, если только в День Воскресения для него не будут сделаны доски из огня, и он будет «зажарен» (гореть в огне) в огне ада, его бок, лоб и спина будут зажарены, данное наказание будет длиться

около пятидесяти тысяч лет, пока среди слуг не будет произведен суд, и он не найдет свой путь в рай или в ад].

Сложность рамочной конструкции при передаче ее значения в русском языке состоит в том, что она способна создавать «напряжение» в предложении, которое из-за разрыва между дискретными частями и их дифференциации заставляет в максимальной мере ощущать незавершенность высказывания.

3.2. Лексико-семантические модификации при переводе глаголов

Раскрытие контекстуальных значений в процессе перевода часто подчинено определенным логико-семантическим закономерностям. Логическая основа переводческого процесса ясна уже из того, что в двух сопоставляемых языках тождественность значения слов или высказывания зависит от тождественности передаваемого ими понятия. Связь между логикой и переводом определяется в курсе логики следующим образом: «Неявными определениями мы пользуемся, например, и тогда, когда при чтении книг нам потребуется определить значение незнакомого термина. Этого мы достигаем с помощью анализа того контекста, в котором употребляется данный термин. В процессе этого анализа мы устанавливаем различные смысловые связи и отношения между термином, значение которого требуется определить, и другими словами, значение которых нам хорошо известно. Подобные случаи очень часто встречаются при переводе с иностранного языка на русский язык» [Рецкер 2007: 46].

Особых приемов при переводе требуют языковые единицы, выражающие различные значения в зависимости от ситуации, подтекста (скрытого намерения или установки участников коммуникации) и контекста. Для того чтобы найти соответствия для таких языковых единиц, необходимо внимательно изучить словарную статью, иногда даже включая анализ словарных статей из различных лексикографических источников, и сопоставить словарные значения слов с возможным контекстуальным значением.

Результаты такого исследования часто показывают, что лексическая единица исходного языка часто не имеет однозначного эквивалента в

переводящем языке либо не имеет полного эквивалента. «Виновниками» в подобных случаях являются не только многозначные единицы, но и однозначные слова, которые имеют разные функциональные характеристики как в исходном языке, так и в переводящем. Здесь важным оказывается не сама лексическая единица, а то значение, которое она получает в контексте исходного высказывания. Переводчики в подобных случаях прибегают к переводческим преобразованиям. В число таких переводческих трансформаций входят:

1. Дифференциация значений.
2. Конкретизация значений.
3. Генерализация значений.
4. Смысловое развитие.
5. Антонимический перевод.
6. Прием целостного преобразования.
7. Описательный перевод [Рецкер 2007; Казакова 2001].

Как показали результаты исследования, отдельные приемы трансформации нередко совмещаются. Это наблюдается главным образом в отношении дифференциации и конкретизации, которые сочетаются друг с другом.

Согласно точке зрения В. Г. Гак, все лексические трансформации основаны на формально-логических отношениях между понятиями [Гак 1988: 34]. Разная внутренняя форма слов, называющих один и тот же предмет (понятие) в разных языках, обуславливает необходимость учета специфики каждого языка при выборе приемов трансформации.

Перевод лексических единиц в РТ показал, что наиболее распространенным приемом являются дифференциация и конкретизация. Данный факт объясняется обилием в таджикском (персидском) языке и дари, а также в арабском языке лексических единиц с широкой семантикой, не имеющих прямого соответствия в русском языке.

Дифференциация значений. Как было отмечено выше, в таджикском (персидском) языке многие слова с широкой семантикой не имеют полного соответствия в русском языке. Словарные соответствия в их совокупности не

охватывают полностью широкой семантики слова исходного языка. Обычно приемы дифференциации и конкретизации сопутствуют друг другу.

В следующем контексте:

Оё ғамалёти истишходӣ ҷоиз аст ки фард худаширо мунфаҷир мекунад!? – Уместен ли теракт, при котором человек взрывает себя?! [Там же].

Значение сложного глагола истишходӣ ҷоиз аст не имеет словарного значения *привести взрывное устройство в действие*, а означает 1) *приглашение в свидетели; письменное свидетельство; требование свидетельского показания*; 2) *погибнуть за правое дело* [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 505]. В арабско-русском словаре находим также значения **استشهاد** 1) *приведение (чего-л.) в качестве свидетельства, ссылка; цитата*; 2) *кончина, мученическая смерть* (за идею, веру, правое дело и т. п.) [БАРС]. Словарные соответствия в данном случае неприемлемы. Существительное *амалиёт* также потребует трансформации *привести в действие что-либо*. Следовательно, контекст не только выявляет значение глагола истишходӣ ҷоиз аст, но и конкретизирует его.

Дифференциация без конкретизации возможна, когда нужно передать значение слова без его уточнения в переводе. Неправильно конкретизировать то, что намеренно завуалировано в подлиннике [Рецкер 2007: 48].

Конкретизация значений. В отличие от дифференциации, которая возможна и без конкретизации значения, последняя всегда сопровождается дифференциацией и невозможна без нее [Рецкер 2007: 50].

В ходе анализа фактического материала было выявлено немало глаголов с широкой семантикой, требующих дифференциации и конкретизации при переводе на русский язык.

Например, глагол *поён овардан* в зависимости от того, с каким компонирующим глаголом употребляется, имеет значения *положить конец, завершить, опускаться, кланяться, снижаться, падать, завершаться* и т. д., но в следующем контексте конкретизируется:

Бо душманонашон мечанганд ва онҳоро аз шидаташон поин меоваранд ва ин корро аз тариқае анҷом медиҳанд – они воюют со своими врагами и уничтожают их.

Всякая лексико-семантическая модификация требует от переводчика чувства меры и досконального знания переводимого текста и связанной с ним обстановки.

Генерализация значений. Расширение (генерализация) исходного значения имеет место в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке. Например, в следующем контексте глагол *нафсаи ро фидо кардан* соответствует русскому слову *погибнуть (пожертвовать)* – букв. *душу пожертвовать*:

Ин гулом нафсаи ро ба хотири маслиҳати мусалмонон фидо кард ва сабаби маргаш шуд. – Он [раб] пожертвовал своей жизнью ради жизни мусульман.

Глагол *фидо кард* обладает гораздо более широким спектром значений и для информационного упорядочения требует специальных контекстов:

Фидо кардан чизеро – қурбан ва садақа кардан чизеро барои касе (чизе), ба хотири касе аз баҳри чизе гузоштан – пожертвовать чем(кем)-либо; милостыню подавать; оставлять что-то ради кого-то; садақа радди бало – подайте Христа ради.

Необходимость генерализации может быть вызвана и опасностью искажения смысла при переводе слова или словосочетания его словарным соответствием. Сложный глагол *бар сараш омада* имеет значение *ба охир расидан, анҷом ёфтан, тамом шудан – заканчиваться, завершаться, выполняться; исполняться, осуществляться.*

В следующем контексте *бар сараш омада* не имеет словарных значений и переводится как: *испытать* (т. е. использован прием генерализации):

Баъд аз эълони Хилофат то ба ҳол бар муҷоҳидини Хилофати Исломи кадом таклифҳои расида ва қорҳое бар сараш омадаро бар шумо баён мекунам

[Там же]. – Я расскажу вам, что пришлось **испытать** моджахедам, начиная с момента объявления Халифат и по настоящее время.

Прием смыслового развития. Смысловое развитие – прием, при котором значение слова или словосочетания иностранного языка можно вывести логическим путем из начального значения. Следует заметить, что в теории переводческих трансформаций наряду с термином смысловое развитие используются термины логическое развитие и иногда метонимический перевод. «Можно спорить о большей или меньшей удачности каждого из этих терминов, но все они подразумевают один и тот же прием» [Рецкер 2007: 52].

Например, выражение **итлоқ мегардад** при переводе вызывает затруднение прежде всего потому, что ни одно из зафиксированных таджикско (персидско) - русским словарем [ТРС 2006: 255; ПРС] значений глагола **освобождать, уплачивать, давать развод жене** не подходит к данному контексту; вместо них можно использовать русское функциональное соответствие **соответствовать друг другу**:

*Ибодат исми ҷомеъе аст, ки бар ҳаммаи ақвол ва аъмоли зоҳири ва ботини, ки Аллоҳ бар он розӣ ва **хушнуд мешавад** итлоқ мегардад* [Там же]. – Ибодат – когда наши слова, мысли и поступки соответствуют друг другу. И Аллах доволен нами.

*Агар шахсе яке аз аркони панҷгонаи исломро инкор кунад, ё аз баъзе ин аркон саркаши кунад, **ҳукми чунин ашхос** аз назари шарият чист? – Если человек отрицает хотя бы один из столпов ислама, то каковы последствия такого поведения с точки зрения шариата?*

Прием смыслового развития нередко может быть продиктован различием сочетаемости слов в исходном и переводящем языках. Например, сложный глагол **ҷонҳояшон ва амволашонро харидааст** – *купить души и имущество*. Однако, чтобы сохранить образность, можно применить прием смыслового развития в переводе:

*Беғумон Аллоҳ аз муъминон ҷонҳояшон ва амволашонро **харидааст**, ба (баҳое) инки бихишт барои онҳо **бошад**. (бадин сурат) ки дар роҳи Аллоҳ ҷанг*

мекунанд, пас мекушанд ва кушта мешаванд [Там же]. – [Воистину, **принял** Аллах у верующих **жизнь их и имущество** в обмен на рай, уготованный им. И будут они сражаться во имя Аллаха, убивая и погибая].

Антонимический перевод – прием смыслового развития, представляющий собой замену какого-либо понятия, выраженного в оригинале, противоположным понятием в переводе с соответствующей перестройкой всего высказывания для сохранения неизменного плана содержания [Рецкер 2007: 55].

В большинстве случаев использование противоположного понятия в переводе влечет за собой замену утвердительного предложения отрицательным или отрицательного – утвердительным.

Феъли Абдуллоҳ ибни Ҳанзала дар яке аз маъракаҳо ҷангид ва сипараширо парт кард ва онқадар ҷангид то кушта шуд, ибни Наҳос онро дар машориъ овардааст [URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. В одной из своих книг Ибн Нахс приводит пример героизма Абдуллаха Ханзала, который в одном из походов, сбросив щит, воевал до тех пор, пока не был убит (сражался до последнего дыхания).

В данном контексте утвердительную конструкцию оригинала мы заменили в переводе отрицательной. Менее естественно было бы сохранить в переводе структуру подлинника: *воевал, пока был убит*.

Абухудард Аласламӣ ва ду то дустонаш,ки бар лашкари азим ҳамла карданд ки теъдодашон камтар аз чаҳор нафар буд Аллоҳ таъолло онҳоро бар мушрикин пируз кард,ки ибни Ҳишом ва ибни Наҳос дар сийра ва машуриъ онро нақл кардаанд [URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. [Под натиском превосходящих сил противника, Абухудард Аласламӣ и его сподвижники двинули свой отряд. Всевышний Аллах даровал им победу над многобожниками, о чем передали Ибн Хишам и Ибн Нахас].

Феъли Бароъ ибни Молик (عنهم هلا رضي) (дар маракаи \Ямома\ки уро бар сипар саворкарданд ва сипарро баруи найзаҳо гузоштанд ва бо қудрат онро баруи душман партоб карданд ки онқадар ҷангид то тавонист дарро боз кунад ва ҳеҷ кадоме аз асҳоб низ мункари ин кор нашуданд ин достон дар китоби сира

дар боби табаруъ бо таъаруз ал қитал ва дар тафсири Қуртубӣ ва таърихи Табарӣ омадааст...

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *досл.*
[Подвиг Бара ибн Малика (عنهم هلا رضي) в битве при Ямаме. Находясь в кольце безжалостной осады, он яростно сражался с врагом, не зная страха. Он один прорвал вражескую оборону. Этот подвиг не отрицают также его сподвижники. Он (подвиг) упоминается в книгах Куртуба и Табари].

Антонимический перевод часто может быть единственной возможностью правильной передачи мысли, когда прямой перевод приводит к абсурду. В следующем контексте прямой перевод конструкции **мо ноумед нестем – мы не есть не потерять надежду**. Только антонимическая замена глагола **ноумед нестем** делает эту фразу осмысленной в переводе:

Таваҷҷӯҳ: баъди кулли ин таклифҳо ва корҳо, боз ҳам мо ноумед нестем. Мо хеле наздик омадани ҳастем бо изни Аллоҳ. Мо фаррорун нестем балки каррорун ҳастем иншооллоҳ

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – *досл.* [**Мы верим в победу, вопреки всем невгодам мы близки к Аллаху. Мы полны решимости**].

Прием целостного преобразования – разновидность смыслового развития, но в отличие от антонимического перевода обладает большей автономностью и обнаруживает в значительно меньшей степени логическую связь между планом выражения исходного языка и переводного языка. «Прием целостного преобразования можно определить как синтез значения без непосредственной связи с анализом. Преобразуется внутренняя форма любого отрезка речевой цепи – от отдельного слова, большей частью сложного, до синтагмы, а порой и целого предложения» [Рецкер 2007: 61].

Приведем примеры:

Ҳукми тарк кунандаи намози фарзи чист? – *досл.* [Что ждет того, кто не совершает обязательный намаз].

Китобе, ки дар дастраси шумо қарор дорад, онро аз марочеъ ва масодири муътабар ва савсуқи аҳли сунат ва ҷамоъат, ки дар бораи илми ақида таълиф шудааст ҷамъ овари намуда ва бо шакли савол ва ҷавоб дар оварда шуда, то хонандаи ғиромии морро дар фаҳм ва дарки масоил ва матолиби он бешиар кумак намояд [URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. [Взгляды, изложенные в данной книге, принадлежат Сунне. В ней вы найдете ответы на все вопросы].

Как видим, приведенные соответствия не имеют общих семантических компонентов, обладают различной внутренней формой и в то же время передают одного и то же содержание средствами разных языков.

Нами также был использован прием описательного перевода. Описательный перевод, как правило, употребляется параллельно с транскрипцией и применяется при переводе терминов, культуронимов, уникальных объектов и т. п. [Казакова 2001: 56].

Как известно, в русском языке нет соответствующих эквивалентов к словам *ширк, муширк, такфир, тавҳид*. Следовательно, при переводе данных слов мы прибегаем к описательному переводу:

Ширк شريك – д. куфр, аз рӯи ақидаи ислом худоро яккаву ягона надониста, ӯро шарикдор ҳисоб кардан.

Ростию кажжэй андар роҳи тавҳид асту ширк, Ҳар ду пайваста нагардад, к-он кучову ин кучост [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 59]. – неверие, безбожие, ересь, богохульство; кощунство; наделение кого-либо или чего-либо атрибутами Бога, рассматривать Бога как «соучастника».

Примеры из РТ:

Чизеро дар офариниш ё дар ибодат бо Аллоҳ шарик гардонад, ширк гуянд. Иглоби ширк дар ибодат анҷом мегирад, масалан бо Аллоҳ хонда шавад ва ё бархе ибодот монанди: забҳ, назр, тарс, умед, муҳаббат барои дигарон анҷом шавад [URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>]. – досл. [Ширк – это наделить что-либо атрибутами Аллаха. Каждый, совершивший ширк, обречен на адовы страдания].

Муширик *مشرك* – он кӣ ба ягонагии худо бовар надорад; он кӣ ба будани худлени бисъер эътиқод дорад, мас, будпараст [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 788]. Слово **муширик** являється производным от слова **ширк**.

Ва Аллоҳ амали неки муширикро намепазирад, ва шафоати касеро дар ҳақи у қабул намекунад. Ва дар қиёмат хостаҳояш иҷобат намешавад, ва орзуҳояш бароварда намегардад, муширик ҷоҳилтарин ҷоҳилон ба аллоҳ аст чун махлуқро ба аллоҳ шарик гардонда ва ин ниҳоят ҷаҳл ба Аллоҳ аст, ҳамонтаре, ки ширк ниҳоят зулм дар ҳақи Аллоҳ аст, ҳарчанд муширик дар воқеъ ба парвардигораи зулм накарда, балки ба ҳудаи зулм кардааст

[URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>] – досл. [И Аллах не принимает «добрых дел» многобожника, и Он не принимает чьего-либо заступничества от его имени. И в последней жизни его желания (многобожника) не будут услышаны, и его мечты не будут исполнены. Многобожник на самом деле «не угнетал» своего Господа, а «угнетал» самого себя].

Лизо ширк бузургтарин зулмҳо ва тавҳид ӯадолат тарин ӯадолатҳо аст, ва ҳар он чизе, ки бо ин маъне ва мафҳум бештар мунофот дошта бошад, гуноҳи бузургтар маҳсуб мешавад, ва аз онҷо, ки ширк бо ин мафҳум комилан мунофот дошта ва мағоир аст, бузургтарин гуноҳон ба ҳисоб меравад, лизо Аллоҳ бихиширо бар ҳар муширике ҳаром карда, хун, моли муширкинро барои аҳли тавҳид ҳалол қарор дода, мусалмонон метавонанд оноро (нас аз ҷанг ва асорат) ба бардаги худ бигуморанд, чун бандагии уро тарк кардаанд [Ғам же]. – досл. [Величайшим грехом является приобщение к Аллаху равных (то есть сотоварищей) тогда, когда Он тебя создал, Аллах никогда не простит того, кто при жизни был многобожником и умер, не успев попросить у Аллаха прощения за этот страшный грех].

Такфир – ба бединӣ нисбат додан, кофир хондан, бедин ҳисоб кардан.

Донӣ, ки ҷангу уд ҷӣ тақрир мекунад?

Пинҳон хӯред бода, ки такфир мекунад [Фарҳанги забони тоҷикӣ 1969: 310]. – 1) покрытие, сокрытие; 2) искупление (во искуплении чего-либо); 3) обвинение в неверии; 4) отвращение от веры.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что наиболее частотными способами перевода РТ являются дифференциация, конкретизация и генерализация. Часто встречаются антонимический перевод и прием смыслового развития. Описательный перевод также встречается, но намного реже, чем остальные приемы перевода, ввиду того, что описательный перевод используется однажды, после первого описания лексика с течением времени адаптируется в язык перевода и остаётся там навсегда, и с этого момента необходимость в описательном переводе начинает пропадать до тех пор, пока не исчезнет вовсе. Примерами могут служить: «сура», «хадж», «намаз», «салям алейкум», «мухабарат», «хумус» и многое другое. Так реализуется на практике феномен экономии речевых усилий, как неизбежное последствие развития языка во времени.

Выбор среди этих основных приемов лексико-семантических трансформаций составляет одно из основных профессиональных умений переводчика. Большую роль при этом играет работа со словарями, поскольку очень часто требуется не столько сопоставить общие словарные соответствия, сколько установить степень различия их информационного потенциала. Помимо словарей, в особо сложных ситуациях помогают воображение, интуиция, чувство языка и культурный кругозор.

Подводя итоги, можно сказать, что такое явление, как многозначность, в значительной степени затрудняет процесс перевода. Более того, неправильный перевод может исказить первоначальный смысл предложения и даже всего текста. Соответственно, для правильного перевода многозначных слов переводчику необходимо хорошо разбираться в семантических особенностях родного и иностранного языков. Стоит также учитывать и особенности контекста. Именно учет этих особенностей позволит выбрать наиболее подходящее слово и избежать серьезных смысловых ошибок.

Выводы по главе III

Как показал анализ фактического материала, особую трудность при переводе представляют сложные глаголы.

Следует заметить, что в таджикском (персидском) языке и дари нет четкого определения сложных глаголов, не определены их состав и объем. В результате одни глагольные словосочетания рассматриваются как свободные, другие – как устойчивые глагольные словосочетания разной структуры и разного количественного состава компонентов.

В РТ нами были выявлены следующие сложные глаголы: *моделированные сложные глаголы; частично мотивированные немоделированные сложные глаголы; сложные глаголы с предлогами в именной части; глагольные фразеологические единицы рамочной конструкции.*

Основные трудности при переводе данных видов глаголов обусловлены следующими факторами:

1) Регулярное изменение лексического значения вспомогательного глагола, входящего в структуру моделированного сложного глагола, в зависимости от контекста.

2) Немоделированные СГ, в связи с утратой компонентами значений (в определенном контексте), не обладают единой структурно-семантической моделью, что осложняет процесс перевода.

3) Важным показателем устойчивости глагольных словосочетаний с предлогами и превращения их в СГ является утрата одним или всеми компонентами лексических значений. Данные предлоги играют важную роль в выражении того или иного значения. Особенно заметна их роль в тех случаях, когда СГ имеют одинаковые именные части или komponирующие глаголы, что необходимо учитывать при переводе.

4) Особую трудность для перевода представляют также рамочные конструкции. Сложность рамочной конструкции при передаче ее значения в русском языке состоит в том, что она способна создавать «напряжение» в предложении, которое из-за разрыва между дискретными частями и их дифференциации заставляет в максимальной мере ощущать незавершенность высказывания.

В своем исследовании мы использовали семантический перевод, позволяющий описывать эквивалентные отношения между различными языковыми средствами в двух языках, сводимых к общим глубинным семантическим категориям.

Перевод лексических единиц в РТ показал, что наиболее распространенным приемом являются дифференциация и конкретизация. Данный факт объясняется обилием в таджикском (персидском) языке и дари, а также в арабском языке лексических единиц с широкой семантикой, не имеющих прямого соответствия в русском языке.

В ходе анализа фактического материала было выявлено немало глаголов с широкой семантикой, требующих дифференциации и конкретизации при переводе на русский язык.

Антонимический перевод часто может быть единственной возможностью правильной передачи мысли, когда прямой перевод приводит к абсурду. Нами также был использован описательный прием при переводе терминов, культуронимов, уникальных объектов.

Таким образом, можно заключить, что сложные глаголы в РТ в значительной степени затрудняют процесс перевода. Кроме того, неадекватный перевод может привести к искажению первоначального смысла высказывания. Следовательно, чтобы правильно перевести многозначные лексические единицы в конфликтных текстах, необходимо хорошо разбираться в семантических особенностях языка источника, ссылаться на лингвистические и экстралингвистические значения. Учитывая данные особенности, можно выбрать правильный эквивалент и избежать серьезных смысловых ошибок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что структурные и содержательные особенности религиозного текста создают переводческие проблемы, ставят перед переводчиком особые задачи. Основные трудности перевода РТ обусловлены спецификой восприятия и понимания сообщения (в данном случае – с рецепцией устной речи); многозначностью лексических единиц, интерпретацией национально-культурного и религиозного компонента слов и высказываний. Кроме того, религиозные тексты выполняют ряд функций, которые важно принимать во внимание при выборе тех или иных лексем, грамматических и синтаксических конструкций.

Исследование текстов религиозного характера требует сопоставления смыслового содержания данных материалов со смысловым содержанием сур Корана, к которым отсылают указанные речевые продукты посредством цитирования. Это обусловлено использованием авторами аудиозаписей вырванных из контекста и искаженных цитат Священного Корана с целью оправдания собственных радикальных убеждений, обоснования ненависти к определенной конфессиональной группе.

Анализ семантики религиозного текста, сур Корана в частности, требует учета многозначности терминов, предполагающей многоуровневость смыслов и значений, а также сложный характер взаимосвязи между данными уровнями.

Анализируемые суры Корана представляют собой регламент поведения мусульман как по отношению к религиозным предписаниям, так и по отношению к бытовым традициям мусульман. К грехам в сурах причисляются такие действия, как *убийство, кража, фальсификация и ложь*. Во всех проанализированных сурах Корана осуждается человекоубийца. В Коране также запрещены фальсификация и ложь; преднамеренное искажение Священного Писания является моральным грехом.

Анализ фактического материала показал, что Коран содержит не только смысловой код, связанный с ситуативным и социально-культурным контекстом,

но и «тематические маркеры», дополняющие содержание проповеди символическими значениями, лежащими вне текста Корана, что необходимо учитывать при анализе религиозных текстов экстремистско-террористической направленности.

Анализ и перевод религиозных текстов с арабского языка на русский является собой весьма сложный процесс из-за своей замысловатой структуры и строгой зависимости от контекста, времени и места написания. Помимо этого из-за ментальных барьеров вербальные образы в различных культурах и различных языках могут иметь совершенно разные смысловые ассоциации, и это тоже в значительной степени затрудняет работу переводчика. Смыслы, вкладываемые в вербальные образы, так или иначе принимают участие в формировании языковой и культурной картины мира народа, формируют стереотипные смысловые коннотации, свойственные тому или иному социуму.

В рамках настоящего исследования «язык вражды» рассматривается как лингвистические средства выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т. п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей.

Как показало исследование, специфичным для религиозного текста является такое предназначение, как внушение реципиентам правильности совершаемых ими экстремистских действий, побуждение к экстремистским действиям.

Религиозный текст маркирован воздействующим признаком и не является объективным информационным феноменом. Для реализации своих коммуникативных задач авторы РТ используют различные речевые инструменты на всех уровнях языка.

Анализ звучащей речи требует комплексного подхода. Инструментальный, слуховой, лингвистический виды анализа в многообразии своих конкретизаций находятся в отношениях взаимодополнения и составляют единый методологический фундамент идентификации личности по голосу и звучащей речи при проведении лингвистической экспертизы.

Результаты проведенного анализа словесной организации речи авторов РТ позволяют констатировать, что на семантическом уровне основными стилистическими средствами выступают: метафора, антитеза, метонимия, гиперболола, что обусловлено стремлением авторов достичь максимальной эффективности эмоционального воздействия на аудиторию.

Широко представлена в РТ метафоризация номинаций, отрицательно характеризующих лиц другого этноса: *яхуд – еврей, мушрикин – политеист, насоро – мн. от насрони – христианин, мачус – огнепоклонник, муртад – изгнанный, куффор – неверный*. Метафора сильного воина – *шерони Аллох – львы Аллаха, шерони Халифот – львы Халифат* – оказалась наиболее продуктивной и используется авторами для прагматического воздействия на слушателей. Не менее активно функционируют в РТ *зооморфные метафоры*, направленные на дискредитацию и обладающие яркой пейоративной окраской (зооморфные метафоры с положительной коннотацией, характеризующие «своих», – *шерони хилофати исломй – львы исламского халифат*; зооморфные метафоры с отрицательной коннотацией, репрезентирующие образ «врага»: *хар – осел; саг – собака; хашара – насекомое*).

Наряду с метафорой активно используется в аудиозаписях антитеза в качестве приема создания образа врага: *куффор, мушрикин, муртаддин, хавориц, рофизицо – муцохидин, сарбозони давлати исломй, мусалмонон* (противопоставление существительных с отрицательной коннотацией – положительной коннотацией), *хашар кардан – напасть, шаходат насиб шуд – принять мученичество (стать шахидом)* (противопоставление глаголов «*хашар кардан – напасть, шаходат насиб шуд – принять мученичество*»). Специфика РТ позволяет рассматривать антитезу как стилистический прием выражения антагонизма, способствующий формированию экстремистского потенциала в аудиозаписях.

Одним из распространенных средств выражения оценки является сравнение. Авторы РТ часто используют его для характеристики «чужих». Использование сравнения позволяет авторам также обеспечить выгодную интерпретацию,

повысить эмоциональную насыщенность и образность высказывания. Сравнение может выражаться целым комплексом синтаксических средств, посредством которых авторы РТ достигают нужного эффекта.

При анализе фразеологических единиц в структуре религиозного текста, содержащих «язык вражды», следует уделять особое внимание внутренней форме фразеологических единиц. Внутренняя форма часто становится «пусковой пружиной» конфликта в самых различных речевых ситуациях. Именно образная составляющая обуславливает характер семантики идиом и функционально-стилистические особенности, а также специфику формально-структурной изменчивости.

Языковыми маркерами лексико-грамматического уровня выступают: межстилевые деструктивные глаголы, содержащие в семантике ядерную денотативную сему «куштан» – «лишить жизни»; стилистически окрашенные глаголы с ядерными функционально-стилистическими семами «прост.», «грубо-прост.», «разг.» в форме повелительного наклонения (*порви, разорви в клочья неверных, уничтожь, зажги землю под ногами*); отрицательно-оценочные имена существительные, прилагательные и причастия, включая окказиональные (*муртаддину муширикон – муртады и муширики, куфор – неверные, куфору тавогит – безбожники и тираны; болезненные наказания, мучительные страдания, крестовый поход – более злобный, свирепый, неудачный, не оправдывающий надежд, мерзкие рафидиты, женоподобные пилоты; они являются людьми непонимающими, людьми неразумными*); местоимения, выражающие четкую оппозицию (*мо – онхо – мы – они*).

Анализ фактического материала с позиции синтаксиса позволил выявить следующие языковые маркеры: побудительные и вопросительно-побудительные предложения, отличающиеся чрезмерной степенью агрессии, выражающие прямой призыв к насильственным действиям; утвердительные высказывания, содержащие оправдания жестокости и убийства; развернутые предложения со сложными оборотами (подобные структуры высказывания позволяют авторам аудиозаписей звучать более убедительно); парцелированные предложения

(парцелляция – расчленение единого смыслового и синтаксического целого, обусловленное задачами коммуникации). Подобное расчленение осуществляется в целях экспрессии, выделения наиболее релевантных компонентов сообщаемой информации; сложноподчиненные предложения с определительными придаточными (отличительной особенностью данных предложений является то, что в ходе выступления авторы РТ предоставляют реципиентам значительный объем дополнительной информации, необходимой для адекватного восприятия высказывания, осознания сказанного в полной мере).

Одним из важных элементов речи авторов РТ на синтаксическом уровне являются приемы стилистического синтаксиса (повторы) с целью привлечения внимания реципиентов, подчеркивания значимости того, что повторы выражают. Стилистические приемы повтора придают речи авторов РТ особый интонационный ритм, позволяют создавать автоматизм восприятия, облегчая процесс понимания, и способствуют успешному внушению аудитории своей позиции.

Проведенный языковой анализ РТ с позиции синтаксиса позволяет констатировать, что экспрессивным синтаксическим конструкциям свойственны не только общие оценочные функции, но и разные частные, обусловленные коммуникативной установкой РТ и способствующие повышению экспрессии высказываний в целом. В частности, инверсия придает речи авторов оттенок весомости и значимости; риторический вопрос используется как прием эмоционально-психологического воздействия на реципиента (привлечь внимание, усилить впечатление, повысить эмоциональный тон, создать приподнятость); гипофора активизирует внимания адресата и акцентирует идеи, воплощенные в ответной части. Для нагнетания эмоциональной оценки используется анафора. Анафорический повтор также способствует созданию антитезы, основанной на параллельной оценке разных объектов.

Анализ фонетической и интонационной оформленности речи авторов мусульманских аудиозаписей позволяет заключить, что мелодика в устной речи является ключевым инструментом акцентирования внимания на определенной

мысли. Повышение тона голоса подчеркивает значимость конкретной части речевого сообщения и усиливает эффект, производимый на целевую аудиторию. Начало фразы характеризуется чередованием мелодических подъемов и спадов, величина интервалов которых обусловлена спецификой контекста. Темп речи неоднороден, а ее скорость варьируется от средней до сверхбыстрой. Паузация в звучащей речи специфична – паузы не всегда семантически и синтаксически предсказуемы.

Как показало исследование, процессы воздействия носят многоплановый характер. В них присутствуют разного рода механизмы, которые носят взаимодополняющий характер. При этом адресат информации может и не ощущать в качестве воздействующих некоторые возможные коммуникативные цепочки, поскольку сообщения на этом уровне не воспринимаются в качестве таковых.

Несомненно, семантический уровень РТ характеризуется наибольшим числом примеров социально опасных явлений, синтаксический слой наименее ориентирован на выявление аналогичных элементов.

Исследование языкового материала показало, что сложные глаголы являются фактором, осложняющим смысловое понимание аудиозаписей и их объективацию. В рамках нашего исследования интерес представляют сложные глагольные единицы, служащие для намеренного усложнения содержания. Авторы РТ сознательно помещают языковые единицы в такой контекст, который допускает несколько прочтений. Многозначность языковых единиц, кроме экспрессивной функции, в РТ являются способом имплицитной передачи информации.

В РТ нами были выявлены следующие глаголы, осложняющие понимание текста: *моделированные сложные глаголы; частично мотивированные немоделированные сложные глаголы; сложные глаголы с предлогами в именной части; глагольные фразеологические единицы рамочной конструкции.*

Основные трудности при переводе данных видов глаголов обусловлены следующими факторами: 1) Регулярное изменение лексического значения

вспомогательного глагола, входящего в структуру моделированного сложного глагола, в зависимости от контекста. 2) Немоделированные СГ, в связи с утратой компонентами значений (в определенном контексте), не обладают единой структурно-семантической моделью, что осложняет процесс перевода. 3) Важным показателем устойчивости глагольных словосочетаний с предлогами и превращения их в СГ является утрата одним или всеми компонентами лексических значений. Данные предлоги играют важную роль в выражении того или иного значения. Особенно заметна их роль в тех случаях, когда СГ имеют одинаковые именные части или компонирующие глаголы, что необходимо учитывать при переводе. 4) Особую трудность для перевода представляют также рамочные конструкции. Сложность рамочной конструкции при передаче ее значения в русском языке состоит в том, что она способна создавать «напряжение» в предложении, которое из-за разрыва между дискретными частями и их дифференциации заставляет в максимальной мере ощущать незавершенность высказывания.

В своем исследовании мы использовали семантический перевод, позволяющий описывать эквивалентные отношения между различными языковыми средствами в двух языках, сводимых к общим глубинным семантическим категориям.

Перевод лексических единиц в РТ показал, что наиболее распространенными приемами являются дифференциация и конкретизация. Данный факт объясняется обилием в фарси и дари, а также в арабском языке лексических единиц с широкой семантикой, не имеющих прямого соответствия в русском языке.

В ходе анализа фактического материала было выявлено немало глаголов с широкой семантикой, требующих дифференциации и конкретизации при переводе на русский язык.

Антонимический перевод в РТ часто является единственной возможностью правильной передачи мысли, когда прямой перевод приводит к абсурду. Нами

также был использован описательный прием при переводе терминов, культуронимов, уникальных объектов.

В анализируемых материалах авторы не обходятся без употребления цитат из Священного Корана как мощного способа аргументации и воздействия на реципиентов. Ссылаясь на Священное Писание, авторы стремятся эффективно объяснить мотивы своих экстремистских действий и убедить аудиторию в их правомерности.

Выявленные в РТ различные стилистические средства обладают высоким аргументативным потенциалом, способствуют созданию яркой речи с позиции воздействующей функции на реципиентов, повышают степень заинтересованности адресата в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдель, Абу. Коран на русском языке. Смысловой перевод аятов и их краткое толкование и тафсир /Абдель Абу. – М.: Изв. Никма, 2011. – 604 с.
2. Абдуль-Кадир Иса Дийаб. Аль-Мизан аль-‘адиль ли-тамйиз аль-хакк мин аль-батыль / Иса Дийаб Абдуль-Кадир. Изд-е 2-е. – Алеппо, 1997.
3. Абдулганеев, Р. Р. Религиозный экстремизм как один из дестабилизирующих факторов современного общества / Р. Р. Абдулганеев // Закон и право. – 2011. – № 2. – С. 74–76.
4. Аль-Газали, Абу Хамид. Сборник проповедей из священных хадисов /Абу Хамид Аль-Газали [Электронный ресурс]. – 2011: URL:<https://islam.ru/content/books/30559>
5. Аль-Куран аль-карим (Священный Коран). – Дамаск: Мактабату дия аш-Шам, 2014.
6. Аля дин Фарахат Хасан. Русская школа перевода Корана (на материале переводов с арабского языка): диссер. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ф. Хасан Аля дин. – М., 1996. – 455 с.
7. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / В. Г. Адмони. – СПб. : Наука, 1994. – 151 с.
8. Агеев, В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. С. Агеев. – М. : МГУ, 1990.
9. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика // Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И.С. Алексеева. – СПб: Союз, 2001.
10. Алехин, И. А. Религиозный экстремизм: проблема подготовки курсантов военных вузов войск национальной гвардии Российской Федерации по его противодействию / И. А. Алехин // Мир образования – образование в мире. – 2017. – № 1 (65). – С. 225–228.
11. Алиев, А. А. Сущность джихада в контексте современного противостояния Восток-Запад / А. А. Алиев // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 4. – С. 307–318.

12. Ананьев, И. Н. Религиозный экстремизм в системе криминогенной детерминации / И. Н. Ананьев // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 1. – С. 105–111.
13. Аникина, А. Б. Стилистика частей речи. Изобразительная роль имени существительного, имени прилагательного и глагола (на материале произведений публицистики) / А. Б. Аникина. – М. : Наука, 1974.
14. Аникин, Д.А. Религиоведение / Д.А. Аникин: учебное пособие. – М.: Мир, 2016. – 864 с.
15. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. – М., 1967.
16. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1391 с.
17. Аронсон, Э. Общественное животное: Введение в социальную психологию / Э. Аронсон. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 517 с.
18. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
19. Арушанова, А.Г., Рычагова Е.С., Сигал К.Я., Юрьева Н.М. Проблемы развития речи в психолингвистическом и лингводидактическом освещении / А.Г. арушанова, Е.С. Рычагова, К.Я. Сигал, Н.М. Юрьева. – М.: Ключ-С, 2014.
20. Арьес, Ф. Человек перед лицом смерти : пер. с фр. / Ф. Арьес. – М., 1992.
21. Аушева, М. Ю. Религиозный экстремизм как социально-противоправный феномен: концептуальное понятие, сущность, содержание / М. Ю. Аушева // Аграрное и земельное право. – 2018. – № 4. – С. 16–24.
22. Афанасьев, Н. Н. Идеология терроризма / Н. Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные науки. – 2001. – № 1. – С. 234–235.
23. Ахиезер, А. С. Субъект общественного развития: динамика отношений между диалогизацией и монологизацией / А. С. Ахиезер // Мир психологии. – 2005. – № 1. – С. 41–51.
24. Балашова, Л. В. Русская метафора. Прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 493 с.

25. Балахничева, С. В. К вопросу о классификации экстремистской деятельности / С. В. Балахничева // Вестник Саратовской государственной академии. – 2013. – № 6 (95). – С. 84–87.

26. Балил Абд-ал-Карим. Терминология Корана: Лингвистический и семантический анализ / Балил Абд-ал-Карим. – М. ; СПб. : Петербургское Востоковедение, 2022. – 218 с.

27. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А. Н. Баранов. – М., 1991. – 193 с.

28. Баранов, А. Н. Лингвистическая экспертиза текста / А. Н. Баранов. – М. : Флинта, 2011. – 581 с.

29. Бартольд, В. В. Коран и море / В. В. Бартольд // Сочинения. Т. 6. Работы по истории ислама и Арабского халифата. – М., 1966. – С. 544–548.

30. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С. Бархударов // Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: Междунар. отношения, 1975.

31. Барышников, П. Н. Миф и метафора. Лингвофилософский подход / П. Н. Барышников. – СПб. : Алетейя, 2010. – 214 с.

32. Барышева, Е. Л. Русская православная проповедь: соотношение канонического и вариативного: лингвоперсонологический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Л. Барышева. – Кемерово, 2012. – 20 с.

33. Батуренко, С.А. Теория конфликта и проблема социального порядка / С.А. Батуренко // Вестник московского университета. Серия 18.. – 2013. – № 3.

34. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979.

35. Бахтина, О. Н. Проблемы анализа житийных текстов русской литературы (культурно-историческая традиция и код культуры) / О. Н. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. – 2009. – Т. 4. – С. 47–61.

36. Беккин, Р.И. Рецензия на перевод Корана Б.Я. Шидфар / Р.И. Беккин // Ученые записки казанского университета. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155. кн. 3. Ч. 2.

37. Белова, А. Г. Интеграция и дифференциация арабских диалектов доисламского периода / А. Г. Белова // Всесоюзная конференция по проблемам арабской культуры памяти академика И. Ю. Крачковского. – М., 1986. – С. 4–5.

38. Белояр, А. «Язык вражды» или Защитная реакция? / А. Белояр. – 2004. – URL: http://www.xromo.com/ruskolan/liter/yazik_vr.htm (дата обращения: 02.05.2021).

39. Белякова Е.А. Конструирование этнической идентичности в современной России / Е.А. Белякова: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2007.

40. Бердяев, Н. Философия неравенства / Н. Бердяев. – М., 1990.

41. Березович, Е. Л. Конференция «Оппозиция свой-чужой (другой) в славянских языках и культурах» / Е. Л. Березович // Живая старина. – 2008. – № 1. – С. 69–70.

42. Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Либроком, 2010. – 580 с.

43. Блэк, М. Метафора. Теория метафоры / М. Блэк. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–173.

44. Блох, М. Я. Проблема тождества предложения в свете соотношения понятий синтаксиса, семантики и информации / М. Я. Блох // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.

45. Бобырева, Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): автореферат диссертации ... доктора филологических наук / Е.В. Бобырева. – Волгоград, 2007. 59 с.

46. Богданов, И. В. Теологическая антитеза «начало богов, возникающий впоследствии» в позднеегипетских текстах. (Тексты 1–8) / И. В. Богданов // Вестник древней истории. – 2022. – Т. 82, № 1. – С. 5–31.

47. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / А. В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 623 с.

48. Бондарко, А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики : монография / А. В. Бондарко. – М. : ЯСК, 2017. – 333 с.

49. Бондарко, Л. В., Вербицкая, Л.А., Гордина, М. В. Основы общей фонетики / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина. – СПб., 2004. – 160 с.
50. Борисова, А. С. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы / А. С. Борисова, Ж. В. Кургунзёнкова, В. Д. Никишин // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 2.
51. Брантов, С. А. Просодическая составляющая аргументации в публичной речи: дисс.... канд. филол. наук: 10.02.02/ С.А. Брантов. – М., 2004. – С. 65-66.
52. Бринев, К. И. Лингвистическая экспертиза: Справочные материалы / К. И. Бринев, О. Н. Матвеева. – Барнаул, 2012. – 24 с.
53. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе : монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – 308 с.
54. Бурковская, В. А. Религиозный экстремизм в оценке российского и зарубежного законодательств / В. А. Бурковская // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2005. – № 3. – С. 319–322.
55. Бутенко, Н.А. Социальное неравенство и социальные конфликты: Основные теоретические подходы к исследованию проблемы / Н.А. Бутенко // Экономические науки. – 2015. – №9(83). С. 58-63.
56. Вакина, Н. Д. Языковые особенности юридического дискурса: проблема многовариантности перевода юридических понятий российского права / Н. Д. Вакина // Юридический мир. – 2019. – № 6. – С. 53–57.
57. Валькова, А. В. Формы глаголов в Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича / А. В. Валькова // Русская речь. – 2010. – № 2. – С. 64–68.
58. Васильев, Л. М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения : учеб. пособие для студ. филологических факультетов вузов / Л. М. Васильев. – Уфа : БГУ, 1981. – 71 с.
59. Ваулина, С. С. Инфинитивные предложения как средство организации модального пространства русского былинного эпоса / С. С. Ваулина // Известия Уральского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3 (142). – С. 227–235.

60. Вежбицкая, А. Семантические примитивы / А. Вежбицкая // Семиотика. – М., 1983. – С. 225–252.
61. Вейнрейх, У. Опыт семантической теории / У. Вейнрейх // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. X.
62. Вековищева, С. Н. Образная эвфемия в текстах с религиозной семантикой и ее межъязыковая передача / С. Н. Вековищева // Иностранные языки в высшей школе. – 2022. – № 3 (62). – С. 18–25.
63. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
64. Веретенников, А.А. О фразеологизированных синтаксических конструкциях в персидском языке / А.А. Веретенников // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1995, № 1.
65. Вертий, М. Ю. Религиозный экстремизм как политико-правовой феномен / М. Ю. Вертий // Философия права. – 2007. – № 1. – С. 114–118.
66. Верховский, А. М. Язык вражды против общества : сб. ст. / А. М. Верховский. – М., 2007. – 259 с.
67. Ветров, П.П. Фразеология китайского языка: Синтаксис и стилистика / П.П. Ветров. – М.: Восточная книга, 2007.
68. Винников, И. Н. Легенда о призвании Мухаммада в свете этнографии / И. Н. Винников // Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научной и общественной деятельности (1882–1932) : сборник статей. – Л., 1934. – С. 125–146.
69. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов // Общие и лексические вопросы. – М: ИОСО РАО, 2001.
70. Вишнякова, О. Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка) / О. Д. Вишнякова. – М. : Макс Пресс, 2002. – 285 с.

71. Володина, М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание / М. Н. Володина. – URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_262.shtml (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.

72. Волос, А. Г. Возвращение в Панджруд: Роман / А. Г. Волос. – М. : ОГИ, 2013. – 640 с.

73. Вольская, Н. Б. Вариативность интонационных моделей в спонтанной речи и чтении: интонационный центр / Н.Б. Вольская // Материалы 36 Международной филол. конф. – Вып. 17: Фонетика. – СПб., 2007. – С. 16-17

74. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – С. 22–24.

75. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость. Язык СМИ и политика / Т. А. Воронцова. – М. : Московский университет, 2012. – 952 с.

76. Воропаева, А. В. Роль образования и воспитания в предотвращении ксенофобии, национализма, терроризма и иных форм экстремизма / А. В. Воропаева, А. М. Юнусов ; Российская акад. наук, Ин-т социологии. – М. : Экслибрис-Пресс, 2007. – 183 с.

77. Ворошилова, М. Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46).

78. Гаврилов, Е. О. Религиозный экстремизм как проблема права и философии / Е. О. Гаврилов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2010. – № 5. – С. 165–168.

79. Гадомский, А. К. Критерии определения религиозного / А. К. Гадомский // Восточнославянская филология : сб. науч. работ. Вып. 11. Ч. 1. Языкознание. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – С. 16–24.

80. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Просвещение, 2018. – 513 с.

81. Гак, В. Г. Метафора в тексте и языке : сборник / В. Г. Гак. – М. : Наука, 1988. – 174 с.

82. Галицкий, В. Религиозный экстремизм в молодежной среде России / В. Галицкий // Обозреватель-Observer. – 2010. – № 6. – С. 15–25.
83. Галяшина, Е. И. Лингвистики и экстремизм / Е. И. Галяшина. – М. : Юридический мир, 2006. – 96 с.
84. Гаспаров, Б. М. Средневековые латинские поэтики в системе средневековой грамматики и риторики / Б. М. Гаспаров // Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. – М. : Наука, 1986. – С. 91–169.
85. Гельблу, Я.И. Способы выражения антонимичности в современном немецком языке / Я.И. Гельблу: Дис. . канд. филол. наук: 10.02.04 / Башкир, гос. ун-т. — Уфа, 1964.-335 с.
86. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом ; общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрединой. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
87. Глухов, Р. Осторожно: религиозный экстремизм / Р. Глухов // Полиция России. – 2014. – № 9. – С. 10–12.
88. Голованова, А. В. Языковые метафоры в оценке человека (на материале русского и польского языков) / А. В. Голованова // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000.
89. Гольберг, И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. М. Гольберг. – М., 2002. – 16 с.
90. Горбунов, А. П. Язык и стиль газеты / А. П. Горбунов. – М. : Наука, 1974.
91. Гридина, Т. А. Метафора в свете национальной ментальности / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2020. – 227 с.
92. Гриненко, Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии / Г. В. Гриненко. – М. : Новый век, 2000. – 448 с.
93. Грищенко, А. И. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды / А. И. Грищенко, Н. А. Николина // Язык вражды и язык согласия в

социокультурном контексте современности. Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 175–187.

94. Громова, Н. С. Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект : монография / Н. С. Громова. – Екатеринбург : Уральский институт коммерции и права, 2015. – 200 с.

95. Грязневич, П. А. Коран в России (изучение, переводы и издания) / П. А. Грязневич // Ислам. Религия, общество, государство. – М., 1984. – С. 76–82.

96. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной культуре / А. В. Гура. – М., 1997.

97. Гуркина, Т. Осторожно, религиозный экстремизм! / Т. Гуркина // Преступление и наказание. – 2018. – № 7. – С. 8–10.

98. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М., 1989.

99. Джалалуддин, Абдурахман ас-Суюти. Тафсир аль-Джалалайн / Абдурахман ас-Суюти Джалалуддин. – Каир: Дар аль-Манар, 2000.

100. Дзялошинский, И. М. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы / И. М. Дзялошинский. – М., 2006. – URL: <http://www.dzyalosh.ru/04-master/metod/yazyk-vrajdy-v-smi.doc> (дата обращения: 06.04.2020). – Текст : электронный.

101. Дейк, Т. А. ван. Расизм и язык / Т. А. ван Дейк. – М., 1989. – 76 с.

102. Дементьев, В. В. Аспекты проблемы «речевой жанр и языковая личность» / В. В. Дементьев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – 2011. – № 2.

103. Денисова, А. В. Дискурсивный аспект исследования лингвистической экспертизы / А. В. Денисова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009.

104. Денисова, А. В. Правовые основы лингвистической экспертизы «языка вражды» / А. В. Денисова // Юрислингвистика. – 2011. – № 1 (11). – С. 221–227.

105. Добросклонская, Т. Г. Язык средств массовой информации : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по

гуманитарным специальностям / Т. Г. Добросклонская ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : КДУ, 2012.

106. Добровольский, Д. О. Беседы о немецком слове / Д. О. Добровольский. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – 744 с.

107. Долинин, К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 7–13.

108. Долотин, К.И. Квасисегментная структура речевого сигнала / К.И. Долотин. – М.: Гкманитарий, 2011.

109. Дубровский, Д. В. Язык вражды в русскоязычном Интернете: материалы исследования по опознаванию текстов ненависти / Д. В. Дубровский. – СПб., 2003. – 72 с.

110. Дускаева, Л. Р. Журналистский дискурс в аспекте речевых жанров / Л. Р. Дускаева // Жанры речи. – 2014. – № 1-2. – С. 50–57.

111. Духанина, А. В. Морфологические нормы в сочинениях Епифания Премудрого: система глагола : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Духанина. – М., 2006. – 396 с.

112. Евстафьева, А. В. «Язык вражды» в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Евстафьева. – Тамбов, 2009. – 26 с.

113. Eadem. К переводу 77 и 78 стиха 22 суры Корана // Доклады Академии Наук СССР // Востоковедение, 1927. – 7 с.

114. Жданова, Е. В. Личность и коммуникация : практикум по речевому взаимодействию / Е. В. Жданова. – М. : Флинта : Наука, 2010.

115. Жельвис, В. И. Вербальная агрессия / В. И. Жельвис // Право как дискурс, текст и слово : интернет-конференция Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов. – 2010.

116. Женило, В. Р. Компьютерная фоноскопия / В.Р. Женило. – М.: Академия МВД России, 1995. – 203 с.

117. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
118. Жолудь, Р. В. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы / Р. В. Жолудь. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2002. – 191 с.
119. Жоль, К. К. Мысль. Слово. Метафора: проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – Киев : Наукова думка, 1984. – 303 с.
120. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М. : Высшая школа, 1986. – 310 с.
121. Журавлев, А. Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян / А. Ф. Журавлев. – М., 1994.
122. Забарчук, Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности / Е. Л. Забарчук // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 3–10.
123. Загоровская, О. В. Образный компонент в значении слова / О. В. Загоровская // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. – Воронеж, 1983.
124. Зализняк, А. А. Исследования по русской и компаративной семантике / А. А. Зализняк. – М. : ЯСК, 2021. – 548 с.
125. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления : монография / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 671 с.
126. Зашляпин, Л. А. Судебные действия следственного характера как научная метафора : монография / Л. А. Зашляпин. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 319 с.
127. Зенков, А. Р. Политико-религиозный экстремизм как глобальная угроза для современной России / А. Р. Зенков // Власть. – 2013. – № 9. – С. 128–129.
128. Золян, С. Т. Текстцентричная семантика и теория перевода / С. Т. Золян // Иностранные языки в высшей школе. – 2016. – № 4. – С. 45–55.

129. Евгеньева, Т. В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи / Т. В. Евгеньева // *Полития*. – 2007. – № 3 (46). – С. 83–92.
130. Игнатенко, А. А. Арабский – язык без метафор / А. А. Игнатенко // *Восток-Oriens*. – 1999. – № 2.
131. Игнатенко, А. А. Экстремизм в современной Чечне / А. А. Игнатенко // *Исламоведение*. – 2010. – № 3. – С. 16–17.
132. Изотова, Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научноинформационное пособие для экспертов / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. – М.: РФЦСЭ при Минюсте России, 2016.
133. Ильясов, Р. Ф. Башкирские сказки о животных / Р. Ф. Ильясов // *Советская тюркология*. – 1981. – № 3.
134. Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – 197 с.
135. Исаева, З.Ш. Категория толерантности и ее роль в научной и политической коммуникации / З.Ш. Исаева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2011.
136. Каганов, А. Ш. Криминалистическая экспертиза звукозаписей / А.Ш. Каганов. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2005. – 272 с.
137. Каганов, А.Ш. Криминалистическая идентификация говорящего / А.Ш. Каганов. – М.: Юрлитинформ, 2019.
138. Казаков, Ю. Между «что делать...» и «что делать?»: пресса и общество в ситуации повышенного риска / Ю. Казаков // *Язык мой. Проблема этнической и религиозной нетерпимости в российских СМИ*. – М.: Центр «Панорам», 2002.
139. Казакова, Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Издательство «Союз», 2001. – 320 с.
140. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Алгоритм, 2004. – 528 с.

141. Карасик, В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов, 2000. – С. 42-46.
142. Кассирер, Э. Теория метафоры / Э. Кассирер. – М. : Прогресс, 1990. – 511 с.
143. Кашталева, К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник / К. С. Кашталева // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР. – 1930. – С. 243–270.
144. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. : Наука, 1965. – 108 с.
145. Керимов, Г. М. Шариат. Закон жизни мусульман / Г. М. Керимов. – М. ; СПб. : Диля, 2009. – 409 с.
146. Киба, О. А. Основные направления лексического варьирования в списках повести о Петре и Февронии: системно-функциональный аспект / О. А. Киба // Филология и человек. – 2009. – № 1. – С. 141–147.
147. Киреев, М. П. Правовые и организационные основы предупреждения терроризма в Российской Федерации / М. П. Киреев // Научный портал МВД России. – 2014. – № 4. – С. 91–92.
148. Кирей, Н.И. Коран и коранистика / Н.И. Кирей. Краснодар, 2007.
149. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Л.: ЛГУ, 1978. – 158 с.
150. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Серия: Филология. – 2001. – № 6.
151. Коваль, С. Л., Лабутин, П. В., Малая, Е. А., Прощина, Е. А. Идентификация дикторов на основе сравнения статистик основного тона голоса / С.Л. Коваль, П.В. Лабутин, Е.А. Малая, Е.А. Прощина. – Электронный ресурс: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2006_speech.pdf
152. Кожевникова, Г. Журналисты о религиозных группах: между некомпетентностью и неприязнью / Г. Кожевникова // Прикладное религиоведение для журналистов. – 2009. – С. 48–64.

153. Кожина, М. Н. Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение / М. Н. Кожина // Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории: Избранные труды. – Пермь : Перм. ун-т ; ПСИ ; ПССГК, 2002. – С. 150–178.
154. Кожуховский, Е. С. Религиозный экстремизм как правовая дефиниция / Е. С. Кожуховский // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 3. – С. 138–143.
155. Колмагоров, Е.В. становление и развитие понятия «Социальная напряженность» в социологической научной мысли / Е.В. Колмагоров // известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. С. 119-124.
156. Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе / С.А. Колосов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004.
157. Колосова, О. Ю. Религиозный экстремизм как социокультурный феномен / О. Ю. Колосова // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2016. – № 2. – С. 49–53.
158. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие / З.И. Комарова. – Екатеринбург: Издательство Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина, 2012. – 818 с.
159. Комиссаров, В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М. : URSS ; Либроком, 2013. – 165 с.
160. Коновалова, Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург : ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2007. – 298 с.
161. Кормилицына, М. Язык СМИ / М. Кормилицына, О. Сиротинина. – М. : Флинта, 2015.
162. Корнеева, Т. Г. Проблема перевода персоязычных текстов арабомусульманской философии / Т. Г. Корнеева // Философия и культура. – 2015. – № 8 (92). – С. 1175–1181.

163. Коробкова, О. С. Маркеры языка вражды в номинациях этнической принадлежности: социолингвистический аспект / О. С. Коробкова. – Текст : электронный // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 111. – С. 200–205. – URL: <https://lib.herzen.spb.ru/m/rgpu-periodic/1/112> (дата обращения: 20.03.2019).

164. Кочои, С. М. Экстремизм в России: криминологическая и уголовно-правовая характеристика / С. М. Кочои // Российское право в Интернете. – 2006. – № 1.

165. Красиков, В. И. Экстремизм: паттерны и формы / В. И. Красиков. – М. : Водолей, 2009. – 494 с.

166. Крачковский, И. Ю. Перевод Корана Д. И. Богуславского / И. Ю. Крачковский // Советское востоковедение. – 1945. – № 3. – С. 293–301.

167. Кроз, М. В. От языка вражды к возбуждению ненависти: проблемы судебно-экспертной оценки ксенофобских материалов СМИ / М. В. Кроз, Н. А. Ратинова // Язык вражды против общества. – М., 2007. – С. 226–246.

168. Кронгауз, М. А. Новые слова и новые значения: механизмы возникновения / М. А. Кронгауз // Жизнь языка. – М., 2007. – С. 301–307.

169. Крылова, О. А. Портрет речевого жанра церковно-религиозного послания / О. А. Крылова // Русский язык в России на рубеже XX–XXI вв. : материалы междунар. науч. конф. – Самара : Изд-во СамГПУ, 2003.

170. Крымская, Е. В. Просодические средства реализации воздействующей функции в жанре проповеди: на основе американского варианта английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Крымская. – Волгоград, 2009. – 23 с.

171. Кудрин, С. А. Построение нарратива в рамках спортивного дискурса при помощи базовой метафоры «футбол – это война» / С. А. Кудрин // Русский язык: исторические судьбы и современность : сб. трудов IV Международного конгресса исследователей русского языка. – М. : МГУ, 2010. – С. 125–126.

172. Кузнецова, В. В. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ / В. В. Кузнецова, Е. Е. Соколова // Социальные варианты языка : материалы Медунар. науч. конференции. – Нижний Новгород, 2004.
173. Кулаков, В. Религиозный экстремизм: к вопросу о допустимости и научной корректности термина / В. Кулаков // Государственная служба. – 2006. – № 6. – С. 98–102.
174. Купоросов, П.А. Семантика эмоционально-экспрессивных частиц современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / П.А. Купоросов. – М., 2008.
175. Лавров, Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках в X–XVII вв. / Л. И. Лавров. – М. : Наука, 1966.
176. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М. : Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.
177. Латышев, Л.К., Провоторов В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. – М.: НВИ-Тезаурус, 2001.
178. Лебон, Г. Психология народов масс / Г. Лебон. – М. : АСТ, 2017. – 384 с.
179. Левитан, К. М. Юридический перевод и сравнительное правоведение / К. М. Левитан // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 46–55.
180. Литвин, Ф. А. Перевод и грамматические категории (на материале параллельных текстов) / Ф. А. Литвин // Иностранные языки в высшей школе. – 2015. – № 4. – С. 33–42.
181. Лоевская, М. М. Традиция и ее трансформация в жанре агиографии: На материале старообрядческих житий святых : дис. ... канд. культурологии : 24.00.04 / М. М. Лоевская. – М, 1999. – 222 с.
182. Магомедова, П. А., Гаджиев М. П. Исламский дискурс: проблема адекватности перевода религиозных текстов с арабского на русский / П.А.

Магомедова, М.П. Гаджиев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – С. 178-185.

183. Малькова, В.К. Этничность и толерантность в средствах массовой информации: опыт исследования современной российской прессы / В.К. Малькова: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2006.

184. Мальковская, И. А. Знак коммуникации: Дискурсивные матрицы / И. А. Мальковская. – М. : ЛКИ, 2008.

185. Мамаев, Н. Ю. Проблема объективации понимания спорного текста в рамках судебной лингвистической экспертизы / Н. Ю. Мамаев // Теория и практика судебной экспертизы. – 2020. – Т. 15, № 4. – С. 6–18.

186. Манукян, А. Р. Молодежный религиозный экстремизм в современной России: пути его преодоления и профилактики / А. Р. Манукян // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 146–148.

187. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : АСТ: АСТ Москва, 2009. – 331 с.

188. Марницына, Е.С. Концепт Word в ветхозаветных притчах: на материале английского перевода Библии / Е.С. Марницына. – СПб: Delibri, 2018. – 199 с.

189. Массэ, А. Ислам. Очерк истории : пер. с франц. / А. Массэ – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1982. – 189 с.

190. Медникова, Э. М. Теория перевода и сопоставительный анализ языков / Э. М. Медникова. – М. : Издательство Московского университета, 1985. – 142 с.

191. Мечковская, Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – М. : Гранд, 1998. – 350 с.

192. Мещерякова, А. Ф. Религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности России: правовые аспекты его предупреждения и пресечения / А. Ф. Мещерякова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 12. – С. 103–108.

193. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Издательский центр «Academia», 1996.
194. Мишланов, В. А. Молитва как речевой жанр / В. А. Мишланов // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 290–302.
195. Молодык, Д. Д. Жанр жития и его интерпретация в историко-литературных курсах С. П. Шевырёва : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Д. Д. Молодык. – Пенза, 2008. – 209 с.
196. Мона, Е. А. Речевой портрет террориста: фонетические особенности / Е. А. Мона // Образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей – материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции / Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2015. – С. 1471–1475.
197. Мороз, О. В. Медиа как машины производства насилия: дефицитный sensemaking / О. В. Мороз // Digital-агрессия: что делать и кто виноват? : сб. ст. и материалов к науч.-практ. конф. – М., 2015. – С. 156–167.
198. Мороз, Р. И. Терроризм как форма политического экстремизма: тенденции развития в 1990–2004 г. : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Р. И. Мороз. – М., 2004. – 175 с.
199. Морозова, Е. В. Особенности жанра современной христианской церковной проповеди. Лингвостилистический аспект (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Морозова. – М., 1998.
200. Москаленко, М. Р. Естественнонаучная картина мира и религиозный экстремизм / М. Р. Москаленко // Alma mater: Вестник высшей школы. – 2012. – № 4. – С. 71–75.
201. Москвин, В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М. : URSS ; Издательство ЛКИ, 2012. – 194 с.
202. Муллагалиева, Л. «Свой-чужой» в аспекте межкультурной коммуникации / Л. Муллагалиева // Государственная служба. – 2008. – № 3. – С. 138–142.

203. Мурзалина, Б. К. О контекстуальной обусловленности интонационного маркирования слова в тексте / Б.К. Мурзалина // Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Е. А. Брызгуновой. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 151.
204. Мусаев, М. А. Эпиграфика кладбища XIV–XV вв. «ТтатиПир» в окрестностях сел. Баршамай / М. А. Мусаев, Ш. Ш. Шихалиев, М. Г. Шехмагомедов // История, археология и этнография Кавказа. – 2018. – № 2 (14). – С. 33–49.
205. Мустафина, Т. В. Религиозный экстремизм в условиях глобализации / Т. В. Мустафина // Вестник Российского философского общества. – 2014. – № 4 (72). – С. 93–95.
206. Мухаммад ибн Ахмад аль-Куртуби. Тафсир аль-Куртуби / Ибн Ахмад аль-Куртуби Мухаммад. – 2021. URL: <https://darul-kutub.com/books/1381/>
207. Мухин, А. М. Лингвистический анализ / А.М. Мухин. – М., 1976.
208. Назарян, А. Г. Фразеология современного французского языка / А. Г. Назарян. – М. : Высш. шк., 1987. – 288 с.
209. Найда, Ю. А. Процедуры анализа компонентной структуры референциального значения / Ю. А. Найда // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М., 1983. – С. 61–74.
210. Наумкин, В. В. К вопросу о переводе некоторых сакральных мусульманских формул на русский язык / В.В. Наумкин // Минарет. 2007. № 4 (14). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/14/naumkin.htm.
211. Неймат, М. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. (Арабо-персо-тюркоязычные надписи Шеки-Закатальской зоны XIV – начала XX вв.). Т. 2 / М. Неймат. – Баку : Элм, 2001. – 368 с.
212. Немировский, В.Г. Социология. Классические и постклассические подходы к анализу социальной реальности: учеб. Пособие / В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко, С.В. Гришаев. – М. : Рос. гос. гуманит. Ун-т, 2003.
213. Несипбай, Р. Т. кызы. Радикальные направления в исламе. Джихадизм и такфир / Р. Т. Несипбай кызы // Религиоведение. – 2010. – № 4. – С. 102–104.

214. Нефидова, М. Ф. Проблема речевой этики в политическом дискурсе / М. Ф. Нефидова // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – № 3. – С. 40–47.
215. Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М. : Наука, 1982.
216. Огдонова, Ц. Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ц. Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000.
217. Открытое письмо исламских ученых главарю ИГИЛ <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=16253>.
218. Осадчий, М. А. Русский язык на грани права. Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи / М. А. Осадчий. – М. : URSS ; ЛИБРОКОМ, 2013. – 254 с.
219. Османов, М.-Н. О. Коран / М.-Н. О. Османов. – М., 1999. – 927 с.
220. Павловский, Г. Новая политкорректность вражды / Г. Павловский // Русский журнал. – 2010. – № 19.
221. Падучева, Е. В. Акциональная классификация глаголов и семантика союза пока / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 2015. – № 5. – С. 7–25.
222. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Референциальные аспекты семантики местоимений / Е. В. Падучева. – М. : URSS ; Издательство ЛКИ, 2010. – 291 с.
223. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 610 с.
224. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / Под ред. М. В. Горбаневского. – М., 2004.
225. Панюшкин, А. Язык вражды / А. Панюшкин. – Текст : электронный // Ведомости. – 2007. – URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2007/02/16/120851> (дата обращения: 16.10.2024).

226. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль ; пер. с нем. А. А. Холодовича. – М. : Изд-во иностранной литературы, 2014. – 500 с.
227. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии : учебное пособие для студентов, обучающихся по спец. «Журналистика» и «Филология» / Н. Е. Петрова. – 2-е изд. – М. : Флинта ; Наука, 2013.
228. Плисов, Е. В. Лингвистические особенности изучения языка религиозной сферы в современной германистике / Е. В. Плисов // Филология. – 2019. – № 17. – С. 73–143.
229. Плотникова, С. Н. Лекции по судебной фонетике / С.Н. Плотникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 58 с.
230. Полосин, А. В. Методологические замечания к переводу Корана / А.В. Полосин // Минарет. 2007. № 4 (14). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/14/polosin.htm.
231. Пономарева, Н. В. Религиозный экстремизм в российском политико-правовом пространстве / Н. В. Пономарева // Философия права. – 2008. – № 4. – С. 123–125.
232. Попов, А. Полная история ислама и арабских завоеваний / А. Попов. – М. : АСТ, 2010. – 635 с.
233. Порохова, В.М. Перевод Корана:буквальный или смысловой / В.М. Порохова. – Дамаск, 1995.
234. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М., 1979.
235. Придворов, Н. А. Институт свободы совести и свободы вероисповедания в праве современной России / Н. А. Придворов, Е. В. Тихонова. – М. : Юриспруденция, 2007. – 128 с.
236. Поршнев, Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М. : Наука, 1979. – 232 с.
237. Потebня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потebня. – М. : Правда, 1989. – 203 с.

238. Пролетенкова, С. Е. Субъекты противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации / С. Е. Пролетенкова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 12. – С. 21–24.
239. Расторгуева, М. Б. Речевой жанр церковно-религиозной проповеди : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М. Б. Расторгуева. – Воронеж, 2005. – 280 с.
240. Расторгуева, В.С. Сравнительно-историческая грамматика западно-иранских языков / В.С. Расторгуева. – М., 1990.
241. Расторгуева, В.С., Керимова А.А. Система таджикского глагола /В.С. Расторгуева, А.А. Керимова. – М., 1964.
242. Ратинов, А. Р. Избранные труды / А. Р. Ратинов ; сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова ; предисловие О. Д. Ситковской ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 212 с.
243. Резван, Е. А. Коран и коранистика / Е. А. Резван // Ислам. Историографические очерки. – М., 2001. – С. 51–52.
244. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Валент, 2007. – 208 с.
245. Ричардс, А. Философия риторики. Теория метафоры / А. Ричардс. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–68.
246. Романова, Т. В. Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии / Т. В. Романова // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – № 2. – С. 56–67.
247. Ромашова, И.П. Экспрессивность как семантико-прагматическая категория высказывания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01/ И.П. Ромашов. – Омск, 2001.
248. Рубинчик, Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка / Ю.А. Рубинчик. – М.: Восточная литература РАН, 2001. – 600с.
249. Руженцева, Н.Б. Методология и методика анализа массмедийных политических текстов / Н.Б. Руженцева. – М. : Флинта, 2023. – 212 с.
250. Румянцева, И.М. Психология речи и лингвопедагогическая психология /И.М. Румянцева. – М.: Логос, 2004.

251. Рыбкина, С. Н. Рамочные конструкции в немецком языке и их употребление в письменной речи русско-немецких билингвов : учеб. пособие / С. Н. Рыбкина. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2014. – 82 с.
252. Рыжкина, О. А. Системное исследование зооморфизмов в русском языке в сопоставлении с английским : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / О. А. Рыжкина. – М., 1980.
253. Саблуков, Г.С. Сведения о Коране законоположительной книги мхаммеданского вероучения / Г.С. Саблуков. – Казань, 1884.
254. Саблуков, Г. С. Коранъ. Переводъ съ арабскаго языка: репр. изд. 1907 г. / Г.С. Саблуков. – М. - Мн., 1991.
255. Свешникова, Т. Н. Имя собаки как стереотипизированная структура / Т. Н. Свешникова // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995.
256. Свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения и протестантизм в России: круглый стол. Измайлово. 16 января 2002 г. / под ред. С. А. Мозгового, С. А. Бурьянова. – М. : Институт свободы совести, 2002. – 119 с.
257. Сдобников, В. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. – М. : ВКН, 2019. – 512 с.
258. Селезнева, Л. Б. Семантические и функциональные особенности неполных предложений / Л. Б. Селезнева // Русская словесность. – 2009. – № 5. – С. 59–64.
259. Селиверстова, О. Н. Компонентный анализ многозначных слов: на материале некоторых русских глаголов / О. Н. Селиверстова. – М. : Наука, 1975. – 240 с.
260. Сентенберг, И. В. Лексическая семантика английского глагола: учебное пособие к спецкурсу / И. В. Сентенберг. – М.: Московский государственный педагогический институт, 1984. – 96 с.

261. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
262. Серёдкина, Е.В. Расширенное понятие диалога в рамках постнеклассической науки / Е.В. Серёдкина // Учен. зап. студентов и аспирантов гуманит. фак. ПГТУ. – 2003. – № 9.
263. Сергеев, А. В. Религиозный экстремизм в информационном пространстве сети Интернет / А. В. Сергеев // Аграрное и земельное право. – 2017. – № 1. – С. 144–148.
264. Сердюк, Л. В. Терроризм как форма экстремизма : монография / Л. В. Сердюк ; Министерство внутренних дел Российской Федерации. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – 156 с.
265. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб. : Наука, 1993. – 151 с.
266. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – М. : Либроком, 2019. – 294 с.
267. Смирнов, А. А. Современный правый экстремизм на Западе. Течения, идеология и механизмы пропаганды / А. А. Смирнов // Свободная мысль. – 2021. – № 6. – С. 10–20.
268. Смирнов, А. В. Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла / А.В. Смирнов // Философия и этика: сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М.: Альфа-М, 2009.
269. Смирнова, Н. С. Идентификация дикторов на основе сравнения параметров реализации мелодических контуров высказываний / Н.С. Смирнова. – Электронный ресурс: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/77.htm> .
270. Со, А. А. Свобода вероисповедания и религиозный экстремизм / А. А. Со // Власть. – 2015. – № 6. – С. 99–102.
271. Соловьёв, В.Р. Манипуляции: Атакуй и защищайся / В.Р. Соловьёв. – М.: Эксмо, 2011.

272. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Ю. П. Солодуб. – М., 1986. – 406 с.

273. Соснов, Н. Экстремизм: история и современность / Н. Соснов. – URL: <http://maxpark.com/community/129/content/3452311> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.

274. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1979. – 155 с.

275. Сычев, Е. А. Признаки возбуждения вражды и ненависти и их значение для определения смысловой и психологической направленности текста / Е. А. Сычев, Л. Л. Мартынова. – Текст : электронный // Общество и право. – 2008. – № 1 (19). – С. 225–228. – URL: https://mvd.ru/upload/site119/folder_page/003/467/465/sl-2008-1.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

276. Султанов, А. Р. Защита свободы совести, распространения убеждений через призму постановлений Европейского суда по правам человека / А. Р. Султанов. – М. : Статут, 2013. – 544 с.

277. Сулова М.Н. Влияние политических условий на динамику ксенофобии в России и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.Н. Сулова. – М., 2012.

278. Сулонов, П. Е. Религиозный экстремизм в системе социальных отношений : монография / П. Е. Сулонов. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2014. – 114 с.

279. Тамаев, Р. С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы : монография / Р. С. Тамаев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011. – 263 с.

280. Тарасова, Д. М. Религиозный экстремизм как угроза национальной безопасности. Роль органов прокуратуры в борьбе с указанным явлением / Д. М. Тарасова // Российский следователь. – 2020. – № 11. – С. 63–67.

281. Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – 516 с.
282. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах /Л.Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1976.
283. Томалинцев, В. Н. Введение в социальную экстремологию / В. Н. Томалинцев, А. А. Козлов. – СПб., 2005.
284. Тошмухаммадов, М. Гражданская война в Таджикистане и постконфликтное восстановление / М. Тошмухаммадов. – Саппоро: Университет Хоккайдо, 2004. — 26 с.
285. Тропина, Н. И. Глагол как средство речевого воздействия / Н. И. Тропина. – М. : Издательство МГУ, 1989. – 95 с.
286. Уфимцева, А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Едиториал, 2010. – 240 с.
287. Ушаков, В. Д. Некоторые аспекты перевода Корана на русский язык / В. Д. Ушаков // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 9. – С. 73–75.
288. Фадеичева, М. А. Экзистенциальные основания языка вражды / М. А. Фадеичева. – Текст : электронный // Дискурс Пи. – 2015. – Вып. 1 (18). – С. 20–24. – URL: http://www.madipi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=259&Itemid=75 (дата обращения: 13.01.2018).
289. Федоров, А. А. Развитие русской фразеологии в к. XVIII – нач. XIX / А. А. Федоров. – Новосибирск, 1973. – 171 с.
290. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983.
291. Федотов, М. А. Правовые основы журналистики / М. А. Федотов. – М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2002.
292. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – 1983. – Вып. XII.
293. Филясова, Ю. А. Просодическое оформление выделенного слова в различных позициях в синтагме / Ю.А. Филясова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 9, 2008. – Вып. 2. Ч. II. – С. 249.

294. Финкельбер, Н. Д. Арабский язык. Теория и технология перевода / Н.Д. Финкельберг. – М.: Восточная книга, 2010.
295. Фридинский, С. Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности / С. Н. Фридинский // Российский следователь. – 2008. – № 12. – С. 25–28.
296. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр., общ. ред. Б. Левченко. – Киев : НикаЦентр, 1996. – 208 с.
297. Хазанов, А.М. Комментарий к новому русскому переводу Корана / А.М. Хазанов // Историческая психология и социология истории. – 2010. - № 5.
298. Хоровинников, А. А. Экстремизм и экстремальные явления как факторы травматогенных изменений социальной действительности / А. А. Хоровинников // Научный молодежный ежегодник. Вып. II. Ч. 1. – Самара : Изд-во СНЦ РАН, 2007.
299. Хорольский, В. В. Особенности политического дискурса и вспомогательные коммуникативные единицы в публичных выступлениях политиков / В. В. Хорольский // Журналистика и культура русской речи. – 2012. – № 4. – С. 62–81.
300. Хроменков, П.Н. Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... док. филол. Наук: 10.02.19 / П.Н. Хроменков. – М., 2016.
301. Худякова, Е.С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере (на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Е.С. Худякова. – Пермь, 2009. – 24 с.
302. Чудинов, А. П. Семантическое варьирование русского глагола : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Свердловск, 1984. – 71 с.
303. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Издательство УрГПУ, 2001. – 238 с.

304. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) : учеб. пособие / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – 193 с.
305. Чудинов, С. И. Религиозный экстремизм и проблема духовно-нравственного воспитания и противодействия / С. И. Чудинов // Философия образования. – 2010. – № 3 (32). – С. 339–347.
306. Шалаева, Н. В. Персонификация образа власти в советской политической культуре 1920-х гг. / Н. В. Шалаева // Власть. – 2014. – № 2. – С. 179–183.
307. Шафранская, Э. Ф. Лирическая проза Санджара Янышева. Колониальный и постколониальный палимпсест / Э. Ф. Шафранская // Вопросы литературы. – 2020. – № 2. – С. 143–156.
308. Шахнарович, А. М. Избранные труды / А. М. Шахнарович. – М.: Гуманитарий, 2001.
309. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1987. – 190 с.
310. Швейцер, А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М., 1988.
311. Шейгал, Е. И. Власть и речевая коммуникация / Е. И. Шейгал // Известия РАН Серия литературы и языка. – 2005. – № 5. – С. 38–45.
312. Шейгал, Е. И. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие / Е. И. Шейгал // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67, № 1. – С. 3–20.
313. Шипилов, А. В. «Свои», «чужие» и другие / А. В. Шипилов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 566 с.
314. Шмелева, Т. В. Жанроведение? Генристика? Генелогия? / Т. В. Шмелева // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 62–67.

315. Шудегова, Е. А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе / Е. А. Шудегова // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 46–54.
316. Шулумба, Б. В. СМИ и этничность: от языка вражды к языку толерантности / Б. В. Шулумба // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 5. – С. 56–58.
317. Шураева, Л. М. Религиозный экстремизм: природа и истоки / Л. М. Шураева // Российский следователь. – 2013. – № 18. – С. 25–27.
318. Шутемова, Н. В. Различные трактовки понятия «доминанта»: от лингвистики текста к переводоведению / Н. В. Шутемова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Язык и литература. – 2017. – Вып. 1. – С. 114–124.
319. Шхумишхова, А. Р., Калашова А. А. Лингвостилистические особенности интернет-комментария в СМИ / А.Р. Шхумишхова, А.А. Калашова // Cross-Cultural Studies: Education and Science. – 2018. – С. 387–392.
320. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 95.
321. Щербинина, Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – М. : Форум, 2012. – 400 с.
322. Щур А.М. Формирование толерантного коммуникативного поведения у будущих журналистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук:13.00.08 / А.М. Щур. – Саратов, 2010.
323. Эмануилов, Р.Я., Яшлавский, А.Э. Религия и терроризм. Проблема соотношения / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. – М.: Наука, 2016. – 413 с.
324. Эриксон, Э. Х. Идентичность и цикл жизни / Э. Х. Эриксон. – СПб. : Питер, 2023. – 207 с.
325. Яворский, М. А. Причины и условия проявлений религиозного экстремизма в современной России / М. А. Яворский // Юридический мир. – 2008. – № 11. – С. 22–24.

326. Яговец, В. В. К вопросу о «злых» и «добродетельных» женах в древнерусской культуре / В. В. Яговец // История культуры: статьи, исследования, эссе. – 2010. – № 8. – С. 79–85.

327. Язык вражды в СМИ. Правовые и этические стандарты / под ред. Г. Ю. Араповой. – Воронеж, 2011. – 128 с.

328. Язык вражды против общества. – М., 2007. – 268 с. – URL: <http://www.sova-center.ru/files/books/hs07-text.pdf> (дата обращения: 20.03.2020). – Текст : электронный.

329. Язык вражды в русскоязычном Интернете. Материалы по идентификации текстов ненависти. – СПб., 2003. – 72 с.

330. Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика. – М., 1983. – С. 102–117.

331. Янко, Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко. Языки славянской культуры. – М., 2001. – 384 с.

332. Ярошенко, П. В. Синестезия в художественном тексте и модели ее перевода / П. В. Ярошенко // Вестник Московского университета. Серия: Филология. – 2020. – № 3. – С. 135–143.

333. Ярская, В. Н. Язык мой – враг мой: расистский дискурс в российском обществе / В. Н. Ярская // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 46–53.

334. Arens, A. Sprachwissenschaft: Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Freiburg i. Br. / A. Arens. – München : Alber, 1969. – 816 S.

335. Arnet, S. Wortschatz der Hebräischen Bibel: 2500 Vokabeln alphabetisch und thematisch geordnet, mit Register deutsch-hebräisch; 4., erw. Aufl. / S. Arnet. – Zürich : TVZ, 2012. – 344 S.

336. Adams, J. Abū 'lĀ Ala' Mawdūdī's Talhīm al-Qur'ān / J. Adams // Approaches to the History of the Interpretation of the Qur'ān. – Oxford, 1988.

337. Auerbach, E. Mimesis / E. Auerbach. – Bem, 1967.

338. Baader, F. H. Wortkunde der Bibel und Etymologie über die Herkunft der europäischen Sprachen / F. H. Baader. – Schömburg-Langenbrand : Grieser, Fachbuchverl, 2000. – 1183 S.
339. Bartmiński, J. Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu „matki” / J. Bartmiński // *Język a Kultura*. – Vol. 12. – Wrocław, 1998. – S. 63–83.
340. Bayer, K. Religiöse Sprache zur Einführung / K. Bayer. – München : Lit, 2004. – 121 S.
341. Burth, J. Ethymologische Studien zum Semitischen / J. Burth. – Leipzig, 1900.
342. Fruenkel, S. Die uramäischen Fremdwörter in Argbischen / S. Fruenkel. – Leiden, 1986.
343. Camarota, S. Our Missing Workers Are Not Missing Immigrants / S. Camarota // *National Review*. 2023. URL: https://www.nationalreview.com/magazine/2023/05/01/our-missing-workers-are-not-missing-immigrants/?utm_source=recirc-desktop&utm_medium=blog-post&utm_campaign=river&utm_content=more-in&utm_term=second (accessed: 16.04.2023).
344. Fruenkel, S. Die uramäischen Fremdwörter in Argbischen / S. Fruenkel. – Leiden, 1986.
345. Grimme, H. Molammed. Vol. i: Einleitung in den Koran; vol. Ti: System der Koranischen Theologie / H. Grimme. – Münster, 1908.
346. Hate Lingo, A Target-based Linguistic Analysis of Hate Speech in Social Media / ElSherief M., Kulkarni V., Nguyen D., Wang W.Y., & Belding-Royer E.M. / A. Hate Lingo // *Proceedings of the Twelfth International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM 2018)*. – 2018. – P. 42–51.
347. Izutsu, T. God and Man in the Koran / T. Izutsu. – Tokyo, 1964.
348. Jauss, H. R. Literary history as a challenge to literary theory / H. R. Jauss // *New Literary History*. – Baltimore, 1970.
349. Martin, R. C. Understanding the Qur'ān in text and context / R. C. Martin // *History of Religions*. – 1982.

350. McGonagle, T. The Council of Europe against online hate speech: Conundrums and challenges. Expert paper 5: 1–40. Belgrade: Council of Europe Conference of ministers responsible for media and information society / T. McGonagle. – 2013. – URL: <https://www.epra.org/attachments/the-council-of-europe-against-online-hate-speech-conundrums-and-challenges> (mode of access: 07.07.2021). – Text : electronic.

351. Mullen, B., Smyth J. M. Immigrant suicide rates as a function of ethnophaulisms: Hate speech predicts death / B. Mullen // Psychosomatic Medicine. – 2004. – Vol. 66(3).–P.343–348.

352. Siddiqi, A. Studien über die persischen Fremdwörter im klassischen Arabisch / A. Siddiqi. – Gisttingen, 1919.

353. Todenhöfer, J. Inside IS – 10 Tage im «Islamischen Staat». Jürgen Todenhöfer / J. Todenhöfer. – München : C. Bertelsmann, 2015. – 285 p.

354. Wansbrough, J. Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation / J. Wansbrough. – Oxford, 1977. – P. 85–118.

355. Weber, A. Manual on hate speech, Council of Europe publishing / A. Weber // book.coe.int/ftp/3342.pdf. P. 3-6. (дата обращения: 07.04.2020).

СЛОВАРИ

356. Абу Джабер, Дж. Арабско-русский словарь идиоматических выражений / Дж. Абу Джабер, А. В. Капшук. – М. : ЯСК, 2018. – 456 с.

357. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь / Х. К. Баранов. – М. : Русский язык, 1985. – 943 с.

358. Большой актуальный политический словарь. – URL: <https://1336.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.

359. Большая советская энциклопедия. Т. 30. – 3-е изд. – М., 1978.

360. Большой толковый словарь русского языка. – URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12053532/ (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.

361. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001. – 1456 с.
362. Борисов, В. М. Русско-арабский словарь / В. М. Борисов. – М. : Русский язык, 1993. – 1136 с.
363. Иллюстрированный энциклопедический словарь. – URL: <https://1598.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
364. Киселева, Л.Н., Миколайчик, В.И. Дари-русский словарь / Л.Н. Киселева, В.И. Миколайчик. – М.: Русский язык, 1978. – 744 с.
365. Литературный энциклопедический словарь/ Под общ. ред. В. М. Кожевникова. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
366. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1993.
367. Персидско-русский словарь. – URL: <https://farhang.ru/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
368. Политическая наука. – URL: <https://1332.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
369. Словарь лингвистических терминов. – URL: <https://rus-lingvistic-term.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
370. Советский энциклопедический словарь. – М., 1981.
371. Таджикско-русский словарь / Под редакцией Д. Саймиддинова, С.Д. Холматовой, С. Каримова. – Душанбе, 2006. – 784 с.
372. Толковый словарь демократического новояза. – URL: <https://1355.slovaronline.com/> (дата обращения: 16.10.2024). – Текст : электронный.
373. Фарҳанги забони тоҷикӣ : в 2 т. – М. : Совет. энцикл, 1969.
374. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». – Душанбе : Адиб, 1988. – 211 с.
375. Фарҳанги тоҷики ба руси (зери таҳрири С. Д. Холматова, С. Солеҳов, С. Каримов). – Душанбе : Дониш, 2004. – 814 с.
376. Энциклопедический словарь-справочник: выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. – 7-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2019. – 480 с.

377. – 2003. دار غريب: القاهرة – معجم التعبير الاصطلاحي فى العربية المعاصرة. محمد محمد داود. 2003. – 687 ص = Мухаммед, М. Д. Словарь идиоматических выражений современного арабского языка / М. Д. Мухаммед. – Каир : Дар гариб, 2003. – 687 с.

378. 1067 – 2004 = Толковый словарь арабского языка «аль-Му‘джам аль-Васит». – Каир : Академия арабского языка, 2004. – 1067 с.

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

379. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г. // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.12.2022).

380. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 01.04.2023).

381. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 26.02.2006; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 01.03.2006; офиц. текст: по состоянию на 29.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

382. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 27.06.2002; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 10.07.2002; офиц. текст: по состоянию на 28.11.2018) // СПС «Гарант».

383. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 19.09.1997; одобр. Советом Федерации Федер. Собр. РФ 24.09.1997; офиц. текст: по состоянию на 05.02.2018) // СПС «Гарант».

384. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Ратифицирована Федеральным законом РФ от 10 января 2003 года N 3-ФЗ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

385. URL: <https://telegram.me/joinchat/CQs/wj5fpApbbjGoCENkDg>:
386. URL:<https://www.Sudast.ru> (дата обращения: 5.08.2021)

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БАРС – Большой арабско-русский словарь

ИЯ – исходный язык

ПТ – переводной текст

ПРС – Персидско-русский словарь

РТ – религиозный текст

СГ – сложные глаголы

ТРС – Таджикско-русский словарь

ФЗТ – Фарҳанги забонӣ тоҷикӣ (Толковый словарь таджикского языка)

ЯВ – язык вражды

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица используемых в диссертации транскрипций арабских звуков

Таблица А.1 – Используемые в диссертации транскрипции арабских звуков

Буквы арабского алфавита	Название букв	Транскрипция	Буквы арабского алфавита	Название Букв	Транскрипция
литературные буквы					
أ	алиф с хамзой	`a	ض	Дад	Д
آ		`u	ط	Та	Т
إ		`i	ظ	За	З (З сир.)
ب	ба	б	ع	‘айн	‘
ت	та	т	ع	Гайн	Г
ث	са	с	ف	Фа	ф
ج	джим	дж (ж, г)	ق	Каф	К
ح	Ха	Х	ك	Кяф	к
خ	ха	х	ل	Лям	л (ль)
د	даль	д	م	Мим	м
ذ	заль	з	ن	Нун	н
ر	ра	р	ه	Ха	х
ز	за	з	ة	Та марбута	т
ص	Сад	С	و	Вав	в
س	син	с	ي	Йа	й
ش	шин	ш (щ)	ء	хамза	`
дополнительные буквы (диалект.)			дифтонги (диалект.)		
اِي	-	п	اِي	Ай	e:
اُو	-	в	اُو	Ау	o:
اِج	-	г			
اِچ	-	ч (иракск.)			
долгие гласные обозначаются с двоеточием после краткой гласной, например: [a:]					